

**ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**МАТТЕО РИПА
ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕКА. СУДЬБА КНИГИ
МИССИОНЕР ПРИ ДВОРЕ ИМПЕРАТОРА КАНСИ**

Мария Круглова

**Москва
2023**

УДК 929
ББК 99.1
К84

Рекомендовано к печати
Ученым советом Института востоковедения РАН

Ответственный редактор
Д.В. Дубровская, док. ист. наук, ФГБУН ИВ РАН
Рецензенты
В.Г. Дацышен, док. ист. наук, ФГАОУ ВО СФУ
Е.В. Волчкова, канд. ист. наук, НИУ ВШЭ

К84 Круглова М.С.

Маттео Рипа. История человека. Судьба книги. Миссионер при дворе императора Канси: монография / М.С. Круглова; Ин-т востоковедения Рос. акад. наук, [отв. ред. Д.В. Дубровская]. – Москва : ИВ РАН. – 2023. – 232 с., ил.

ISBN 978-5-907671-38-6

Итальянский миссионер Маттео Рипа был направлен Папой Римским с духовной миссией в Пекин и двенадцать лет прослужил при дворе императора Канси. Став свидетелем и участником «спора о ритуалах», он написал мемуары «Джорнале», судьба которых оказалась сложной. Известны две версии книги – итальянская, изданная монахами-иезуитами, и английская, представляющая собой сокращенный вариант итальянской версии. В итоге и в том, и в другом случае истина была искажена на века. В данной монографии рассказывается о жизни Маттео Рипы, вводится в оборот оригинальный текст его записей, показывается механизм рождения исторического мифа.

ISBN 978-5-907671-38-6

**УДК 929
ББК 99.1**

© Круглова М.С., 2023
© ФГБУН ИВ РАН, 2023

*300-летнему юбилею
Российской академии наук
посвящается*

*Памяти
Семёна Дмитриевича Круглова*

*С благодарностью
Елизавете Витальевне Волчковой*

Содержание

Введение.....	9
Глава 1. «Спор о ритуалах» или «война» декретов длиною в 300 лет.....	22
1.1 Признание ритуалов: по заветам Маттео Риччи.....	22
1.2 Начало «спора».....	27
1.3 Обстановка во время пребывания Маттео Рипы при дворе императора Канси.....	31
1.4 После Канси.....	43
1.5 История публикации «Джорнале».....	49
Глава 2. Маттео Рипа и его миссия в Китай.....	58
2.1 Ранние годы Маттео Рипы.....	58
2.2 На пути в Китай.....	60
2.3 Этнографические сведения о Китае в «Джорнале».....	63
2.4 На службе при дворе императора Канси.....	70
2.5 Картографическая деятельность Маттео Рипы.....	77
2.6 Попытки миссионерской деятельности.....	81
2.7 Возвращение в Италию.....	85
2.8 Создание Колледжа для китайских студентов.....	88
2.9 Смерть Рипы.....	92
Глава 3. «Джорнале» о деятельности миссионеров в рамках «спора о ритуалах».....	97
3.1 «Джорнале» о «споре». Первые описания.....	97
3.2 «Передайте Его Величеству ответ, который я вам по секрету сказал».....	100
3.3 Ответы на вопросы.....	103
3.4 «16 августа. Получил письмо из Кантона».....	112
3.5 «...отвратительное обвинение мандарина против нашей святой религии...».....	119
Заключение.....	123
Приложение 1. Выдержки из бортового журнала Маттео Рипы.....	125
Приложение 2. Перевод первой половины Главы III из тома II Storia della Fondazione.. «История создания Конгрегации и Колледжа для китайцев», в которой Рипа подробно описывает переговоры между российским посланником Измайловым и императором Канси.....	146
Приложение 3. Письмо, представленное чиновником Фань Шаоцзо на рассмотрение в министерство ритуалов (Скопирован Маттео Рипой).....	167
Приложение 4. Меморандум Чэнь Мао к императору Канси. Запрос ограничительных мер и изгнания купцов и миссионеров из Срединного Государства в меморандуме от 1717 года (Скопирован Маттео Рипой).....	171
Приложение 5. Документы, касающиеся «спора о ритуалах».....	175
Приложение 6. Хронология жизни и деятельности Маттео Рипы.....	182
Приложение 7. Иллюстрации.....	186
Список литературы.....	218

Введение

Маттео Рипа (1682–1746) – яркая историческая личность, заслуживающая пристального внимания. Рипа оказался в самой гуще событий и впоследствии запечатлел их в своих записках. В данной работе мы попытаемся доказать, что Маттео Рипа являлся одной из ключевых фигур, повлиявших на ход «спора о китайских ритуалах» – споре о причислении китайских ритуалов поклонения предкам и Конфуцию к религиозной или к светской традиции. Наша работа также посвящена и его личности, его путешествию и пребыванию в Китае и особенно исследованию его мемуаров, («Жорнале»)¹, написанным после возвращения на родину и основания Колледжа для подготовки миссионеров из числа молодых китайцев (Collegio dei cinesi).

«Жорнале» Маттео Рипы рассматривается нами как источник по истории католической духовной миссии в Китае в начале XVIII века. Описанный Маттео Рипой период был озаглавлен, в том числе, событиями продолжавшегося так называемого «спора о ритуалах». В силу обстоятельств сам автор «Жорнале» был не только свидетелем многих относимых к «спору о ритуалах» событий, но и их участником, коим он стал по той причине, что был направлен с миссией в Китай одной из сторон конфликта со вполне определенной миссией.

1 Мы будем применять к мемуарам Рипы также название «Жорнале» от итальянского Giornale – журнал, дневник. Позже будет рассказано о том, что Рипа писал свой «Жорнале» после возвращения из Китая на родину, но делал это по своим записям, которые вёл, находясь в Поднебесной. Исходя из этого, его труд, строго говоря, является чем-то средним между дневником и мемуарами.

Таким образом, если рассматривать «Джорнале» как источник по указанному периоду истории, необходимо прежде всего учитывать ситуационный контекст событий «спора о ритуалах».

Сама история текста «Джорнале», продолжившаяся и после смерти его автора, показывает, что изучение текста «Джорнале» как исторического источника сколь оправдано по целому ряду причин, столь и не точно вне знания об описываемом историческом контексте, повлиявшем в том числе и на историю самого «Джорнале». Более того, смело можно утверждать, что историю с переизданиями текста «Джорнале» можно изучать как часть истории «спора о ритуалах». Именно по этой причине мы уделяем столь пристальное внимание описанию истории «спора о ритуалах».

Также в нашей работе мы постараемся развеять устоявшийся в научной литературе миф о Рипе как о художнике-иезуите, попавшем в Китай по поручению Папы Римского передать папскому легату, находившемуся на данный момент в Китае, кардинальскую шапочку.

10 Изучение текста мемуаров итальянского миссионера Маттео Рипы как источника по истории деятельности христианских миссионеров в Китае в XVIII веке представляет собой актуальную исследовательскую задачу. Во-первых, актуальность определяется характером описываемого исторического периода: автор «Джорнале» стал свидетелем начала ожесточенного теологического спора между организационными структурами Римско-католической церкви, участвовавшими в развитии духовной миссии в Китае: орденом иезуитов, с одной стороны, и самим Ватиканом, с другой стороны. Противоречия в понимании сути китайских традиционных духовных практик между миссионерами повлекли за собой внутрицерковный, и дипломатический конфликты между Ватиканом и Китаем, что сказалось на будущем католической миссии в Китае. Во-вторых, актуальность исследования определяется характером знаний современной историографии о рассматриваемом периоде: основной пласт информации заимствован из источников, авторами которых были члены иезуитского ордена. Вместе с тем Маттео Рипа представлял в этом споре альтернативную точку зрения, будучи миссионером, лояльным непосредственно структурам Ватикана. Изучение текста «Джорнале» сможет пролить дополнительный свет на происходившие в тот период события, позволит раскрыть механизмы развития конфликта вокруг «спора о ритуалах».

Долгое время – больше столетия – текст воспоминаний Маттео Рипы был известен, в том числе и широкому кругу историков, в издании, подготовленном орденом иезуитов. Работа же по опубликованию оригинального текста была начата недавно. Сравнительное же исследование текста «Джорнале» в издании иезуитов и оригинального текста позволяет сделать вывод о том, что текст мемуаров был в значительной степени сфальсифицирован иезуитами. Таким образом, введение в научный оборот оригинальной версии текста также является актуальной научной задачей.

Помимо этого, изучение текста «Джорнале» Маттео Рипы необходимо и по причине того, что указанный текст является одним из наиболее подробных свидетельств христианских миссионеров о быте императорского Китая в XVIII веке.

Вводимый нами в научный оборот исследуемый текст воспоминаний итальянского миссионера Маттео Рипы в силу обстоятельств является новым не только для отечественной историографической традиции, но также и для западноевропейской и – шире – общемировой. Во-первых, более столетия текст «Джорнале» изучался исследователями по двум изданиям: итальянскому, подготовленному и изданному монахами-иезуитами и английскому, представлявшему собой сокращенный вариант италоязычного иезуитского издания. Работу по изданию оригинального текста «Джорнале» начал профессор Микеле Фатика сравнительно недавно. Фатика работает и преподаёт в основанном Маттео Рипой Восточном университете Неаполя.

Во-вторых, в работах как советских, так и российских авторов традиционно уделяется слабое внимание событиям, положившим начало «спору о ритуалах» – эпизоду в истории католической духовной миссии в Китае крайне значимому.

В-третьих, изучение текста «Джорнале» в оригинальном его варианте позволило уточнить ряд обстоятельств относительно автора текста. Во многих западных работах и в большинстве русскоязычных исследований Маттео Рипа упоминается как член иезуитского ордена. Вместе с тем Маттео Рипа никогда не был членом Общества Иисуса, более того, в конфликте «спора о ритуалах» представлял противоположную иезуитской сторону.

Мемуары католических миссионеров, работавших в Китае, на русский язык практически не переводились. В представленном исследовании содержатся переводы фрагментов текста «Джорнале», представляющих интерес в том числе и с точки

зрения описания быта тогдашнего Китая.

Что касается европейской науки, то здесь Рипой интересовались во Франции, Англии, Германии, Испании, Швейцарии, Австрии. На родине Рипы, в Италии, есть несколько работ, посвящённых ему как религиозному деятелю. И только один труд, принадлежащий М. Фатике, посвящён исключительно мемуарам миссионера.

В более широком аспекте теме исследования посвящено большое количество научно-исследовательской и научно-популярной литературы, издаваемой регулярно на протяжении более 200 лет в Италии, во Франции, в Испании, в Германии, Великобритании, в Австрии, Швейцарии, в России.

Исследования по нашей теме можно разделить на три тематические группы. Работы общего характера, посвященные христианским миссиям в Китае и адаптации христианства в Китае, представляют первую группу.

12 Стоит отметить, что центральной фигурой при изучении христианской миссии в Китае в большинстве работ этой группы является Маттео Риччи (Ricci, 2000; 2001; Dreyfus, 2004; Criveller, 2012). Работы по Риччи включают в себя публикации работ миссионера, а также полноценные исследования. Его миссия исследована довольно подробно, что нельзя сказать о других миссиях как иезуитов, так и других орденов. Однако стоит отметить, что миссии членов Ордена Иисуса изучены более подробно, о чем свидетельствует наличие значительного количества исследований. Стоит оговорить, что «спор о ритуалах» изучается в основном по свидетельствам, оставленным именно иезуитами (Rule, 1986; Brockey, 2007; Corsi, 2008).

Католическим миссиям в Китай и отношениям католической церкви со странами Азии и Африки вообще посвящен довольно широкий пласт научной литературы по всему миру, как на Западе, так и в России (Thomas, 1923; 1926; D'Elia, 1934; Margotti, 1975; Witek, 1995; D'Arelli, 1995; Di Fiore, 1984; 1985; 1989; 1995; 2002; Von Collani, 2001; Chambers & Curti, 2002; Bertolucci, 1996; Martins do Vale, 2002; Coco, 2006; Corsi, 2008; Wu & Han, 2008; Волчкова, 2014, 2015).

Работы В. Данилова «История католических миссий до начала XX века» (2003 г.), Д. Тридгольда «The West in Russia and China: religious and secular thought in modern times» («Запад в России и Китае: религиозная и светская мысль современности» 1973 г.) (Treadgold, 1973), Д. Минамики «The Chinese rites controversy: from its beginning to modern times» («Спор о китайских ритуалах: с его начала до настоящего

времени» 1985) (Minamiki, 1985) позволяют получить представление о положении христианских миссионеров, о роли и месте христианства вообще, в то время, когда Рипа находился в Поднебесной. В этих работах миссионеры оцениваются в основном положительно: и не удивительно, ведь эти книги писались и издавались в христианских странах. Подчёркивается, что они несли не только Слово Божье, но и привозили передовые технологии, науку и искусство. Часто отмечается, что миссионерам благоволили только некоторые чиновники, основная же часть придворных была настроены против них.

Наиболее авторитетными отечественными работами в данной области являются работы Д.В. Дубровской «Миссия иезуитов в Китае. Маттео Риччи и другие (1552–1775 гг.)» (2001 г.) (Дубровская, 2000), «Иезуиты и эпоха Просвещения в Европе: новое видение Китая от Маттео Риччи до Адама Смита» (Дубровская, 2018), «Все пути ведут из Рима. Христианские миссии в Поднебесной империи от несториан (VII в.) до папы Франциска» (Дубровская, 2020). Особое значение для нас имели здесь сведения о Маттео Риччи. Стоит также отметить, что, по нашим сведениям «Миссия иезуитов в Китае...» — первое отечественное исследование, в котором, хотя и вскользь, упоминается Маттео Рипа. Однако, сведения о Рипе в этих работах взяты не из первоисточника на итальянском языке, а из сокращенного английского варианта, а они отличаются друг от друга. Так, в книге «Миссия иезуитов в Китае...» приводится цитата из источника на английском языке: «...свидетельство итальянского художника-иезуита (Рипа) показывает нам, насколько император Китая всё же ещё был маньчжуром, хотя был им в своих бытовых привычках» (Дубровская, 2000, 172–173). Как следует из нашего исследования, Рипа не был профессиональным художником, ни, тем более, иезуитом. В действительности он являлся официальным представителем Святого Престола и Святой Конгрегации пропаганды веры, которые вели активную и непримиримую борьбу с Орденом Иисуса², в частности, по

2 Иезуиты (Орден Иезуитов; официальное название «Общество Иисуса» (лат. Societas Jesu) — мужской монашеский орден Римско-католической церкви, основанный в 1534 году Игнатием Лойолой и утверждённый Павлом III в 1540 году. Иезуиты сыграли большую роль в Контрреформации, активно занимались наукой, образованием и миссионерской деятельностью. Члены Общества Иисуса наряду с тремя традиционными обетами (бедности, послушания и целомудрия) дают и четвёртый — послушания папе римскому «в вопросах миссий». Девизом ордена является фраза «Ad maiorem Dei gloriam» («К вьщей славе Божией»)

вопросам китайских ритуалов.

Это приводит нас ко второй группе исследований. К ней мы относим многочисленные работы, посвящённые непосредственно «спору о ритуалах». Среди них наиболее разработанным трудом является работа итальянского исследователя Джанни Кривиллера «La controversia dei riti cinesi» («Спор о китайских ритуалах» 2012 г.) (Criveller, 2012). Отметим, что автор этой работы подчеркнуто избегал оценочных суждений деятельности обеих сторон спора (Ватикан и Орден иезуитов), что положительно сказалось на общем информационном наполнении работы. Кривиллер даёт подробную хронологию событий, связанных со спором, не упуская важнейших действующих лиц и их вклад в спор.

Конечно, это не единственная работа по данной проблеме. Непосредственно сам «спор о ритуалах» стал исследовательской проблемой для большого количества работ (Varo, 1700, Rouleau, 1962; Rule, 1994; Witek, 1994; San Roman, 1997; Von Collani, 1994; Standaert, 2001; 2012; Song, 2018). В данной работе мы не могли не обратиться к авторитетному исследователю «спора о ритуалах» Дэвиду Мунджелло. На его счету большое количество работ, посвященных данной теме и христианским миссиям в Китае вообще. Мы обращались к некоторым из них. Особенно интересной представляется работа «The Chinese Rites Controversy. History and meaning» («Спор о китайских ритуалах. История и значение» 1994 г.) (Mungello, 1994). В данной работе автор демонстрирует точку зрения китайской стороны на «спор о ритуалах», чего до него не делали. Но при описании событий Мунджелло по-прежнему опирается в основном на документы из Иезуитского Архива в Риме.

В своём исследовании Д. Мунджелло уделяет большое внимание таким действующим лицам «спора о ритуалах», как папский легат де Турнон, и священник Шарль Мегро, сыгравшим важную роль в отношениях между Святым престолом и императором Канси, а также самому Канси. Автор также затрагивает проблему современного распространения католицизма в Китае (Mungello, 2012).

В книге Д. Мунджелло «The Great Encounter of China and the West» («Великое столкновение Китая и Запада» 2009 г.) (Mungello, 2009) содержатся подробные сведения о путешествии Рипы и судьбе его учеников, которых он привёз в Неаполь.

Менегона Е. (Menegon, 2003; 2009) подробно занимался изучением деятельности доминиканских миссионеров в Китае, а также частично затрагивал деятель-

ность ордена францисканцев (Menegon, 1997, 2008). В своей работе исследователь раскрывает точку зрения доминиканского ордена на «спор о ритуалах». Это одна из немногих работ (Villarroel, 1993; San Roman, 2000), открывающих взгляд на проблему ритуалов с противоположной иезуитам точки зрения.

Очень большой пласт научной литературы посвящён христианским миссиям в Китае вообще. Этой проблемой занимались многие отечественные и зарубежные авторы. А.В. Ломанов в своём исследовании «Христианство и китайская культура» (2002 г.) (Ломанов, 2002) подробно останавливается на проблеме «спора о китайских ритуалах». Описаны главные события и действующие лица. Кроме того, автор, цитируя китайских и европейских учёных, приводит высказывания императора Канси, который высказывает свою точку зрения на «спор», что позволяет увидеть китайский взгляд на проблему.

Однако вся европейская историография практически всегда упускала из виду одного из самых важных участников «спора». Вовлечение в «спор» китайских христиан в Китае долгое время игнорировалось. В последнее время это положение стало исправляться. Записи крещёных китайцев свидетельствуют, прежде всего, не только о влиянии «спора» на их повседневную религиозную практику, но и на жизнь вообще. Как утверждают современные историки Ли Тяньган и Линь Цзиншуй, которые изучали «спор» с точки зрения китайских представлений, китайские католики позднего периода династии Мин и раннего периода династии Цин были активными участниками «спора», а не только пассивными наблюдателями и жертвами, хотя большая часть споров проходила мимо них. Много говорилось и писалось о китайцах, но никто не спрашивал у них, что же они сами об этом думают. Один из первых опросов провели иезуиты и отправили в Рим в 1701 г. Это были записанные и заверенные свидетельства китайских христиан в пользу ритуалов (Criveller, 2012, 10).

Среди китайских исследователей, писавших о ритуалах (записи которых дошли до нас), нужно отметить следующих: Ли Цзюгуна и его двух сыновей, членов семьи, тесно связанной с иезуитским миссионером Джулио Алени. Наиболее активными в написании текстов о ритуалах были Ся Дачан, Ся Сяньгун, а также доминиканец Грегорио Ло Вэньцзао (первый и единственный китайский епископ до 1926 г.). Все они жили в начале эпохи Цин и происходили из провинций Фуцзянь и Чжэцзян (где

до сих пор относительно большой процент населения – католики). Нужно, однако, отметить, что богатый и существенный вклад китайских католиков в «спор», а также предложенная ими система разделения между приемлемыми и неприемлемыми ритуалами, не нашли места в документах и решениях Святого Престола.

Линь Цзиншуй описал китайских литераторов-католиков как находящихся между «небом и землёй», являющихся носителями двойной идентичности: с одной стороны, они поддерживали законность ритуалов в соответствии с конфуцианским воспитанием и образованием; с другой – являлись преданными практикующими католиками, заинтересованными в защите и распространении христианской веры. Они стремились представить свои аргументы в разумной и последовательной форме, надеясь, что католичество широко распространится в Китае, но полагали также, что китайская культура не должна превратиться в культуру западную (Lin, 1994, 81–82).

Центральной фигурой нашего исследования является католический миссионер отец Маттео Рипа, что обосновывает третью тематическую группу. Практически первое, известное специалистам исследование было опубликованное в 1789 году: N.Gangemi, *Storia della Congregazione e Collegio della sacra Famiglia di Gesu Cristo colla vita del fondatore Matteo Ripa*. Napoli, 1789 (Ганджеми Н. История Конгрегации и Колледжа Святого Семейства Иисуса Христа, с описанием жизни основателя Маттео Рипы, Неаполь, 1789) (Gangemi, 1798) а наиболее новые появились в 2010 году: Cirillo L. *Il Vangelo secondo Matteo Ripa*, Napoli, 2010. (Чирилло Л. Евангелие от Маттео Рипы, 2010) (Cirillo, 2010). В 2012 г. вышла ранее упомянутая книга Д. Кривиллера “La controversia dei riti cinesi” («Спор о китайских ритуалах») (Criveller, 2012).

Характерной особенностью всех исследовательских работ о Рипе на Западе является то, что они все лишь кратко приводят биографию Рипы, основные этапы его жизни и деятельности. При этом в каждой новой публикации появляются всё новые детали и подробности. И чем новее издание, тем больше меняется образ Рипы, который приобретает всё больше ярких черт гражданского, мирского свойства. Он становится всё более талантливым и ярким художником, дипломатом, политиком, психологом, гуманистом. В основном работы можно поделить на три группы. Первую группу представляют биографические исследования (Capialbi, 1818; Liu, 2009; Ripa, 2017). Исследования второй группы дают представление о Рипе как об основате-

ле Колледжа для китайских студентов (сейчас Восточный Университет в Неаполе) (Malpica, 1839; Arnore, 1921; Nicolini, 1942; Ascione, 1985; Tessitore, 186; Agrimi, 1994; Longobardi, 1998). Третья группа работ акцентирует внимание на Рипе как художнике-гравёре, работавшем при дворе императора Канси (Comentale, 1985; Rogers, 1989; Corsi, 1999; Чжан, 2006; Rinaldi, 2015). Мы можем также выделить четвертую группу, в работах которой Рипа упомянут единожды в контексте картографической или гравёрной деятельности (Постников, 1985; Данилов, 2003; Юсупова, 2005; Таката, 2011; Stylistic And Historical Development...).

Определённый интерес представляет для нас исследование Л. Чирилло «Vangelo secondo Matteo Ripa» («Евангелие от Маттео Рипы») 2010 г., в котором мы находим современную точку зрения на колонизацию и связанные с ней евангелизацию и миссионерство, на роль Святого Престола, на историю создания Китайского колледжа, ставшего Восточным университетом Неаполя. Также исследование Д. Вальва «Matteo Ripa e la questione del clero locale» («Маттео Рипа и вопрос о местных священниках» 2003 г.) (Valva, 2003), посвящённое подготовке священников из числа местного населения, представляет для нас исследовательский интерес. Ещё одна работа – «Da Eboli a Pechino» (Из Эболи в Пекин 2010 г.) Мариано Пасторе кратко рассказывает о путешествии Рипы из его родного города Эболи в Пекин (Pastore, 2010). А в книге ещё одного итальянского автора Ди Фьоре «Un cinese a Castel Sant'Angelo: La vicenda di un alunno del Collegio di Matteo Ripa fra trasgressione e reclusione» («Положения одного ученика Колледжа Маттео Рипы от преступления до заключения в тюрьму», 1985 г.) рассказывается история самого печально известного ученика Рипы Лучио У (Di Fiore, 1985).

Что касается китайских авторов, то тут дело обстоит сложнее. Большинство из них в своих работах лишь вскользь упоминают Маттео Рипу, приводя его наряду с другими миссионерами. Есть некоторые более подробные работы, но они либо переводные, основанные на книгах, изданных на Западе, либо китайские авторы работали с вышеупомянутыми итальянскими источниками и литературой.

Здесь стоит подробнее остановиться на теме, затронутой нами выше, а именно, проблеме наречения Рипы членом ордена иезуитов. Причисление Рипы к иезуитам – довольно распространённая ошибка не только в отечественной, но и в зарубежной литературе. Ведущий исследователь китайского искусства Неглинская М.А. называ-

ет Рипу иезуитом (Неглинская, 1995, 42; Неглинская, 2012, 172, 261, 371, 375).

Такую же погрешность мы встретили в исследовании Л.В. Сидорченко «Александр Поуп и художественные искания в английской литературе первой четверти XVIII века» (Сидорченко, 1992, 133) и в издании «Архив истории науки и техники» часть 3 (Беляев, 1995, 406). Подобную ошибку совершают не только отечественные исследователи, но и западные коллеги (Loehr, 1962–1963, 51–67; Reed, 2011, 2004).

Источники, послужившие базой для нашего исследования, можно разделить на три основные группы. Первую группу составляют официальные документы, выпускавшиеся различными учреждениями: Обществом Иисуса, Propaganda Fide (Конгрегация пропаганды веры), а также документы, выходившие за подписью Папы Римского и официальные китайские исторические хроники. Большинство подобных документов находилось в нашем распоряжении в виде различных тематических подборок, например, «100 Римских документов, касающихся “спора о ритуале”», «Воспоминания и документы, касающиеся вмешательства Португалии и Общества Иисуса в вопрос китайских обрядов и в отношения между императором Канси и Святым Престолом» и т.п. (Gioberti, 1846–1847; L'opera, scritta a Pechino..., 1942–1949 St. Sure Donald F & Noll, 1992; Vasconcelos de Saldanha, 2002).

18

Здесь стоит упомянуть одну важную особенность, касающуюся официальных китайских документов. Информация о «споре о ритуалах» в них скудна, а многие важные события отсутствуют вовсе. Так, аудиенция одного важного участника «спора» Шарля Мерго у императора Канси, в результате которой накалились отношения между императором и миссионерами из Ватикана, не упомянута в официальных китайских исторических хрониках, таких как Цин шилу (Цин шилу, 1985, Т. 6, 265) и Канси циззюжжу (Канси циззюжжу..., 1984, Т. 3, 1992). Эти документы описывают иную деятельность императора Канси в эти дни (1–4 августа 1706 года), а именно, аудиенции различных чиновников, издание указа о финансовой поддержке добродетельных женщин, посвятивших свои жизни борьбе с изнасилованиями в провинции Шаньси, или другого указа о военной защите строительства висячего моста в провинции Сычуань.

В сборнике документов «A documentary chronicle of sino-western relations 1644–1820» («Документальные хроники китайско-западных отношений за период 1644–1820» 1966 г.) (Fu, 1966, 116) китайской исследовательницы Фу Лошу находим не-

сколько документов, связанных с пребыванием в Китае Рипы и папского легата де Турнона. Среди них – императорский указ о том, что ко двору нужно прислать одного художника (Рипу), математика и музыканта. Документы, в которых фигурирует де Турнон, связаны, в основном, со «спором о ритуалах»³.

Вторая группа источников представляет собой письма, воспоминания и описания очевидцев событий. Например, «Обучающие и любопытные письма миссионеров-иезуитов из Китая (1702–1776)» (Vissière, 1993), «Размышления о величии и падении римлян» (Montesquieu, 1735) и т. п. (De Gubernatis, 1995; 1997; 1998; 2001; 2004).

Третья группа источников представляет наибольшую ценность для нашего исследования. Это – документы («Documenti e titoli...» (De Vincentiis, 1904)), записи и письма современников («Неопубликованное письмо почтенного Джованни Карнелли к настоятелю Маттео Рипе» (Oreste, 1730; *Spicilegium historicum...*, 1975, 3–13)), а также сами мемуары Маттео Рипы – «Джорнале» и его путевой или судовой журнал (*Giornale al bordo*) (Выдержки и иллюстрации см. Приложение 1).

В данном контексте наиболее уравновешенным и близким к действительности, составленным на основании первоисточников – текстов самого Рипы – мы считаем двухтомник с оригинальными текстами Рипы и критическими замечаниями М. Фаттики. Также в нашем распоряжении находился фрагмент третьего тома, в котором приводится подробное описание Рипой ситуации в императорском дворце и в Китае вообще в связи с появлением папской буллы (*Ex illa die*)⁴. С её обсуждением и последствиями, прежде всего, для миссионерского движения в Китае.

В двухтомнике «Matteo Ripa, *Giornale* (1705–1724)» (Маттео Рипа «Джорнале» 1705–1724) под редакцией профессора Восточного университета в Неаполе Мике-

3 Фу Лошу также приводит документ, в котором китайский чиновник пишет: «Толо (кардинал де Турнон) умер на 12 день пятого месяца (8 июня 1710 года). Он не оставил ничего неурегулированного. Мы не должны более его критиковать» [Fu Lo-shu, 1966, p. 116].

4 Эта папская энциклика (при упоминании их в различных европейских научных и других изданиях приводится без перевода, общее значение документов не вытекает из значений, входящих в названия слов) касается противоречивых вопросов евангелизации Индии и Китая. В этих энцикликах разъясняется католическая доктрина в связи с поведением различных религиозных католических орденов и в связи с противостоянием доминиканцев и капуцинов, с одной стороны, и иезуитов – с другой, даются руководящие указания по пропаганде католической доктрины.

ле Фатика в библиографии указаны более 50 монографий и сборников. Профессор Фатика является наиболее авторитетным и общепризнанным специалистом в области исследований, посвященных жизни, деятельности и творчества Маттео Рипы (Fatica, 1984; 1989; 1996; 1997; 1999; 2008a; 2008b; 2001; 2002; 2010). Этот двухтомник является основным источником для настоящего исследования. В нём имеются не только материалы, написанные самим Рипой, но и большое аналитическое и критическое введение, посвященное как самой личности Рипы, так и политической ситуации, идеологическим спорам вокруг его имени (подробнее о истории «Джорнале» см. раздел 1.5 История публикации «Джорнале»).

20 Ещё одним важным изданием является трёхтомник «Storia della fondazione Congregazione e del Collegio de' Chinese sotto it titolo della Sagra Famiglia di Gesù Cristo, scritta dallo stesso fondatore Matteo Ripa e de' viaggi da lui fatti» («История основания Конгрегации и китайского Колледжа под знаком Святого Семейства Иисуса Христа, написанная самим основателем Маттео Рипой, а также о его путешествиях» 1832 г.) (Ripa, 1832), а также сокращенный перевод этого трёхтомника на английский язык, одготомник «Memoirs of Father Ripa thirteen Years' Residence at the Court of Peking of the Emperor of China; with Account of the College for Education of Young Chinese at Naples» («Мемуары отца Маттео Рипы за 13 лет пребывания при дворе в Пекине в императорском Китае с рассказом о Колледже для обучения китайских учеников в Неаполе» 1844 г.) (Prandi, 1844).

Наша работа охватывает временной период – от фактического начала «спора о ритуалах» (середина XVII века) – до запрета ордена иезуитов в 1773 году. Но в основном мы охватим тот период, когда жил и работал Маттео Рипа (1682–1746 гг.). Данная работа состоит из трёх глав и Приложения. В первой главе даётся общая характеристика деятельности католических миссионеров в Китае, а именно их участие в «споре о ритуалах», описаны основные события и действующие лица. Там же отражены некоторые аспекты истории католического миссионерства и миссионерская обстановка в Китае на данный период. Во второй главе, на основании мемуаров Рипы, даётся подробное описание путешествия Рипы и его деятельности. Третья глава полностью посвящена частям «Джорнале» Рипы, где он описывает события «спора о ритуалах». Так как в «Джорнале» Рипы ему отведено довольно большое место, для данной работы мы выделили лишь самые яркие и показательные, на наш

взгляд, части.

Материалы, дополняющие наше исследование, помещены в Приложении. Там помещены переводы описаний Рипой китайских реалий и документов, а именно перевод переговоров с послом Измайловым и несколько документов китайских чиновников. Переговоры с послом не относятся к нашей теме напрямую, но мы считаем нужным включить его в работу, поскольку он описывает конфликтную ситуацию, сложившуюся при дворе китайского императора между миссионерами, принадлежащими к разным орденам. Важно то, что Рипа лично участвовал в этих исторических переговорах в качестве переводчика. В Приложении также содержится материал, касающийся картографической деятельности Рипы, и сами карты, выгравированные Рипой. Также мы поместили в Приложение некоторый изобразительный материал, касающийся Маттео Рипы и его жизни, что позволят наглядно изучить работу миссионера. Мы включили несколько гравюр Рипы и его рисунки.

Полученные в результате проведенного исследования результаты составляют научную и практическую значимость работы. Во-первых, в ней содержится обоснованная идентификация Маттео Рипы как секулярного священника, подчинявшегося в своей деятельности Ватикану и не являвшегося членом иезуитского ордена. Данное уточнение позволяет существенно расширить имеющиеся у историков представления об истории «спора о ритуалах» и, шире, истории католической духовной миссии в Китае. Во-вторых, показано, как в широкий научный оборот вошло неверное представление о личности Маттео Рипы. Демонстрация механизма фальсификации истории, использованного отцами-иезуитами при издании текста «Джорнале», важна с точки зрения реализации актуальных задач исторической науки, так как проблема возникновения исторических фальсификаций насущна и по сей день. В-третьих, в нашей работе содержатся переводы фрагмента текста «Джорнале» на русский язык. Постепенное введение текста «Джорнале» в русскоязычный оборот, с нашей точки зрения, является насущной задачей, решению которой способствует представленное исследование.

Глава 1. «Спор о ритуалах» или «война» декретов длиною в 300 лет

В данной главе представлен краткий очерк истории «спора о ритуалах», определена хронология, описаны наиболее значимые события, очерчен круг основных действующих лиц.

1.1 Признание ритуалов: по заветам Маттео Риччи

Первые иезуиты, прибывшие в Китай в середине XVI в., надеялись, что им удастся трактовать христианские догмы и мораль через термины буддизма, близкого китайскому народу, предполагая, что таким образом им удастся быстрее расположить к себе местное население. Поэтому первые иезуиты появились в Китае облаченными в буддийские одеяния, но через некоторое время к ним пришло понимание, что для того, чтобы обратить население, необходимо сначала обратить политическую и интеллектуальную элиту страны, а именно, образованных книжников-конфуцианцев.

Первые шаги к переложению христианства на «конфуцианский манер» были сделаны миссионером-иезуитом Маттео Риччи⁵, поэтому историю исследуемого нами «спора о ритуалах» стоит вести со времен жизни этого миссионера. Именно он в 1603 г. впервые заявил о том, что ритуалы в честь предков (семейных, клановых, общенациональных) не являются проявлением идолопоклонничества и, весьма вероятно, не являются суеверием.

В своих проповедях Риччи делал акцент на популярную в то время в Европе «естественную религию»⁶ и «естественную теологию»⁷. Он говорил своим прихожанам, что «закон Божий соответствует естественному свету [разума], чему их первые мудрецы [китайские] и учили в своих книгах» (D'Elia, 1949, 195). Риччи первому удалось увидеть, что ритуал *ли* (禮) пронизывает все формы поведения и жизни китайцев – от проявлений, которые мы бы могли назвать религиозным ритуалом, до социального общения и политически корректного поведения на государственной службе. При этом он отвергал мысль о том, что ритуалы в честь умерших родителей и Конфуция были идолопоклонством (*idolatria*). В его понимании они были скорее неким знаком «уважения» или «почтения» (*latría*), выражаемого покойному (One Hundred Maxims for a Chinese Prince, 2009, 12). Несмотря на это он всё-таки признавал, что в подобных ритуалах, проводимых нехристианами, могут содержаться элементы суеверия, однако для него они не являлись существенными. Риччи полагал, что китайским католикам можно «доверять», и их намерения при выполнении таких ритуалов вызваны желанием почитать людей образцового поведения и заслуживающих подражания, а не поклоняться им как богам. А достойное почитание ушедших из жизни людей – поступок, с точки зрения христианства, исключительно

23

5 Маттео Риччи (6 октября 1552, Мачерата — 11 мая 1610, Пекин) — итальянский миссионер-иезуит, математик, картограф и переводчик, который провёл последние тридцать лет своей жизни в Китае, положив начало иезуитской миссии в Пекине. Всемирно-историческое значение его деятельности состоит в установлении постоянных культурных контактов между христианской Европой и закрытым китайским обществом. Почитаем современными буддистами как бог-покровитель часовщиков — Ли Ма-доу.

6 Сумма наиболее общих и отвлеченных религиозных представлений («религия чувства»), выводимых из человеческой «природы» и не нуждающихся в авторитете откровения и догмы.

7 Разновидность теологии, основанная на разуме и повседневном опыте. Она противопоставляется богооткровенной теологии, которые основаны на Священном писании или религиозном опыте различного рода, а также трансцендентальной теологии.

нравственного порядка.

Кроме того, нехристианская образованная китайская элита рассматривалась Риччи как придерживающаяся материалистических и даже атеистических взглядов, что служило еще одним доказательством того, что китайские ритуалы представляют собой скорее «нормы» социального поведения, нежели проявление идолопоклонства.

Как указывали более поздние иезуитские полемисты, одним из самых странных аргументов противников китайских ритуалов было то, что китайцы были одновременно атеистами, идолопоклонниками, материалистами и народом, верующим в призраков и духов. Справедливо отметить, что либо они использовали эти термины очень свободно, либо таким образом высказывали своё недовольство сложившейся ситуацией, при которой иезуитам как раз благодаря принятию практики участия китайских христиан в обрядах удалось расположить к себе китайский императорский двор (The Problem of Unbelief..., 1982, 132).

24 Риччи внес неоценимый вклад в интерпретацию христианских понятий через конфуцианскую терминологию. Например, в своих китайских сочинениях Риччи на-

делял понятия *шанди* (上帝)⁸ и *тянь* (天)⁹ одним и тем же смыслом, однако отдавал предпочтение *шанди*, особенно в книгах более литературных, чем религиозных («Трактат о дружбе», 1595) и его «Восемь песен для клавесина» (1601) (Zhongyang Yanjiuuan..., 1957, 166–167). В своих рассуждениях Риччи сначала приравнивает *тяньчжу* (так было принято именовать христианского Бога по-китайски) к *шанди*: «В моей скромной стране Господь Небесный – это тот, кого по-китайски зовут шан-ди (Суверенный над Высшим)» (True Meaning..., 1985, 121). Затем он отождествляет *шанди* и *тянь* и отрицает, что *тянь* как Господь (*чжу*) является «голубым небом», и утверждает, что «только один истинный Господь Неба, который создает все вещи и который производит и сохраняет человечество, может быть почитаем» (True Meaning..., 1985, 121). Однако насколько далеко зашёл Риччи в вопросе отождествления конфуцианских и христианских догм оценить трудно. Здесь стоит привести следующую цитату. В своем предисловии 1599 года к «Трактату о дружбе» Риччи

8 Шанди, верховный владыка Неба (кит.).

9 Небо (кит.).

Цюй Жугуй, ученик Риччи, написал: «Он [Риччи] читает тексты мудрецов и соблюдает законы империи. Он носит кепку и пояс ученого и приносит жертвы весной и осенью. Он чист в своем поведении и идет по пути добродетели. Он уважает и служит заповедям Небес» (Tianxue chuhan..., 1965, 295–296).

Риччи, по сути, не говорит, что ритуалы поклонения Конфуцию были не религиозными, а скорее не идолопоклонническими, как об этом стали говорить другие иезуиты позднее. Однако этот вывод можно сделать из его представления о том, что конфуцианство изначально было «монотеистической религией», но это «первоначальное конфуцианство» затем наложилось на буддийское и даосское суеверие, а затем утвердилось в своей нынешней форме благодаря материалистическим толкованиям в период династии Сун. Риччи полагал, что некоторые конфуцианцы никогда не теряли древнюю традицию «моноверования», которая сохранилась в текстах и структуре самого ритуала.

По поводу ритуалов, проводимых в честь предков, Риччи был более осторожен. Он не видел проблем в том, чтобы христиане проводили их, полагая, что их христианское наставление устранил любую опасность «суеверия», не совместимого с христианской верой. Эти суеверные убеждения касались, например, местоположения духов или наличия у них силы помогать своим потомкам. Он полагал, что причина, по которой они проводят ритуалы в честь предков, заключается в воспитательной функции – «служить мертвым, как если бы они были живыми людьми». И при этом китайцы, по мнению Риччи, не думают, что мертвые приходят есть ритуальную пищу или нуждаются в ней. Китайцы делают это, потому что они не знают другого способа показать любовь и благодарность своим умершим родственникам. Таким образом, эти церемонии скорее предназначались для обучения детей и невежественных людей, чтобы они и служили своим родителям и уважали их при жизни. Риччи не был против и основных похоронных ритуалов, в которых не присутствовали элементы буддизма и даосизма. О ежегодных посещениях могил он отзывался довольно лаконично: «Каждый год в День мертвых родственники ходят на кладбище, чтобы совершать обычные церемонии, жечь благовония и делать подношения» (Tianxue chuhan..., 1965, 85). Эти ритуалы напоминают те, которые китайцы совершают при жизни: например, поклоны родителям и знаки вежливости на торжественных банкетах (Tianxue chuhan..., 1965, 77).

Из выше сказанного можно сделать вывод, что Риччи был склонен позитивно трактовать китайские обряды. Например, в своём дневнике он пишет: «Из всех языческих сект, известных в Европе, мне неизвестен другой народ, который совершил бы в ранние века древности меньше ошибок, чем их сделали китайцы» (Ricci, 1953, 93). Риччи исходил из того, что в древности китайцы исповедовали единобожие, а с упадком этого представления не создали себе, подобно римлянам, грекам или египтянам, богов — покровителей порока (Ломанов, 2002, 93). Конфуцианство было оценено им как секта ученых, лишенная зловещих атрибутов языческой секты. Он заявил, что конфуцианцы не поклоняются идолам, которых у них вообще нет, верят в одно божество, «сохраняющее все вещи на земле и управляющее ими» (Ricci, 1953, 94). Как пишет Ломанов А.В, конфуцианство было единственным инструментом интеллектуального сближения с образованной китайской бюрократией (Ломанов, 2002, 93). Риччи удалось сформировать основу последующей миссионерской деятельности: «дополнять конфуцианство и отбрасывать буддизм» (*бужу ифо*). Ее внешним проявлением стала замена буддистских монашеских одеяний на облачения конфуцианских чиновников, а затем превращение себя в так называемых миссионеров-мандаринов, как принято их называть в европейской историографии.

Стоит отметить, что примеры схожих практик терпимого отношения у традиционных обрядов обращаемого в христианство населения мы обнаруживаем не только в Китае. Истории известен так называемый «спор о малабарских обрядах». В индийском регионе Малабар (а именно город Мадур, современный Мадурай) миссия крестить местное население выпала отцам-иезуитам. Отец Роберто де Нобили¹⁰, заведя миссией в Малабаре, пренебрег запретом для неофитов на совершение местных языческих обрядов. Под запрет должны были бы попадать, в том числе, и

10 Роберто де Нобили SJ (1577–1656) – итальянский миссионер-иезуит, живший в Южной Индии. Использовал новый путь адаптации (*accommodatio*) в проповеди христианства, принимая многие местные обычаи Индии, которые, по его мнению, не противоречили христианству. Предпринял беспрецедентную попытку создания национального индийского католицизма путём инкультурации и философского обмена. Роберто де Нобили полагал, что доверие местного населения можно заслужить лишь соблюдением всех норм благочестия, принятых в стране. Представлял себя учителем-гуру, принесшим индийцам учение утерянной ими веры. Нобили свободно говорил по-тамилски и выучил санскрит, чтобы обращать индийцев словами их же собственного священного писания. В его сочинениях чувствуется восхищение мудростью индийских религиозных книг и их моралью (по мнению автора, близкой к христианской). Дело Роберто де Нобили продолжил португалец Иоанн Де Брито, член иезуитского ордена.

такие практики как использование некоторых отличительных знаков касты и ритуальных омовений. Для де Нобили очевидным был тот факт, что искоренение подобных практик несет угрозу для сохранения национальной, культурной и социальной идентичностей малабарцев, а, выбирая между своей традицией и христианством, они, разумеется, выберут первое. Руководствуясь, видимо, этим соображением, де Нобили разрешил малабарцам участвовать в их традиционных практиках.

Несмотря на то, что это привело к значительному увеличению числа обращенных, введенная де Нобили практика была подвергнута сомнению в Риме. Несмотря на то, что в 1623 году папа Григорий XV высказался в поддержку де Нобили, уже в начале XVIII века «малабарские обряды» стали предметом для дискуссии наравне с китайскими.

1.2 Начало «спора»

На переводах Риччи история с китайскими обрядами и переводами христианских терминов на китайский язык не завершилась. Уже в 1615 году миссионер Жоау Родригеш¹¹ во время своего визита в Пекин (его миссия находилась тогда в Японии) инициировал критическую дискуссию вокруг перевода на китайский язык имени Бога и других основных понятий христианства, поставив под сомнение стремление Маттео Риччи принять классические китайские термины «Небо» (*Тянь*), «Властелин высоты» (Суверенный над Высшим) (*Шанди*) и «неологизм» «Небесный владыка» (*Тяньчжу*). Никола Лонгобардо – преемник Риччи на посту руководителя миссии¹² – согласился с позицией Родригеша.

Здесь стоит отметить, что на ранних этапах «спора о ритуалах» корреспонденция между Китаем и Ватиканом была налажена относительно плохо. Ведь несмотря на все осуждения ритуалов, которые имели место в Китае, в том же году (1615) Папа Павел V разрешил использовать китайский язык в литургиях (Criveller, 2012, 11), что означало негласное принятие переводов и терминологии Риччи.

11 Жан Родригеш, – известный в Японии как Жан Переводчик – португальский миссионер, иезуит, работал в основном в Японии.

12 Николо Лонгобардо (1559–1654), китайское имя Лун Хуаминь, сицилийский миссионер-иезуит. Прибыл в Китай в 1597 году в район Шаочжоу. В 1610 году возглавил иезуитскую миссию в Китае, занимал пост руководителя вплоть до 1622 года. После вел миссионерскую проповедь до 1590-х гг.

Также нельзя не отметить того факта, что китайские власти всё-таки не были настроены позитивно к деятельности миссионеров. Иезуиты, по заветам Риччи, старались адаптировать христианство к «изначальному конфуцианству». Однако это не спасло их от критики и гонений со стороны китайских властей. Первые гонения начались уже в 1616 г. – через шесть лет после смерти Риччи. Инициатором гонений стал Шэнь Цюэ (1565–1624) из нанкинского Ведомства ритуалов, пославший к императорскому двору три доклада с критикой миссионерской деятельности людей с запада. Это была первая попытка высокопоставленного чиновника дать бой иноземной «ереси». Шэнь Цюэ полагал, что иезуиты ведут заговорщическую деятельность и готовят масштабное иностранное вторжение (Ломанов, 2002, 159; Дацышен, 2007, 26). Это не мешало миссионерам продолжать свою дальнейшую деятельность.

В 1628 году на собрании миссионеров-иезуитов в Цзядине (недалеко от Шанхая) было вынесено решение «в связи с терминологическими противоречиями» в пользу идей Риччи и против позиции Лонгобардо, доклад которого был отклонён. Однако член миссии Лонгобардо Николя Триго (Николас Тигольт)¹³, который к тому моменту уже несколько лет переводил на китайский язык литургические тексты и был благосклонен к методам Риччи, не мог перенести стресса от дискуссий и разногласий между собратьями в связи с терминологией, которую он должен был включать в китайские тексты, и в том же году покончил с собой (Mungello, 1994, 121).

Впрочем, описанные события были скорее прелюдией к началу крупномасштабного конфликта. Катализатором разгоревшегося в итоге спора стали следующие события. Два доминиканца, выехав из Манилы, через Тайвань прибыли в южную провинцию Фуцзянь, где уже вел проповедь иезуитский миссионер Джулио Алени¹⁴. Позже туда прибыли два других доминиканца и два францисканца. Среди них были Хуан Батист де Моралес¹⁵ и Антонио Кабальеро¹⁶

13 Николя Триго (1577–1628), китайское имя Цзинь Нигэ, фламандский иезуит в Китае.

14 Джулио Алени (кит. Ай Жулюэ, Ай Сыцзи) — итальянский иезуит, католический миссионер в Китае, учёный, математик, астроном, был первым христианским миссионером в Цзянси, построил несколько церквей в провинции Фуцзянь. За комментарии к текстам Конфуция, свидетельствовавшие о прекрасном знании конфуцианского канона, Д. Алени получил почётное наименование «Конфуций Запада», став главой академии г. Фучжоу.

15 Хуан Батиста Моралес 1597–1664, доминиканский миссионер из Испании.

16 Антонио де Санта-Мария Кабальеро, также Антонио де Санта-Мария или Антонио Кабальеро

В 1635 году в деревне Муян (провинция Фуцзянь) Хуан Батист де Моралес и Антонио Кабальеро приняли участие в традиционной китайской церемонии в семье Му. За несколько недель до этого они изучали китайский язык с китайцем-неофитом Таддео Ваном, принадлежащим к одной из семей, крещённых Алени, стоявшего у истоков евангелизации этой провинции Китая. Новообращённый Франческо, член этой семьи Му, тайно провёл миссионеров в домашнюю часовню предков. Объясняя значение иероглифа «принести жертву» (цзи 祭) юноша утверждал, что это соответствует церемонии почитания предков и христианской литургии. Такое сравнение привело миссионеров в ужас, и они попросили допустить их на церемонию почитания предков. Увиденное не понравилось миссионерам, они осудили происходящее. Так начался «спор о ритуалах», длившийся почти три столетия и ставший «самым разрушительным спором, который потряс католический мир в Новое время» (Дубровская, 2000, 162).

Возмущенные тем, что новообращенные миссионерами-членами иезуитского ордена китайцы проводят тождество между традиционными китайскими культами и христианской литургией, Моралес и Кабальеро составили официальный документ, так называемый «Informaciones», текст которого представлял собой серию критических вопросов относительно миссионерской практики иезуитов. В 1643 году Моралес направляется с текстом «Informaciones» в Рим. Первый ответ от конгрегации Propaganda Fide (Конгрегация пропаганды веры), утверждённый Иннокентием X, пришел в 1645 году: следование китайским ритуалам было объявлено Ватиканом незаконным (Criveller, 2012, 12), однако этот документ содержал в себе оговорку «пока не решено иначе» (Minamiki, 1985, 28).

Спустя несколько лет из Китая в Рим направился иезуит Мартино Мартини¹⁷. Он должен был изложить точку зрения своих собратьев. Ответ от Конгрегации Propaganda Fide, утверждённый папой Александром VII, пришел в 1656 году¹⁸: Ватикан признал практику терпимого отношения к ритуалам допустимой. В том же

29

1602–1669, был главой миссии Францисканского ордена в Китае.

17 Мартино Мартини (20 сентября 1614 – 6 июня 1661), китайское имя Вэй Куанго, итальянский миссионер-иезуит, картограф, историк.

18 Александр VII (Фабио Киджи, 13 февраля 1599–22 мая 1667) — Папа Римский (7 апреля 1655–22 мая 1667).

году учёный Блез Паскаль в своём «Пятом письме из провинции» осудил иезуитов, позволяющих китайским христианам «практиковать идолопоклонство» и «поклоняться Конфуцию» (Criveller, 2012, 12).

Вслед за официальным решением Ватикана в 1659 г. Конгрегацией пропаганды веры был выпущен текст рекомендаций для миссионеров. Среди прочего в документе содержалась следующая рекомендация: «Ни в коем случае не усердствуйте, пытаясь заставить народы изменить их обряды, обычаи и нравы, если они прямо не противоречат религии и морали. Что может быть абсурднее стремления перенести к китайцам Францию, Италию или иную европейскую страну? Утверждайте среди них не наши страны, а веру» (Родригес, 2011, 54).

В 1667 году начала работу Кантонская конференция, среди участников которой было девятнадцать иезуитов, три доминиканца (том числе Доминго Наваррете¹⁹, а также францисканец Антонио Кабальеро). По итогам работы в 1668 году был составлен документ из 42 статей, в котором ритуалы были признаны приемлемыми. Все участники подписали итоговый документ, кроме францисканца Кабальеро (Criveller, 2012, 12).

Вслед за этим папой Климентом IX был утвержден ответ Святого Престола относительно противоречий между декретами Propaganda Fide 1645 и 1656 годов. Устанавливалось, что оба декрета сохраняют свою юридическую силу и действуют в соответствии с условиями, описанными в них. Таким образом, обе позиции относительно признания допустимости соблюдения традиционных китайских ритуалов были формально узаконены решениями Ватикана. Начался период относительного спокойствия.

В 1675 году молодой император Канси посетил Нантан, Южный храм, резиденцию Фердинанда Вербиста, миссионера-учёного, иезуита, преемника Маттео Риччи и Адама Шалля фон Белла. Этим необычным жестом Канси хотел подтвердить благое расположение императора Китая к деятельности католической миссии. Чтобы этот день остался в памяти, он оставил собственноручно подписанную табличку с двумя иероглифами «Почитай небо» (*цзин тянь*). Табличка с этим посвящением – гарантия надёжной императорской защиты – была размножена и разослана по всем

19 Доминго Фернандес Наваррете (1610–1689), испанский архиепископ, миссионер-доминиканец. Подробнее о миссии Наваррете см. [Cummins, 1993].

христианским храмам империи. Сам того не подозревая, император разжег огонь противоречий вновь (Criveller, 2012, 13).

Доминго Наваррете, один из подписантов резолюции Кантонской конференции, опубликовал в Мадриде своё исследование (Tratados históricos 1676 г.)²⁰. В своём сочинении Наваррете выступил с обличением миссионерской практики иезуитов. Сюрпризом явилось то, что в публикации содержался доклад Лонгобардо, отклонённый собратьями в 1628 году. Считалось, что записки Лонгобардо уничтожены в соответствии с существовавшей практикой скрывать факты противоречий в случае уже принятых решений. На самом же деле документ, находившийся на секретном хранении, был передан Наваррете во время конференции в Кантоне иезуитом-диссидентом Жан Валазом. Сочинение Наваррете «Tratados históricos» приобрело огромную популярность. Переведённая на основные европейские языки, публикация вывела «спор о ритуалах» на уровень европейского публичного диспута, в частности, став популярной в университетской среде (Standaert, 2001, 684). В то же самое время в провинции Фуцзянь доминиканец Франциско Варо опубликовал книгу «Discussioni circa i riti»²¹, в которой им оспаривалась законность ритуалов. В следующем десятилетии многочисленные китайские литераторы-католики в провинциях Чжэцзян и Фуцзянь, включая доминиканского епископа Грегорио Ло Вэньцзао²², боролись с позицией Варо, издавая документы в пользу позиции о допустимости ритуалов.

31

1.3 Обстановка во время пребывания Маттео Рипы при дворе императора Канси

В данном разделе мы остановимся на более детальном рассмотрении периода, когда в Китай приезжает Рипа. Наиболее значимыми лицами здесь являлись Шарль Мегро, Шарль Мелар де Турнона и Карло Амброджо Меццабарба. Упомянутым миссионерам суждено было стать ключевыми фигурами в «споре о ритуалах» и тем са-

20 Tratados históricos, políticos, éticos y religiosos de la monarquía de China (исп.) Исторические, политические, этические и религиозные повествования о Китайской империи.

21 Дискуссии по поводу ритуалов (ит.).

22 Первый китайский священник (1656) и первый китайский епископ (1685).

мым повлиять на миссию Маттео Рипы.

Император Канси, чья подаренная табличка «Почитай Небо» являлась подтверждением императорского расположения к католической духовной миссии, был терпим и благожелателен к прибывающим в Китай миссионерам на протяжении всего своего длительного (61 год) правления. Юридически благие намерения Канси в адрес миссионеров подтверждались изданным в 1692 году «Эдиктом терпимости», в котором защищались существующие церковные постройки и гарантировалась свобода богослужения. Хотя привилегия проповеди и крещения не была дарована миссионерам явно, эдикт был столь благоприятным, что местные власти вряд ли препятствовали бы этому. В своем указе Канси подчёркивал заслуги миссионеров в области астрономии, артиллерии и дипломатии, указывал на отсутствие у новой религии бунтарских устремлений. Своими достижениями на службе при императорском дворе, прежде всего научными, иезуиты заслужили относительно лояльное отношение к деятельности их церкви. Однако терпение Канси было не безгранично. И конец этому положил Шарль Мегро.

32

Отец Шарль Мегро (1652–1730) изучал теологию в Сорбонне, в 1680 году поступил на службу в Парижские зарубежные миссии. Он прибыл в Фуцзянь в 1684 году, в качестве апостольского викария без епископского сана. Почти сразу после приезда он начал нападки на ритуалы. Его атака на практику признания китайских ритуалов продолжилась и на следующий год после эдикта Канси, что произвело на императора чрезвычайно неприятное впечатление. В 1693 году Мегро, игнорируя позицию Канси по данному вопросу, осудил учение Риччи, практику участия христиан в китайских традиционных ритуалах и использование китайских понятий о Боге.

Мегро запретил использование терминов «Небо» и «Властелин Высоты» и потребовал убрать из христианских храмов таблички «Почитай Небо» (*цзин тянь*), подаренные императором. «Мандатом» апостольского викария Мегро запрещались ритуалы, практики почитания предков и Конфуция. Он полностью принял точку зрения Франциско Варо и, таким образом, отверг мнение многочисленных китайцев-католиков, которые выступали в защиту ритуалов. Среди таковых был Ли Ифэн, учитель китайского языка Мегро, написавший трактат в надежде переубедить своего высокопоставленного ученика (Criveller, 2012, 13).

Своим решением Мегро увязал, таким образом, два вопроса, которые до это-

го момента не ставились в дискуссиях вместе: вопрос терминологии (как называть Бога и христианские таинства на китайском языке), с одной стороны, и вопрос законности участия католиков в ритуалах почитания предков и Конфуция, с другой. Как и император Канси, Мегро не подозревал, что положил начало целой череде трагических событий, имевших поистине разрушительные последствия.

После этого Мегро отправил в Рим Николя Шармо, чтобы просить папу Иннокентия XII ещё раз изучить вопрос ритуалов, а также разрешить распространение своего «Мандата» на весь Китай. Три года спустя четыре кардинала из Propaganda Fide начали новый этап консультаций и исследований.

В ответ на деятельность Мегро в 1700 году император Канси выступил с заявлением о том, что ритуалы являются гражданским актом принадлежности к китайской нации и не могут рассматриваться как проявления религиозной деятельности. В этом же году факультет теологии Сорбонны в Париже выступил с осуждением книги «Nouveau memoire sur l'etat present de la Chine»²³, в которой иезуит Луи Лё Сонт, миссионер в Китае, защищал позицию собратьев-иезуитов. Последовала целая волна высказываний в пользу и против ритуалов со стороны академического мира Европы.

33

В связи с «Мандатом» Мегро иезуиты обратились к Канси за разъяснениями по поводу ритуалов. В своем письме они утверждали, что поклоны перед изображением Конфуция олицетворяют огромное уважение к Учителю, а не мотивируются «прошением» у него мудрости, должности или жалованья. Аналогичным образом почитание усопших предков трактовалось исключительно как выражение любви к ним, а не просьба о покровительстве. Канси ответил: «Написанное очень хорошо и гармонирует с Великим Путем. Почитать Небеса, служить правителю и родителям, уважать учителей и старших – это закон века людей в империи. Так что это верно, и ни одна часть не требует исправления» (Latourette, 1929, 41–42). Канси и иезуиты сошлись в том, что китайцы поклоняются Конфуцию лишь как Учителю и не просят защиты у мертвых, но лишь выражают любовь к ним и воздают память о сделанном ими при жизни добре, тогда как *тянь* есть не материальные небеса, а невидимая высшая сила.

Однако самим фактом консультаций с Канси иезуиты лишь усугубили кон-

фликт. В Риме посчитали, что Канси вмешивается в сугубо церковные дела, в то время как китайский император решил, что Ватикан своими указаниями посягает на социально-политический климат в его империи. При этом позиция иезуитов была по-своему логична: если ритуалы имели гражданский характер, заниматься их трактовкой должна была светская власть в лице Канси. Декрет Святой Конгрегации пропаганды веры от 1704 года поддержал позицию Мегро. Этот декрет должен был быть объявлен китайскому императорскому двору Шарлем-Томом Мелларом де Турноном (в 1701 году он получил сан патриарха Антиохийского). Де Турнон был первым папским легатом, направленным к китайскому Императорскому Двору.

В 1700 году Папой становится 51-летний Джованни Франческо Албани под именем Климента XI. Новый Папа будет царствовать 21 год и сыграет ключевую роль в вопросе ритуалов. Пытаясь разрешить конфликт, он проявит неуверенность и двойственность.

Иезуиты, узнавшие о миссии Шармо, отправили в Рим двух своих братьев, которые должны доставить в Ватикан документ под названием «Brevis». Авторы – важнейшие представители миссии в Китае: Антуан Томас – уроженец Испанских Нидерландов, Клаудио Гримальди – итальянец, Томаш Перейра – португалец. Все они выступали в пользу признания ритуалов приемлемыми. В документ был также включён так называемый «Эдикт о веротерпимости» Канси.

Со своей стороны, Климент XI объявил об отправке в Китай делегации, которая отбыла только в 1703 году и возглавлялась папским легатом Шарлем Мелларом де Турноном (1668–1710).

После завершения теологического образования де Турнон направился в Рим, где расположил к себе Папу Римского Климента XI. Уже в тридцать один год (5 декабря 1701 года) высокоодарённый, но неопытный де Турнон получил титул патриарха Антиохийского и был назначен папским легатом в Китай. Решением Ватикана он также был наделён особыми полномочиями для урегулирования «спора» о китайских ритуалах, который был начат «Мандатом» Мегро, выпущенным в 1693 году в Китае и привезённым в Европу в 1697 году. Когда де Турнон 9 февраля 1703 года покидал Европу, официальная позиция Ватикана относительно признания положений Мандата Мегро ещё не была официально объявлена, хотя Конгрегация Доктрины Веры (Congregatio pro Doctrina Fidei) уже приняла решение. Декрет «Cum Deus

optimus» был опубликован только 20 ноября 1704 года, когда де Турнон уже прибыл в Китай. Однако с содержанием текста де Турнон был знаком. Решение должно было быть озвучено сначала в Китае, затем в Европе. Предполагалось, что именно де Турнон должен был обнародовать решение и прояснить некоторые вопросы с миссионерами в Китае. В декрете среди прочего говорится, что с табличек с именами усопших предков должны быть удалены финальные иероглифы, следовавшие после имени предка, – «место пребывания души». Эти слова расценивались противниками ритуалов как «суеверие» – вера в присутствие души в табличке, хотя многие грамотные китайские католики приводили свои аргументы в пользу того, что указанным иероглифам нужно давать не такую интерпретацию.

Стоит отметить, что, проезжая через город Пондишери (французские владения в Индии), де Турнон осудил вышеупомянутые «Малабарские обряды», а точнее, процесс адаптации христианства к местным обычаям, который был инициирован Роберто де Нобили (1577–1656).

В 1705 году де Турнон, наконец, прибыл в Китай и назначил в качестве своего советника Шарля Мегро. Такой выбор мог только разозлить императора. Де Турнон удалил от себя иезуитов, и стал относиться к ним с нескрываемой враждебностью (Criveller, 2012, 15).

Вот как описывает деятельность де Турнона Д.В. Дубровская: «Турнон прибыл к Канси, нагруженный папскими дарами и с папскими буллами, которые были настолько же неприемлемы для китайского императора, насколько хороши были дары. Его миссия явилась результатом недопонимания в Европе (частично вследствие плохой связи между Китаем и Европой) той ситуации, которая сложилась с распространением христианства в Срединной империи. Сам де Турнон был одним из худших послов, каких когда-либо посылали в Китай. Он продемонстрировал неоправданную нетерпимость к тем мнениям, которых придерживались священники в Китае, достаточно неучтиво вел себя с Канси, который был терпелив с ним, абсолютно по-детски рвал присланные ему декреты, касавшиеся серьезных вопросов, ударялся в истерики» (Дубровская, 2000, 167).

Через год, второго августа 1706 года, император Канси и Шарль Мегро, которого послал в Пекин де Турнон, встретились. Отсутствие достаточных знаний китайского языка у Мегро, уже находившегося у императора на плохом счету после опубли-

кования «Мандата» 1693 года, еще более разозлило Канси. Он выслал де Турнона из Китая, а Мегро приказал заключить под домашний арест. Вскоре императором Канси был издан декрет, по которому все миссионеры в Китае должны следовать «процедурам Риччи» в вопросах ритуалов. Теперь только он лично мог выдать миссионерам разрешение на их деятельность в Китае (Дубровская, 2000, 167).

Получив информацию о назначении Мегро советником де Турнона, Канси вызвал Мегро в Маньчжурию в летнюю императорскую резиденцию в Жэхэ, где 2 августа 1706 года устроил ему своеобразный допрос. Поехав на встречу с Канси вместе с де Турноном, который вернулся в Китай, Мегро оказался неспособным повторить по просьбе императора отрывок из классиков, прочесть три или четыре иероглифа с висевшего за тронем свитка, узнать китайское имя Риччи или подтвердить, что он читал «Тяньчжу ши» (Ломанов, 2002, 160). В связи с тем, что де Турнон запретил ему обсуждать религию с императором, ответы Мегро были уклончивыми и произвели очень скверное впечатление на Канси. В запальчивости де Турнон обвинил Канси и весь Китай в атеизме, на что император заметил, что без знания канонов невозможно так безапелляционно обсуждать их содержание. Канси объявил де Турнону, что если христианство не удастся совместить с конфуцианством, то европейцам не будет дозволено оставаться в Китае. В ходе дискуссии император потребовал от Мегро подробного отчёта и списка изречений из конфуцианских книг, противоречащих христианству. Несмотря на нежелание и попытки сослаться на авторитет Ватикана, Мегро все же исполнил приказ, собрав ряд таких конфуцианских высказываний и сгруппировав их в пятьдесят пунктов.

Содержание их состоявшегося разговора было изложено в многочисленных публикациях:

«КАНСИ: Де Турнон мне сказал, что ты знаешь наши тексты. Читал

«Четыре книги» Конфуция?

МЕГРО: Да, я их читал...

КАНСИ: Помнишь то, что прочитал?

МЕГРО: Нет... (Мегро не понимает императора и приглашает переводчика).

КАНСИ: Помнишь хотя бы пару выражений из «Четырёх книг»? (Мегро не может ответить)

КАНСИ: Можешь прочесть четыре иероглифа, написанные надо мной на троне?»

Мегро не может прочесть. Император упрекает его за то, что он не умеет различать классические тексты и комментарии к ним, а также за то, что он приказал убрать иероглифы «Почитай Небо».

КАНСИ: Что ты имеешь против иероглифов «Почитай Небо»? МЕГРО: «Небо» не означает «Небесный господин».

КАНСИ: Ты меня удивляешь. Все знают, что «Небо» означает «Небесный господин десяти тысяч вещей». Скажи мне, почему люди меня называют «Десять тысяч лет»?

МЕГРО: Чтобы пожелать Вашему Величеству долгих лет жизни.

КАНСИ: Итак, запомни: истинное значение иероглифа не всегда в его буквальном значении» (Von Collani, 1994, 165–166; Treadgold, 1973, 166).

Весомость христианской антиконфуцианской аргументации Мегро была значительно ослаблена в глазах императора тем, что апостольский викарий вновь не смог процитировать на память даже двух слов из конфуцианского «Четверокнижия» или вспомнить как следует его содержание. Терпеливо и настойчиво Канси пытался убедить Мегро в том, что тот заблуждается относительно табличек с надписью *цзин* 37 *тянь*.

Канси был сильно раздражен «ученостью» Мегро и непримиримостью де Турнона. В декабре 1706 года император принял решение о выдворении Мегро из страны²⁴, имевшие с ними связь местные христиане могли быть наказаны, желающие остаться должны были получить разрешение (*ляо*), предварительно согласившись соблюдать правила Риччи. 7 февраля 1707 года де Турнон обнародовал «Нанкинский указ», где ужесточил предписания «Cum Deus optimus», осуждающий использование терминов *шанди* и *тянь*, участие в ритуалах поклонения Конфуцию и предкам, а также современную практику использования табличек предков. Он угрожал всем непослушным отлучением от церкви (такой строгости не было в распоряжении от ноября 1704 года) и запретил любую свободу интерпретации, которую можно было требовать по указу 1656 года. После этого некоторые миссионеры направили апелляцию в Рим, где выказали опасения по поводу того, что в сложившихся условиях католическая церковь в Китае может перестать существовать (Criveller, 2012, 15), однако официальный Ватикан, напротив, поддерживал де Турнона, что

24 Остаток своей жизни Мегро прожил в Риме, собирая материалы о «споре о ритуалах».

выразилось в присвоении ему кардинальского сана в 1707 году. Пользуясь тем, что отныне миссионеры для продолжения своей работы в Китае должны оформлять у него специальное разрешение, де Турнон ввел требование отвечать на вопросы при обращении за получением соответствующего разрешения. Отныне миссионеры обязывались признавать только те ритуальные практики, которые соответствовали христианской догматике. От миссионеров требовали осуждать использование «табличек духа» для усопших предков. Обосновывать такую позицию перед верующими необходимо было, ссылаясь на решения Святого престола и на распоряжение патриарха Антиохийского, т. е. самого де Турнона, «несущего в себе оракула суверенного понтифика» (Minamiki, 1985, 55). Представители Парижских зарубежных миссий отказались получать разрешения, августинцы и иезуиты согласились.

38 Вскоре после этого Канси решает отправить своё посольство в Рим с 50 документами, переведёнными с китайского и маньчжурского языков на латынь. Некоторые документы непосредственно касались деятельности де Турнона. Посланцами были два иезуита Антониу де Барруш и Антуан де Боволье, которые, однако, погибли в кораблекрушении в 1708 году, таким образом не выполнив свою миссию. Ещё до того, как Канси узнал о трагической судьбе двух своих посланников, в 1708 году император отправляет второе посольство под руководством иезуита Джузеппе Прована с молодым китайцем-католиком Луиджи Фан Шоуи в качестве сопровождающего (позже он стал иезуитским священником). Когда же они прибыли в Рим, Папа отказался их принять. Прована и его китайский спутник были высланы в Турин.

После всех этих событий под страхом отлучения от Церкви запрещались любые интерпретации установленных норм. Часть работавших в Китае миссионеров направила в Рим апелляцию, утверждая, что своим указом де Турнон ставит под угрозу будущее католической духовной миссии в Китае (Criveller, 2012, 15).

Через два года после издания «Эдикта» в 1709 году де Турнон был заключён португальцами в тюремный замок в Макао. Уже в 1710 г. Климент XI посылает де Турнону его кардинальскую шапочку в Макао с делегацией, в которую входил Маттео Рипа – представитель конгрегации Propaganda Fide. Десятого июня 1710 года, сразу после получения известия о повышении, де Турнон скончался в Макао в воз-

расте всего 42 лет, так и не дождавшись заветного головного убора²⁵. В то время ходили упорные слухи, что кардинал был отравлен иезуитами (de Tournon, 1761—1762, 294).

Деятельность де Турнона не принесла в ряды миссионеров единства, их позиции и практические подходы к решению проблемы оказались противоположны. По сути, де Турнон поставил миссионеров перед неразрешимой задачей. Им надо было выбирать между получением согласия с одобренными Канси правилами Маттео Риччи или же следовать инструкции де Турнона и быть выдворенными из Китая. Следующим шагом в «споре» стал папский декрет 1710 года, запретивший христианам любые публикации на темы китайских ритуалов и связанные с этим дебаты без разрешения Ватикана. Наказанием за ослушание было отлучение от церкви. На следующий год генерал Ордена иезуитов пообещал соблюсти все папские указы по вопросам миссионерской деятельности. В результате к 1712 году этого декрета Китай покинуло около 80 католических миссионеров.

Маттео Рипа прибыл в Пекин 5 февраля 1711 года. На момент приезда Рипы в Китае продолжало находиться значительное число миссионеров из многих европейских стран, многие из которых служили при дворе. Так, например, Жан Франсуа Жербийон – французский учёный иезуит-миссионер – стал императорским врачом и учителем математики. Жербийон также помогал вести переговоры с русскими посланниками во время заключения Нерчинского договора. Впоследствии он получил разрешение устроить в Пекине иезуитскую коллегию, которая процветала до его смерти. Ещё один крупный синолог первой половины XVIII века, Жозеф-Анн-Мари де Мойриак де Майя, также был монахом ордена иезуитов и трудился при дворе Канси над составлением карты Китайской империи. Джузеппе Кастильоне – итальянский иезуит, который в 1715 году отправился с миссией в Китай, служил придворным художником. Под покровительством императора Цяньлуна он построил дворец в западном стиле при парке Юаньминъюань. По свидетельству Рипы, начиная с Маттео

39

25 Моши де Турнона были привезены в Рим следующим папским легатом в Китае Меццабарбой, епископом Александрийским (1685–1741). С 27 сентября могила де Турнона находится в церкви колледжа Пропанды Веры в Риме. Хронику миссии составил иезуит Килиан Штумпф (1655–1720) в своём труде «Acta Pekinensia» [Stumpf, 2015]. Подробнее о миссии де Турнона см. [Malatesta, 1994; Rouleau, 1962; Rule, von Collani, 2015].

Риччи, через Китай прошли более 500 священников (Дубровская, 2000, 172).

В 1712 году Канси, до тех пор не имевший информации из Рима, думал направить туда третье посольство, но уже через Москву, а не морем. Однако он отказался от этого шага (Criveller, 2012, 17).

Следующей важной вехой в истории «спора о ритуалах» явилось подтверждение Климентом XI запрета ритуалов. В 1715 году понтифик опубликовал буллу «Ex illa die», которая включала в себя приказ принесения миссионерами присяги против ритуалов. Новая папская булла подтверждала под страхом отлучения от церкви все предыдущие ограничения и запреты, связанные с культурной адаптацией христианства в Китае²⁶.

40 В это же время император Канси направляет в Рим «Красный манифест» – документ на китайском, маньчжурском и латинском языках (см. рис. 6 Приложения 7). Сопровождать данный документ должен был иезуит Джузеппе Прована. В документе император подтверждал, что Прована – его посол и что он не согласится ни с каким папским решением, если оно не будет утверждено Прованой. Делегация была принята прохладно. Римские священники подвергали прибывших всяческим унижениям. Манифест рассмотрен не был, а Прована был отправлен в ссылку. Однако вскоре Климент XI возвращает его из ссылки в Рим и отправляет в Китай. При этом он объявляет, что направит в Китай новую папскую делегацию. Прована скончался в пути, а его сопровождающий Фан Шоуи добрался до Пекина, где его принял император. Канси до глубины души был возмущён рассказом об унижениях, которым подверглась его делегация в Риме.

В 1720 Климент XI отправил в Китай своего второго апостольского легата Карло Амброджо Меццабарба²⁷. Канси согласился его принять, но только в том случае, если он привёз «хорошие новости». Меццабарба объявил о предоставлении «восьми разрешений» – серии мер, которые должны были смягчить эффект папских декретов. Содержание разрешений было следующим:

26 В 1717 г. этот документ обнародовал епископ Пекина К. Ораци да Касторано (1673–1755), за что он был на несколько дней посажен китайским императором в тюрьму. Один из руководителей миссионеров-иезуитов в Пекине К. Штумпф через русского посланника Л. Ланга отправил в Петербург письмо для передачи его германскому императору Карлу VI с просьбой уговорить Папу Римского отменить свои запреты [Stumpf, 2015].

27 О миссии Меццабарбы подробнее см. [Sisto, 1948].

1) иметь дома таблички предков с их именами, но с обязательным добавлением рядом изложения христианского верования о душе и отречения от любого рода суеверий, способных вызвать скандал;

2) участвовать во всех не являющихся суеверными или сомнительными церемониях поклонения предкам;

3) почитать Конфуция светским образом при условии, что его табличка не содержит суеверных надписей, и помещать перед табличками свечи, благовония и еду, но должна быть продемонстрирована вера в Святую Церковь;

4) совершать коленопреклонения и падения ниц перед гробами и должным образом поправленными табличками предков;

5) использовать на похоронах благовония и свечи при наличии соответствующего письменного пояснения;

6) помещать еду на столах перед табличками мертвых, если при этом делается заявление о христианской вере и единственная цель состоит в выражении уважения к мертвым;

7) совершать принятые обычаем поклоны коутоу в Лунный Новый год и по другим случаям, но перед правильно поправленными табличками;

8) зажигать благовония и свечи перед поправленными табличками и могилами, если выполнены все необходимые условия (Latourette, 1929, 148–149).

Мы видим, что некоторые пункты полностью следуют заветам Риччи и требованиям иезуитов. Можно судить о том, что данный документ не мог не привести к еще более ожесточенным спорам.

Первая встреча, во время которой легат передал императору папское послание, состоялась 31 декабря 1720 года. Но более важная встреча, на которой были обсуждены вопросы ритуалов, состоялась 14 января 1721 года. В обоих случаях к посланнику относились с максимальным уважением. Переводчиками на встречу Меццабарба пригласил, по рекомендации Римской курии, Маттео Рипу и его партнера по миссии Теодорико Педрини. Позднее «Разрешения» были утверждены в Макао в 1721 году. Однако на этом проблема ритуалов не была решена (Di Fiore, 1989, 121). В дальнейшем папскими буллами неоднократно подтверждались установленные ограничения, а относительно «восьми уступок» Меццабарбы возникали многократные споры.

В своём исследовании, посвященном жизни и деятельности Меццабарбы, итальянский историк Джакомо ди Фьоре пишет: «“Восемь разрешений” Меццабарбы многие считали настоящей капитуляцией, практическим мораторием на *Ex illa die*. Но, благодаря им, Меццабарба получил наконец возможность быть принятым императором Канси и начать свою миссию.

На первой встрече Меццабарба совершил все положенные поклоны и сказал, что берёт на себя все ошибки, допущенные миссионерами, чем заслужил одобрение императора. Однако во время этой аудиенции поведение двух переводчиков (Теодорико Педрини²⁸ и Маттео Рипы) привело к недоразумению. На самом деле, когда Канси затронул вопрос миссионерской практики Маттео Риччи и его собратьев, т. е. вопроса китайских ритуалов, эти двое перевели слова Канси, как будто указанные миссионеры приняли требование папского посланника вести проповедь христианства в соответствии с директивами из Рима. От чего император возмутился и пригрозил выслать Меццабарбу в Европу» (Di Fiore, 1989, 126).

42 В результате сложилась ситуация, при которой противники признания ритуалов опирались на тексты папских декретов и распоряжения де Турнона. Напротив, сторонники признания традиционных китайских ритуальных практик приемлемыми опирались на «восемь разрешений» Меццабарбы. В этих условиях император Канси направляет делегацию в Рим, чтобы информировать Папу о том, что он не согласен с его декретом от 1715 года: согласно Канси, ошибочная позиция Папы относительно ритуалов объяснялась влиянием Мегро. В результате же позиция Папы создала серьезные препятствия для распространения христианства в Китае.

Основной смысл папских булл и декрета де Турнона был направлен на борьбу с культом предков среди «новых» католиков. Им было запрещено держать дома ритуальные таблички предков. За коленопреклонение перед гробом старшего родственника полагалось отлучение от церкви. Запрет государственных ритуалов для христиан обернулся серьёзной проблемой для учёных, желавших сделать карьеру при дворе: христианам было запрещено участвовать в ритуалах, связанных с по-

28 К концу своей жизни Педрини примирился с иезуитами, но никогда не показывая это при людях Святого престола. Теодорико Педрини умер, не вернувшись в Италию, в 3 часа ночи 10 декабря 1746 в своей резиденции в Пекине и был похоронен за счет императора Цяньлуна. Его могила была найдена в середине прошлого века, но затем была разрушена из-за политики «культурной революции».

читанием Конфуция, что фактически делало невозможной работу последователей христианства при дворе.

В 1721 году скончался папа Климент XI, в 1722 году умер император Канси. Два великих и гордых противника не смогли разрешить спор, который их разделил, несмотря на выдающиеся личные способности и многочисленные взаимные инициативы.

1.4 После Канси

Новый Папа Бенедикт XIII (1649–1730) направил в Пекин делегацию из пяти священников с поздравлениями новому императору Юнчжэну. Только два члена делегации добрались живыми до Пекина и были приняты новым императором. Однако по результатам встречи не было принято никаких более или менее значительных решений. Юнчжэн совершенно не был склонен терпеть, как это делал его отец, непонятные ему споры между сторонниками и противниками китайских ритуалов. Указом от 1724 года, подтверждённым в 1732 году, он запретил католицизм и выслал миссионеров, за исключением тех, которые несли службу при дворе. В китайское законодательство была включена статья, определявшая христианство как запрещенную еретическую секту. Как пишет Коэн: «Последующие 120 лет христианство официально определялось как еретический культ, мало отличающийся от тайных обществ, которые периодически ставили под угрозу стабильность существования династии» (Cohen, 1978, 545). С этого момента христианство оказалось вне закона. Иностранные миссионеры должны были покинуть страну или перейти на нелегальное положение. Было разрушено более 300 храмов. Многие миссионеры были казнены или посажены в тюрьму. Несмотря на это многие из них всё ещё оставались, прежде всего, в отдалённых от Пекина провинциях. Китайская христианская община, численность которой в то время оценивают в 150–300 тыс. человек, стала уменьшаться.

После первого указа (1724) при дворе осталось 14 иезуитов, еще 14 миссионеров оставались в провинциях на нелегальном положении. После изгнания миссионеров оставшимся китайским католикам были необходимы духовные наставники, поэто-

му в данный период времени повысилось значение священников-китайцев, например, католическую общину Сычуани возглавил Линус Чжан Фэн (1669–1743)²⁹.

В 1733 году были опубликованы два пасторских письма Франциско да Пурификасьона, бывшего до запрета Юнчжэна августинским епископом Пекина, в которых он обязывает оставшихся священников и китайских верующих придерживаться распоряжений Меццабарбы. Такое решение вызвало гнев бывшего генерального викария и администратора епархии Карло Ораци, который, вернувшись в Рим, продолжил борьбу с признанием ритуалов (Di Fiore, 1989, 129).

Через два года под давлением противников ритуалов, (прежде всего Шарля Мегро, Маттео Рипы, Карло Ораци³⁰) Святой Престол аннулировал два пасторских письма епископа Пекина. Меццабарба, уже епископ Лоди, был вызван в Рим. В его отношении было начато расследование, в ходе которого Меццабарба утверждал, что позволение на предоставление «восьми разрешений» ему было дано в устной форме самим Климентом XI, однако убедить следователей ему не удалось.

44 В 1735 году на престол взошел новый император Цяньлун. Как и предшественник, он занял яркую антихристианскую позицию. Очевидец тех событий Жан Батист Дюгальд (1674–1743), писал: «Миссионеры были выгнаны из церквей, их терпели теперь только в Пекине и Кантоне. Более трех сотен церквей были разорены и на светское определены употребление; и более трех сотен тысяч христиан оказались лишены пастырей» (Дюгальд, 1777, 276).

В 1742 году, 11 июня, после смерти Меццабарбы, Бенедикт XIV провозглашает апостольскую Конституцию «Ex quo singulari», окончательно запретив ритуалы, «восемь разрешений», а также любые толерантные интерпретации принятых норм. Запреты коснулись и «малабарских обрядов». Была подтверждена под угрозой строжайших канонических санкций обязанность для всех принимать присягу против ритуалов. Казалось, на этом в истории «спора о ритуалах» могла быть поставлена точка. В действительности же она имела еще долгие последствия (Di Fiore, 1989, 126).

29 К этому времени китайцы-миссионеры уже работали и учились за пределами Китая. Например, в 1691 г. в Мозамбике умер иезуит-китаец Михаил Чжэнь Фучжун.

30 Что касается Карло Ораци, то он был одним из самых активных противников китайских ритуалов. Он писал до того значительное количество запросов и докладов на имя Святого Престола, что понтифик пригласил его в 1750 году на аудиенцию и приказал более не обращаться к Святому Престолу.

Решительно осудив ритуалы, папа повторил и заострил внимание на указаниях Климента XI. Бенедикт XIV резко осуждает «восемь разрешений» Меццабарбы, которые позволяли толерантную интерпретацию ритуалов. Папа, в частности, провозглашает: «Эта наша Конституция будет жить всегда, ею мы отзываем, отменяем, зачёркиваем эти “разрешения” и заявляем, что каждое из них не имеет никакой силы и законности. Они ничего не стоящие, пустые, недействительные, полностью ничтожные, легкомысленные и неэффективные, они никогда и нигде не могут иметь места. Никто не должен думать, что он может попытаться разъяснять или интерпретировать слова и идеи, уже ясно высказанные в этой нашей Конституции» (Di Fiore, 1989, 126). Конституция содержит также строжайшую присягу, которую должен был принять каждый миссионер, направляющийся в Китай. Документ подчёркивает: повиновение, которое папа требует от миссионеров, не должно быть тормозом, сдерживающим распространение Веры, что Бог будет всегда милосердным к тем, кто проповедует чистое Евангелие, проповедует с мужеством, не боясь пролить за это собственную кровь. Последний абзац присяги формулирует требуемые качества миссионера: он должен считать себя истинным учеником Христа. Он должен свято верить в то, что направляется не для временных радостей, но для тяжёлой борьбы; не для почёта, но для унижений; не для каникул, но для работы; не для ухода от забот, но для достижения высоких результатов ценой страданий.

45

Заключительная часть Конституции показывает, что Бенедикт XIV делал всё осознанно, зная о том, что должен был принять радикальное и окончательное решение; он делал это с достоинством и благородством, искренне веря перед лицом Бога, что сделал правильный выбор. Он сделал свой выбор, многие его не разделили, но все подчинились.

Доверие китайских императоров к католическим миссионерам отныне было подорвано. Напротив, теперь китайские власти старались активно бороться с нелегальным миссионерством. В сентябре 1746 г. в провинции Хэнань был схвачен француз Жан Франсуа, который умер от пыток. В 1755 году вышел приказ местных властей о запрете христианства. В результате было арестовано 50 китайцев, поддерживавших христианскую веру. Несмотря на репрессии, миссионеры продолжали и дальше активно обращать в христианство китайцев. В 1765 году епископ Лэмбекховен крестил 1450 китайцев. А в 1770–1775 годах в Китае было обращено в почти

3 тыс. человек (Дацышен, 2007, 40).

В 1762 году Конгрегация пропаганды веры разделила Китай на сферы влияния. Шесть провинций были отданы португальцам, шесть – французам и по две – испанцам и итальянцам. Миссии становились независимы от трех дальневосточных епископов. Храмы Наньтан и Дунтан передавались в управление иезуитским «вицепровинциалиям», Бэйтан – французской миссии, Ситан – совместно (Дацышен, 2007, 41).

В 1773 году 21 июля Папа Климент XIV бреве *Dominus ac Redemptor Noster* распустил *Compagnia di Gesù*, Общество Иисуса, иезуитов, активно боровшихся за возможность признания традиционных китайских практик допустимыми. Относительно укоренившимся в исследовательской литературе можно считать мнение, согласно которому одним из поводов, пусть даже и формальных, к запрету иезуитского ордена стала их позиция в отношении китайских ритуалов (Дубровская, 2000, 186).

46 В своей работе «*La controversia dei riti cinesi*» («Спор о китайских ритуалах») Джанни Кривиллер пишет: «В 1773 году Папа Клемент XIV, уступив сильнейшему давлению, упразднил *Compagnia di Gesù*. Это было одним из самых постыдных решений в истории римского папства. В Китае иезуиты были заменены на французских миссионеров из *Societa San Vincenzo de Paoli*³¹. 15 мая 1775 года Франсуа де Буржуа – последний руководитель иезуитской резиденции в Пекине – написал письмо: “... Несмотря на наши попытки не допустить утечку информации о наших бедах, наши вновь обращённые знают всё. Они очень расстроены. Они делают больше: из уважения к нам и во имя нашей религии они избегают говорить о наших общих несчастьях. О, Боже! сколько душ останется во мраке идолопоклонничества и никогда из него не выберутся!» (Criveller, 2012, 19). Работа Джанни Кривиллера – одно из наиболее фундаментальных изданных на данный момент исследований спора о китайских ритуалах. Откровенное сопереживание автора научного исследования одной из противоборствующих сторон свидетельствует, по нашему мнению, о высокой степени политизации конфликта, который до сих так до конца, по всей видимости, не исчерпан.

В результате роспуска иезуитов в 1770-х годах в Пекине началась острая борьба

31 Лаззаристы, ныне известны как винченцианцы, сообщество римско-католических священников, основанное святым Винсентом де Полем в 1625 году.

за сферы влияния. Несколько епископов не признавали друг друга и даже объявляли об отлучении друг друга от церкви. В 1785 году новым епископом Пекина был назначен францисканец Александр де Гувэ, остававшийся на этом посту до своей смерти в 1808 году.

В 1814 году Папа Пий VII выпустил специальную буллу «Sollicitudo Omnium ecclesiarum»³², которой восстановил Общество Иисуса. Однако окончательная точка в споре была поставлена только спустя столетие.

В 1919 году Папа Бенедикт XV издал энциклику «Maximum illud», в которой подверг критике «иностранный» характер католических миссий. Здесь имелся в виду, прежде всего, Китай, для которого готовился апостольский нунций Чельсо Константи. Он прибыл в Китай в 1923 году уже при Папе Пие XI. В своем служении он прежде всего делал акцент на необходимости учитывать местные исторические, социальные и культурные условия.

В 1939 году, 8 декабря была опубликована инструкция Конгрегации Propaganda Fide «Plane compertum». В инструкции разрешались ритуалы, носящие по сути «гражданский, культурный и политический характер» (Criveller, 2012, 20). Папа Пий XII утвердил подготовленный документ. Именно это событие считается завершающим в истории спора о ритуалах (Cheng, 1999, 78).

Мотивации же указанного ранее документа Propaganda Fide от 1939 года, нарушившего решения Бенедикта XIV, лишены логики и достоинства – теологического и культурного. В нём утверждается, что китайское правительство заверяет Святой Престол, что ритуалы относятся к гражданским традициям, а это является аргументом, вызывающим изумление. Непонятно, как светское правительство может судить о чисто церковных делах, тем более о которых уже объявил в торжественной и окончательной форме римский понтифик. Так уже было в 1700 году, когда Канси тоже объявил о гражданском характере ритуалов, однако тогда Рим расценил это как неуместное вмешательство. Рим не мог признать веру в наличие души в табличке гражданской традицией.

Документ Propaganda Fide не объясняет, почему явление, против которого на протяжении 200 лет боролись миссионеры, принявшие строгую присягу, вдруг стало законным. Мы можем только предположить, что позиция Святого Престола в

47

1939 году была продиктована японским вторжением в Китай, унижением его национального и культурного достоинства. Решения 1939 года были сигналом о необходимости установить позитивное соотношение между евангелизацией и местными национальными и культурными особенностям.

Последние папы, а именно, Папа Иоанн Павел II и Папа Бенедикт XVI положительно отзываются о миссионерской практике Маттео Риччи, подчёркивая её справедливость, разумность и актуальность. Так, например, в 2010 году папа Бенедикт XVI на аудиенции с участниками паломничества, посвященного 400-летию со дня кончины итальянского иезуита Маттео Риччи, назвал проповедь миссионера «уникальным случаем удачного сочетания возвещения Евангелия и диалога с культурой народа – адресата благовествования», подтвердив фактически на уровне Ватикана признанность и допустимость практики признания китайских ритуалов приемлемыми. Однако, как в католической, так и в академической среде дискуссии о китайских ритуалах, проникнутые ярко выраженным духом политизации, продолжают до сих пор.

48

Продолжение «спора о ритуалах» и напряженная обстановка вокруг Шарля Мегро и де Турнона неблагоприятно сказалась на миссии Рипы. Хотя он впоследствии пользовался расположением императора Канси, вначале он испытал на себе весь негатив цинских чиновников по отношению к миссионерам и европейцам вообще.

Как известно, в «споре» на протяжении нескольких веков участвовали многочисленные враждующие группы: от руководителей целых государств, в том числе Ватикана, китайского императора, деятелей церкви, науки, культуры, литературы, дипломатов до простых верующих. Вместе с тем, при всей многоликости участников «спора» они могут быть разделены лишь на две основные группы: с одной стороны, иезуиты и их сторонники, с другой – их враги и противники. И даже сам император Канси не может являться какой-то третьей стороной. По сути, он был на стороне иезуитов, так как их позиция казалась ему, в силу объективных причин, наиболее приемлемой для Китая.

Впрочем, как мы уже говорили ранее, европейская историография «спора о ритуалах» практически всегда упускала из вида китайских христиан. В последнее время это положение стало исправляться. Мемуары крещёных китайцев свидетельствуют, прежде всего, не только о влиянии «спора» на их повседневную религиоз-

ную практику, но и на повседневную жизнь вообще (Mosheim, 1862, 111).

Таким образом, подводя итоги, стоит отметить, что «спор о ритуалах» явился уникальным в своем роде событием. До сих пор идут дискуссии о его реальных причинах. Однако на вопрос о трагичности и продолжительности спора можно ответить словами А.В. Ломанова и Дж. Минимики: «...за тысячи километров от Китая в Риме решали вопросы о смысле понятия *шанди* и ритуалов поклонения Конфуцию» (Ломанов, 2002, 205), при том что «расстояние между Римом и миссиями исчислялось не только в морских милях, но и в радикальных различиях в культурном наследии и фоне. Главным камнем преткновения стала концентрация принятия всех решений в Риме» (Minamiki, 1985, 221).

1.5 История публикации «Джорнале»

Будучи «войной книг» (Дубровская, 2000, 162), «спор о ритуалах» стал поводом для написания огромного количества работ о Китае. В основном это были работы этнокультурного содержания, подтверждающие или опровергающие религиозность, в зависимости от занимаемой позиции, китайских ритуалов. Что же касается исследуемого нами «Джорнале» Маттео Рипы, то можно смело утверждать, что его содержание сильно отличается от прочих работ миссионеров того времени. Рипа описывал события, непосредственно относящиеся к спору, цитировал диалоги участников, копировал документы. Рипа не мог и предполагать, что его творение превратится в одно из «орудий» в той самой «войне книг». Судьба распорядилась так, что сама история публикации «Джорнале» представляет собой яркое свидетельство того, что «спор о ритуалах» явился по сути чередой заговоров и подлогов.

Спустя 20 лет после возвращения из Китая, в 1743 году Маттео Рипа приступил к работе над текстом своих мемуаров, которые он именовал «Джорнале». Эти записки, а также события вокруг них показали, что борьба не закончилась. Это была борьба между иезуитами – главными сторонками ритуалов – и их противниками. Эта борьба шла с переменным успехом, о чём свидетельствует история записок «Джорнале».

Само слово «Giornale» переводится с итальянского языка как «дневник», «ежедневная газета». Но известно, что Рипа писал свой труд не по горячим следам в Китае, а спустя много лет уже в Италии, хотя многие заметки и письма, написанные

им в Китае, сохранились. Поэтому точнее было бы определить жанр произведения Рипы как мемуары.

Кто знает о последних, трудных годах Рипы, не может не задать себе вопрос: почему автор так долго ждал того, чтобы превратить мысли и заметки о давно прошедших событиях в цельную книгу. Рипа сам себе тоже задавал этот вопрос, чувствуя необходимость объяснить такое позднее решение. Архиепископ Неаполя Франческо Пиньятелли много раз настоятельно просил Рипу написать отчёт о его миссионерском опыте в Китае. Рипа обещал начать писать, но, ссылаясь на занятия с учениками в колледже, которые он считал более важными, не делал этого. Однако такая задержка была вызвана другой причиной, которую нужно особо подчеркнуть: «Он не хотел писать о тех скандалах, которые происходили постоянно весь период его пребывания в Китае» (Fatica, 1991, XXXVII).

50 Через некоторое время после смерти Пиньятелли Рипа получил новую просьбу от представителей Ватикана написать «мемуары опытного человека, который уже думает о спасении своей души» (Fatica, 1991, XXXVII). Он принял предложение, в первую очередь потому, что уже был свободен от многих дел и забот. По его замыслу «Джорнале» должен был стать пособием для обучения и подготовки учеников его колледжа, которые готовились стать миссионерами в Китае. Кроме этого, он считал, что пришло время сообщить о скандалах и беспорядках, свидетелем которых он был в Китае.

Профессор Фатика утверждает, что были и другие причины. Новым архиепископом Неаполя стал Джузеппе Спинелли, известный не столько своей пасторской деятельностью, сколько дипломатическим опытом и связями с различными группировками в Риме. Спинелли не скрывал своей враждебности по отношению к Ордену иезуитов. На время прихода Спинелли в Неаполь в качестве главы местной церкви борьба с иезуитами ещё более обострилась. В этой ситуации антииезуитская книга Рипы могла бы стать важным оружием в этой религиозной и политической войне (Fatica, 1991, XXXVII).

Могла существовать и другая причина. О ней не говорит ни Рипа, ни профессор Фатика. Известно, что многовековая и многогранная деятельность Ордена иезуитов знала взлёты и падения, Орден влиял на политику и жизнь целых стран в одни периоды истории и подвергался жёстким гонениям в другие. Вполне возможно, что

те годы, когда Рипа медлил с написанием

«Джорнале», были тем временем в Неаполе, когда был подъём деятельности и влияния иезуитов. С приходом же кардинала Спинелли начался спад деятельности иезуитов и гонения на них. Пик таких гонений мог прийти и на 1743 год, когда Рипа начал писать свои мемуары.

Здесь хотелось бы привести следующую мысль: «Определённую роль в истории “спора о ритуалах” сыграл и отец Маттео Рипа, который помимо этого интересен как самобытный и самостоятельный свидетель не только связанных с этим “спором” событий, но и как бытописатель жизни тогдашнего Китая и Пекина» (Дубровская, 2000, 66). Отец Рипа не был простым свидетелем «спора о ритуалах». Получив заказ от кардинала Спинелли написать свой «Джорнале», он стал не просто свидетелем, а одним из ключевых действующих лиц в деле борьбы с иезуитами. Человек с серьёзной репутацией на различных уровнях римской католической церкви, с большим опытом и связями, он, а также его мемуары стали действенным оружием в этой борьбе.

21 июля 1773 года папа Климент XIV под давлением правительства Бурбонов издал бреве *Dominus ac Redemptor*, в котором запретил деятельность «Общества Иисуса». При этом бывшие иезуиты могли получить разрешение продолжать свою апостольскую деятельность при условии, что они принимали папское бреве и подчинялись ему. Новость о разгоне ордена достигла Пекина 12 ноября 1774 года, а сам официальный документ прибыл в столицу почти в конце следующего года (Дубровская, 2000, 66).

Как утверждает Фатика, Рипа написал и продиктовал материалов на 5 рукописных томов. Однако многие материалы исчезли, а также были вывезено в Китай. Предлогом для изъятия документов явилось начало процедуры «причисления» Рипы к лику святых, а также, якобы, для редактирования и сближения языка оригинала с современным итальянским языком. После такого «редактирования» в 1832 году (иезуиты в это время вернули своё влияние на общество) в Неаполе были выпущены 3 тома (Fatica, 1991, CLV). «*Storia della fondazione...Collegio dei cinesi*» (История создания ...китайского колледжа) (переиздано в Неаполе в 1983 году) содержит всего 1491 страницу, поровну на каждый том. На основании имевшихся в его распоряжении материалов профессор Фатика под своей редакцией и со своей критической

статьей под эгидой Восточного университета Неаполя издал в 1991 году «Giornale» том первый (1705–1711) – 241 страница и в 1996 году том второй (1711–1716) – 234 страницы³³, всего 475 страниц³⁴.

По форме оба издания (трёхтомник 1832 и два тома 1991 и 1996 гг.) также отличаются. В двухтомнике текст в основном состоит из маленьких главок, каждая имеет указание на дату – настоящий дневник. Трёхтомник – произведение совсем другого жанра. Каждый том разделён на большие главы, в первом 22 главы, во втором – 25, в третьем – 9. Перед каждой главой даётся её краткое содержание без указания на даты, которые затеряны где-то в тексте. И это только указание на день и месяц. Указания на год ещё реже. Таким образом в трёхтомнике размыто ощущение реальности и актуальности, утеряна связь с параллельно происходящими событиями. Это можно считать результатом осознанного и целенаправленного «творчества» «редакторов».

52

Согласно разъяснениям, полученным в устной форме в Ректорате Восточного университета в Неаполе, только двухтомник под редакцией профессора М. Фатики является официальным академическим документом, предназначенным для студентов и научных работников, для дипломных и других исследовательских работ, которые могут претендовать на признание и одобрение Университета.

Фактическим продолжением противостояния Рипы и иезуитов явилось издание в 1832 году трёхтомника, выдаваемого иезуитами за оригинал «Джорнале». Самым заметным результатом «редакторской» деятельности издателей трёхтомника является полное отсутствие в тексте упоминаний об иезуитах, даже в тех местах, где Рипа отзывался о них положительно и доброжелательно. Вместо слова «иезуит» в трёхтомнике мы видим: «некие», «некоторые», «ранее прибывшие» миссионеры.

Само «отредактированное» произведение даже нельзя назвать «Дневником». В

33 На данный момент вышел третий том, значительная часть которого посвящена описанию разрушительной деятельности Шарля Мегро. В издательство также сдан четвёртый том, где собраны материалы Рипы о пребывании и переговорах в Китае посла Измайлова, а также пребыванию папского легата Меццабарбы. Фатика сообщил, что удалось вернуть из Китая много материалов Рипы. Они находятся в работе.

34 На самом деле разница не такая (1491 и 475 страниц). На странице трёхтомника 1832 года в среднем 1580 печатных знаков – букв с пробелами – на странице двухтомника 1991 и 1996 годов – 3150. То есть в страницах трёхтомника в двухтомнике около 950 страниц.

нём полностью отсутствуют указания на конкретные места действия и их даты, что обязательно для такого жанра, как «Дневник», что имеется в первоначальном оригинале Рипы. Такой метод позволил иезуитам изъять из текста Рипы целые страницы и главы, прежде всего те, где Рипа подвергал иезуитов справедливой, по его мнению, критике, миссионера, строго выполнявшего указания Святого Престола.

К примеру, на странице 446 тома первого «иезуитского» трёхтомника предпоследний абзац относится к 26.12.1711, а следующий за ним последний абзац уже относится к 1.8.1712 года. Дело в том, что в течение опущенного иезуитами периода происходили события, связанные с выдвижением обвинений в адрес западных миссионеров со стороны имперского цензора. В это самое время Рипа подверг действия иезуитов резкой критике.

Деятельность издателей трёхтомника не ограничилась искоренением из «Джорнале» Рипы антииезуитского духа. Дело в том, что Рипа пользовался большим авторитетом и популярностью в католическом мире. Издатели должны были не столько прославить миссионерскую деятельность Рипы, сколько постараться выдать его за своего, за иезуита, с целью повышения и укрепления авторитета всего Ордена в целом. И это им удалось.

Из 230 страниц оригинала, в отредактированном варианте не более 40 посвящены тому, что в изданиях 1832 и 1844 гг. иезуиты выдали за главное – описание природы, путешествий, этнография, обычаи, нравы. Остальные же порядка 200 страниц о спорах, борьбе Рипы, его переживаниях, о непосредственных контактах с императором, о происках и враждебности иезуитов ими вычеркнуты.

Здесь считаем уместным привести несколько из многочисленных различий в текстах двух изданий. «Император попросил меня рассказать о том, как умер кардинал де Турнон. Этот вопрос был вызван подозрением, что он был отравлен иезуитами» (Fatica, 1996, 3), а в трёхтомнике читаем: «...он был отравлен его врагами» (Ripa, 1832, 3).

В данном случае «редакторы» трёхтомника вычеркнули только одно слово. Но во многих других случаях вычеркнуты целые фразы, абзацы, страницы. «5 декабря губернатор опять получил приказ отправить в Пекин двух отцов-иезуитов, прибывших недавно математиков, отца Тилиса – богемца (чеха) и отца Кардозу – португальца, а также нас троих: господина Педрины, отца Фабри и меня. При этом вице-король

объяснил, почему нас не отправляли раньше. Мы были от его святейшества господина кардинала де Турнона, который создавал здесь большие проблемы своими постоянными заявлениями о том, что китайские ритуалы являются суеверием, что иезуиты придают им гражданское или политическое значение, а Святой Престол считает их неотделимыми от суеверия» (Fatica, 1991, 227)³⁵. Выделенный текст в трёхтомнике отсутствует (Ripa, 1832, 350). И несколько ниже: «18 декабря мы в назначенное время прибыли в город Гуанчжоу, в котором нашли две резиденции. Одна иезуитов, другая испанцев-францисканцев. *Иезуит, который жил в церкви, португалец да Кошта, пригласил нас войти, и мы увидели над дверью этой церкви табличку, проклятую Святым Престолом, а на ней позолоченные иероглифы цзин тянь*» (Fatica, 1991, 231). В трёхтомнике выделенный текст отсутствует (Ripa, 1832, 356.).

Деятельность «редакторов» не ограничилась полным изъятием антииезуитских материалов. Они удаляли также тексты Рипы, в которых он писал о своих успехах, о положительных оценках, которые император давал этим успехам. Вычёркивалось даже само слово «Giornale» («Джорнале»).

54

«Тибет – королевство, завоёванное императором Китая, отсюда пришла просьба избавить эту страну от набегов царя Тсу Вангарпатана, как утверждают, потомка Тамерлана. Несмотря на набеги страна всё же управляется ламами, которых очень уважают. Для работы в Тибете иезуиты подготовили двух лам, которые были моими друзьями. *Все используемые географические карты Тибета были вычерчены и выгравированы на меди мною*» (Fatica, 1996, 27). В трёхтомнике выделенная фраза отсутствует (Ripa, 1832, t. I. P. 407).

Второй том под редакцией профессора Фатики заканчивается 1714 годом, трёхтомник же – последним годом жизни отца Рипы.

35 В декабре 1720 г. перед прибытием кардинала Меццабарбы Канси вновь собрал миссионеров для того, чтобы сообщить свои взгляды на проблему. Подчеркнув, что его правление не проводит различий между своими и чужими (бу фэнь нэй вай), император попытался донести до слушателей свое понимание смысла табличек предков, находящихся в китайских храмах и семьях. Они выражают уважение к предкам и потому имеют лишь символическое значение. Конфуция чтут потому, что сформулированные им моральные добродетели и принципы человеческих взаимоотношений представляют собой вечные истины, побуждающие людей служить вышестоящим и предкам. По мысли Канси, это сопоставимо с христианским почитанием святых за их дела [Young 1994, с. 96].

Имеется также английское издание 1844 года: «Ripa Matteo, Memoirs of Father Ripa...» («Мемуары отца Маттео Рипы за 13 лет пребывания при дворе в Пекине в императорском Китае; с рассказом о Колледже для обучения китайских учеников в Неаполе»). Оно основано на трёхтомнике 1832 г. (переведено с итальянского языка на английский и отредактировано) и преследовало больше экономические, чем идеологические цели. Из 69 глав трёхтомника осталось 28, от 1491 страницы осталось 157. Все они были сведены к описанию путешествий и местности, обычаев и привычек китайцев. Фатика замечает: «Если издание 1832 года превратило «Джорнале» в биографию святого, то лондонский конденсат 1844 года свёл труд Рипы к авантюрно-приключенческой истории. Однако те, кого не интересует «причисление к лику святых», не интересуют коммерческие тиражи, различают между строк антииезуитскую направленность» (Fatica, 1991, LXXIII). Здесь необходимо подчеркнуть, что в библиографии двухтомного издания Фатика даже не указывает на существование трёхтомника 1832 года. Английский же однотомник 1844 года присутствует.

Нам понятны аргументы, чувства и эмоции профессора Фатики. Ведь в нашем случае нам так же интересны вопросы религии и внутрицерковной идеологической борьбы. Но стоит отметить, что издатели трёхтомника 1832 года и однотомника 1844 года не стремились редактировать и вычёркивать исторические, географические и этнографические реалии, даже, напротив, подчёркивали их. В связи с этим, несмотря на предупреждение Ректората Восточного университета Неаполя нами были проанализированы все три издания.

Выше говорилось о проблеме старого итальянского языка, использованного Рипой. На самом деле такая проблема существует, что создавало определённые трудности при прочтении и изучении текста «Джорнале». Здесь уместно привести сравнение со «Статьейными списками посла Измайлова»: итальянский язык Рипы такой же, как и русский язык Измайлова, т. е. достаточно трудный для нас. Текст Рипы значительно отличается от языка, который используется в Италии сегодня. У Рипы много французских, испанских, португальских и латинских слов и выражений. Есть отличия в грамматике, морфологии, использовании форм и времён глаголов, форм и согласований прилагательных. Один пример: словосочетание «со мной» в смысле «вместе со мной» по-русски в современном итальянском языке пишется “con me” раздельно. У Рипы читаем “месо” – слитно. Грамматические формы отличаются и

«внутри» самого текста Рипы: в одних и тех же текстовых ситуациях глаголы Рипа спрягает по-разному, особенно в формах множественного числа.

Одной из главных трудностей при прочтении текстов Рипы был размер фраз, достигавших половины страницы и имеющих только запятые в качестве знаков препинания. Это требовало времени и усиленного внимания для выделения ритмических и смысловых групп. В связи с этим только многократное прочитывание одного и того же фрагмента приводило в итоге к пониманию текстов Рипы. Однако прочтение и понимание всё же облегчалось тем, что у Рипы идёт простое незамысловатое описание наблюдаемых фактов без философских и лирических отступлений, без ссылок на другие события и авторов, мыслителей и философов. Рипа не использует ни пословицы, ни поговорки, устойчивые и крылатые обороты, где бы мог быть скрытый, завуалированный, метафоричный или аллегоричный смысл.

Фатика подготовил для сдачи в издательство и том четыре, который для нас является очень важным: здесь будут опубликованы подробные и детальные записки Рипы, посвященные пребыванию в Пекине и переговорам с императором российского посланника Измайлова, поскольку Рипа присутствовал на этих переговорах (В данной работе приводится перевод той части «Джорнале», см. Приложение 2). В этом же томе записки Рипы о папском представителе Шарле Мегро, о его судьбе, деятельности, оценка этой деятельности.

Кроме этого, в работе и пятый том, посвящённый последнему этапу жизни отца Рипы, его записки о создании и деятельности колледжа для китайцев, взаимоотношениях с местными властями и с находящимися в Риме руководителями католической церковью.

Сообщая нам обо всём этом, Фатика подчеркивал, что записки Рипы в томах IV и V, так же как и в томах I, II и III имеют антииезуитскую направленность, которую Рипа придал своему труду в связи с непосредственным и однозначным поручением высшего руководства Святого Престола.

Подводя итоги данного раздела, следует отметить, что «спор о китайских ритуалах» явился одним из самых болезненных для католической церкви событий и стал одним из примеров разрушительного для обеих сторон культурного столкновения. В борьбе за свои идеалы миссионеры из многих европейских стран, рискуя положением, а порой даже и жизнью, были вынуждены идти на «войну» не только с

собратьями по вере, но и по ордену или конгрегации. Понадобилось почти три столетия, чтобы спор разрешился мирным путём, и стороны встали на путь культурного диалога, который был признан двумя последними Папами, открывшими широкую дорогу для продвижения Веры. Как мы уже говорили ранее, оба папы заявили о правильности и дальновидности миссионерской практики «приспособления и компромисса», разработанной Маттео Риччи. Таким образом, данный раздел нашего исследования, начавшись с упоминания этого легендарного миссионера, на нём и завершается.

Глава 2. Маттео Рипа и его миссия в Китай

В данном разделе будет рассмотрена восстановленная по мемуарам «Джорнале» биография Маттео Рипы, центральным для нас эпизодом которой является его миссия в Китай, а также последовавшие за ней и связанные с ней события.

2.1 Ранние годы Маттео Рипы

Маттео Рипа (см. рис. 1 Приложения 7) родился в г. Эболи (80 км от Неаполя) 29 марта 1682 года (Запись о рождении подробнее см. рис. 2 Приложения 7) в дворянской семье баронов Пьянкетелла, происходящей из г. Бриндизи. Был крещен почти сразу, как это и требовала традиция (Запись о крещении подробнее см. на рис. 3 Приложения 7). Отец Джан Филиппо был врачом, мать Антония Лонг занималась домашним хозяйством. Она умерла, когда мальчику было 5 лет. Маттео провёл детство и отрочество в здоровой и чистой среде. Едва Маттео достиг 15 лет, отец отправил его в Неаполь, где юноша должен был начать учёбу. Маттео хотел учиться на художника, но отец запретил, отправив его учиться на юриста (Ripa, 1832, t. I, 8).

Приехав в Неаполь и оказавшись один на один с большим городом, он, как писал сам Рипа, «забросил книги, связался с разнузданными сверстниками и окунулся во все пороки, свойственные молодым» (Ripa, 1832, t. I, 6). Вначале он вспоминал о советах, полученных перед отъездом, но очень скоро забыл о них в компании товарищей с сомнительной репутацией. Он сам пишет в своем дневнике: «Это была жизнь совсем не христианская, погружённая в пороки» (Ripa, 1832, t. I, 5–7). Его жизнь кардинально изменилась в 1700 году, когда он в возрасте 18 лет, случайно услышав молитву францисканского монаха около дворца Вичере, решил стать мирским

священником, записавшись в конгрегацию Девы Марии. «Вернулся к себе домой и с этого момента стал серьёзно думать о том, как мог бы наилучшим образом служить Господу. Во мне проснулось желание стать священником, но ещё что-то большее. Думал об этом и в течение последующих пяти лет, но не мог понять этого “большого”, что от меня ждал Господь» (Ripa, 1832, t. I, 13).

В мае 1701 года Рипа с согласия своего духовного наставника отца Антонио Торреса (Конгрегация белого духовенства Благочестивых тружеников) начал свой клерикальный путь. 28 мая 1705 года в г. Салерно он был рукоположен в священники с согласия Папы (ему ещё не было 24 лет) (Свидетельство о рукоположении см. рис. 4 Приложения 7). Падре Торрес не раз настойчиво приглашал Рипу вступить в его конгрегацию, но он не чувствовал к этому призвания (Ripa, 1832, t. I, 14).

Вернувшись в Неаполь после посвящения, Рипа отправился к Торресу, опасаясь, что тот опять пригласит Рипу к себе. Но, увидев Маттео, сразу сказал: «Благородный человек, готовься в Китай!» (Ripa, 1832, t. I, 21). Рипа был очень удивлен. Он даже не знал, где этот Китай находится! Торрес объяснил, что Китай – это великая страна на Дальнем Востоке и ей нужны миссионеры, что папа Климент IX поручил построить квартиры рядом с помещениями департамента Конгрегации Пропанды веры в Риме, чтобы селить там молодых священников, готовящихся для поездки в Китай. И в этот момент Маттео ясно понял, чего ему не хватало в его деятельности священника. Отец Торрес простился с ним его словами: «Господь хочет видеть тебя миссионером в Китае» (Ripa, 1832, t. I, 22). 26 ноября 1705 года Маттео Рипа уехал в Рим. Он ушёл без всяких средств, в одной рубашке, и пришёл в Рим как паломник, пешком, живя подаянием, вместе со своим близким другом доном Дженапо Амодей. Там он представился монс. Фабриони, секретарю департамента Propaganda Fide, чтобы получить жилье в колледже миссионеров. Рипа был душевно принят, но ему было сказано, что для того, чтобы поселиться в квартире при департаменте, нужно личное распоряжение Папы. Когда Рипа был приглашён нанести визит вежливости Папе, тот даже не обмолвился ни одним словом о возможности поселения в квартире для священников, назначенных для миссионерства в Китае. Оставалось только ждать.

«Остался в Риме один, углублённо изучал моральную теологию. По праздникам объяснял Катехизис женщинам в церкви Святого Петра. По специальному разрешению Папы проповедовал солдатам в церкви Еремитов. Хотел на приближающийся

пост 1707 года получить амвон в каком-нибудь близком к Риму местечке – только, чтобы не сидеть без дела» (Ripa, 1832, t. I, 22).

В июле 1707 г. Папа Климент XI решил назначить кардиналом Шарля Меллар де Турнона, направленного в Китай в 1702 году, в качестве апостольского легата при императорском дворе в Пекине. Папа хотел отправить ему кардинальскую берету через миссионеров, которые должны были потом гарантировать пасторское поведение согласно директивам Propaganda Fide. Была создана группа из шести миссионеров, в которую вошёл и Рипа, он был самым молодым из них – ему было всего 24 года.

2.2. На пути в Китай

60 13 октября миссионеры, отправленные Папой проповедовать христианскую религию в далёком Китае, покинули Рим. Однако спустя месяц руководитель их миссии отец Фунари был сражён ударом, и роль руководителя перешла к Рипе. Путешествие оказалось длинным и трудным. Прежде всего нужно было добраться до Лондона, откуда можно было бы доплыть до Дальнего Востока. Нельзя было ехать через Португалию, потому что оттуда в Китай имели право ездить только португальцы, а иностранцы – только с разрешения португальского короля. Вдобавок к этому легат де Турнон был арестован португальцами в Макао.

Путь группы был совсем непростым: к обычным трудностям длительного пути прибавлялись трудности, связанные с пребыванием на территории протестантских государств. Кроме этого, внутри группы были склоки. Из письменных воспоминаний в «Джорнале» видно, что Рипе были присущи большая твёрдость характера, воля к достижению поставленных целей. Но при этом он проявлял также совсем не христианские чувства, например, злопамятность, по отношению к тем, кто был враждебен, препятствовал, беспокоил. Даже многие годы не могли стереть у него из сознания эти чувства. Так, в октябре 1707 года на итальянском участке пути в Китай августинский монах Бонжур обвинил Рипу и его друга Дженао Амодену в гомосексуализме. Обвинение, позднее признанное клеветническим, поставило под угрозу всё путешествие Рипы. Намного позже, 15 декабря 1714 года Бонжур умер в Китае, в провинции Юньнань. С этой даты до 1743 года, когда Рипа начал приводить в поря-

док свои записи, прошло 29 лет. Можно было бы предположить, что время смягчило, стерло из воспоминаний чувство гнева – совершенно справедливое по отношению к клеветнику. Однако из текста «Джорнале» следует, что чувство ненависти к Бонжуру осталось таким же сильным, как и в 1707 году (Fatica, 1991, LVIII).

Тем не менее, группа достигла Лондона 7 января 1708 года. Её приютил посол Венеции, который помог получить на вымышленные имена паспорта и разрешения на путешествие на судах Ост-Индской Компании (В это время в Англии действовал официальный запрет на доступ представителей римской католической церкви на английские корабли). Однако миссионеры должны были ждать ещё несколько месяцев³⁶. Только 8 апреля 1708 года судно «Донегал» отправилось в путь. Через месяц показался африканский берег Гвинеи, 27 июля был пересечён экватор, 6 сентября был достигнут Мыса Доброй Надежды, и 19 сентября корабль вошёл в Индийский океан. На корабле вспыхнула цинга, но несмотря на это 3 февраля путешественники прибыли в Индию. 22 февраля уже на другом судне «Сан Лоренцо» пять миссионеров отплыли на Филиппины. На Филиппинах к делегации Рипы присоединился отец Педрини (Подробнее о путевых заметках М. Рипы на пути в Китай см. Приложение 1; маршрут путешествия М. Рипы см. рис. 5 Приложения 7).

В Манилу прибыли 19 июня. Здесь пришлось ждать пять месяцев: не было судов, отправляющихся в Китай³⁷. С помощью двух сочувствующих удалось оплатить фрахт маленького судна. Пять миссионеров отплыли 25 ноября 1709 года в Китай.

36 Дело в том, что в это же самое время пришло известие о том, что Джеймс Стюарт, брат королевы Анны, направляется из Франции в сторону Шотландии на 15 военных кораблях, чтобы вернуть трон. Королева приказала всем английским судам вернуться в порты и выступить против ее брата. Кроме этого, был приказ арестовывать всех католиков, как агентов врага. Поэтому Рипа со спутниками не могли сходить с корабля под страхом быть узнанными как католики [Ripa, 1844, p. 26–27]. Джеймс Фрэнсис Эдуард Стюарт (англ. James Francis Edward Stuart, 10 июня 1688, Лондон — 1 января 1766, Альбано, Италия) — он же Джеймс Старый Претендент (англ. James the Old Pretender), шевалье де Сен-Жорж (фр. Chevalier de St. George), – единственный сын Якова II и Марии Моденской, претендент на английский престол под именем Якова III (James III) и на шотландский под именем Якова VIII (James VIII). Он сам и его приверженцы считали его королём на протяжении без малого 65 лет — т. е. дольше, чем какой бы то ни было британский монарх царствовал реально (немного дольше, чем впоследствии, в 1837—1901 годах, правила королева Виктория).

37 По приказу короля Испании Филиппа V испанским кораблям было запрещено торговать с Китаем, так как право на это было только у португальцев.

Ночью 2 января 1710 года судно, которое доставило в Китай падре Рипа и других миссионеров бросило якорь у Макао (Prandi, 1844, 60). Рипа, наконец, выполнил поручение передать де Турнону каринальский головной убор.

По прибытии Рипа изначально был поставлен, видимо, сам того не подозревая, в очень тяжёлое положение. Он был послан с поручением к де Турнону, который, в свою очередь, тоже был в сложной ситуации, имевшей место при дворе, в которой участвовал сам император. Все исследователи-биографы Рипы, в том числе и Микеле Фатика, а также сам Рипа, сообщали о том, что прибывший миссионер оказался в сложной ситуации.

Через несколько дней после смерти де Турнона 8 июня 1710 пришёл приказ новым миссионерам отправиться в Кантон для изучения китайского языка. Было решено отправить ко двору трёх недавно прибывших миссионеров в качестве специалистов: Рипа был представлен художником, отец Бонжур – математиком, отец Педрини – музыкантом. Рипу попросили также отправить несколько картин, которые император должен был лично просмотреть.

62

24 июня 1710 года был издан императорский указ, в котором говорилось, что ко двору нужно прислать троих европейцев, смыслящих в рисовании и науке, а художника предварительно проверить: попросить его нарисовать 4 картины и прислать их ко двору для оценки (Fu, 1966, 116) (Подробнее см. рис. 6 Приложения 7).

Приехав в Гуанчжоу, Рипа выполнил несколько картин, которые были пересланы императору. Картины не убедили некоторых придворных, которые приказали написать портрет одного китайца с натуры, чтобы проверить способности художника. Испытание прошло успешно, и 5 ноября из Пекина пришёл приказ отправить миссионеров. Как писал потом сам Рипа, «я очень переживал по поводу моего мастерства, ибо не имел достаточной практики» (Fatica, 1991, 224).

Путешествие продолжалось около двух месяцев. Во время пути Рипа, как только представлялась такая возможность, проповедовал христианскую религию. Он «обратил в христианство двух китайцев и окрестил девочку, которой дал имя Мария» (Fatica, 1991, 237).

2.3 Этнографические сведения о Китае в «Джорнале»

На пути из Гуанчжоу в Пекин Рипа сделал множество записей этнографического характера, которые, на наш взгляд, будут интересны читателю. Особенностью нерелигиозных материалов является то, что Рипа для объяснения каких-либо непонятных явлений пользуется европейскими мерками и понятиями: «Как у нас в Европе», «Это в Европе больше, это – меньше, этого вообще нет и не бывает». Ярким примером этого является следующий отрывок.

«Китайские города в зависимости от их размера имеют три разных названия. Первая группа самые большие, их 158, называются “фу”. Вторая группа, средние города, их 247, называются “чжоу”. Третья группа, маленькие, их 1152, называются “сянь”. Таким образом, Кантон, по-китайски Гуан – фу, так как он из первой группы и называется фу» (Fatica, 1991, 237). «Мне часто задавали вопрос, каково население Гуанчжоу и Пекина. Я хотел бы, чтобы подсчёт сделал мой читатель сам. При этом я воспользуюсь случаем, который произошёл со мной в Лондоне в 1724 году после моего возвращения из Китая. Я был приглашён на обед в компанию англичан, которые интересовались подробностями моих длительных путешествий. У меня спросили: “Каково население Кантона и Пекина?” Я ответил: “Речь идет о миллионах, по крайней мере, так утверждают китайцы”. При этом на устах моих собеседников появились улыбки недоверия. Тогда я обратился к одному из присутствующих, который несколько раз был в Кантоне и спросил у него, поднимался ли он на главную башню города, откуда виден весь город. После того, как он сказал, да, один раз поднимался, я спросил, каким вам кажется Кантон по размеру. Он ответил, что Кантон больше Лондона минимум в два раза. Он также подтвердил, что населенность, видимо, такая как в Лондоне. Было также отмечено, что движение пешеходов по Кантону гораздо интенсивнее, чем в Лондоне. В Пекине всё ещё больше. Тогда я сделал вывод: “Всем известно, что в Лондоне 800 000 человек, значит в Кантоне минимум вдвое больше”. Я напомнил также, что в кантонских толпах нет ни одной женщины, а в Лондоне женщин на улице гораздо больше, чем мужчин. Поэтому цифру 1 600 000 можно без сомнения удвоить» (Fatica, 1991, 219).

В каждый пейзаж, описание особенностей местности Рипа сумел органически вписать то, как местное население приспосабливается к этой местности, пользуется этим особенностями для поддержания своей жизни.

«27 ноября 1710 года двое иезуитов сели в одну лодку, отец Фабри и я в другую, в третью – один господин Педрины (все три лодки были снаряжены вице-королём за его счёт). Около полудня наши лодки вошли в большой канал Гуанчжоу и взяли курс на Пекин. Эти три лодки на самом деле представляли собой маленькие домики. Все лодки, которые я видел в Китае, такие. В каждой такой лодке живет целая семья с одним или несколькими поросятами, курами, утками, гусями. Где больше, где меньше, в зависимости от размера лодки, некоторые из них достигают размеров галеры. Самые удобные из них накрыты досками, другие – тростником или листьями инжира. На самых маленьких лодках всё расположено так: на носу матросы, посредине хозяин с женой, на корме остальные члены семьи и домашние животные. Когда нужно везти пассажиров, их селят посредине лодки, хозяин дома переходит с женой на корму. На некоторых лодках имеются по несколько комнат в два ряда с коридором. Все они ухоженные и чистые. Таких лодок на реках и каналах Китая великое множество. На них живут, в основном, бедняки. Это очень выгодно: можно возить грузы и пассажиров, экономить на оплате жилья, ловить рыбу для пропитания и продажи. Таким образом, на воде проживает в среднем столько же людей, сколько и на суше. Существуют и другие лодки, которых тоже великое множество: специальный флот для перевозки по всей империи риса и другого продовольствия. Наконец мы благодаря Богу преодолели пороги и вышли на чистую воду и увидели рыбаков, которые использовали очень распространенный в Китае способ ловли, совсем не известный в Европе. У этих рыбаков имеются водоплавающие птицы, называемые лу-су. Они больше утки и с длинной как у гусей шеей. Рыбаки на лодках вывозят этих птиц на простор реки, отпускают их. Птицы плавают и смотрят в воду. Увидев рыбу, они хватают её длинным клювом. Но на горле птицы надето кольцо, поэтому птица может проглотить, то есть, съесть только мелкую рыбёшку. Большие же рыбы застревают. Рыбаки выдвигают с лодки длинный шест, и прекрасно обученные птицы забираются на этот шест, который рыбаки вытаскивают на лодку. Там у всех птиц вынимают из клюва рыбу. Чем больше таких птиц может приобрести рыбак, тем он богаче. Они ничего не стоят потом хозяину: кормятся они сами. Съедают мелкую

рыбёшку, а крупная – достаётся хозяину» (Fatica, 1991, 233).

Большой интерес представляют заметки Рипы об особенностях деятельности местных и государственных органов провинций Китая, успешно управлявших введенными им территориями.

«Путешествуя по рекам и каналам, я увидел, что империя строго следит за порядком. Через каждые пять миль встречаются большие лодки с вооруженными солдатами, чтобы обеспечивать безопасность от воров. 10 декабря. Около половины второго ночи наша лодка, наиболее нагруженная, отстала от других, и мы остались одни. Когда мы были напротив города Синсянь, к нам приблизилась лодка. Один из её пассажиров сказал нам, что они от губернатора и что должны перейти на нашу лодку, чтобы проверить соответствие груза документам. Хозяин нашей лодки запретил им приближаться, чувствуя, что это воры. Однако они продолжали приближаться, и с нашей лодки было сделано четыре выстрела из мушкетов в воздух. Воры сначала повернули в другую сторону, но потом попробовали вернуться ещё раз. Однако с нашей лодки началась частая стрельба из мушкетов, и воры оставили нас в покое» (Fatica, 1991, 229).

«В эти предновогодние дни на больших дорогах значительно увеличивается количество воров, что представляет собой большую опасность для путешественников. Причина этого – бедность. Люди стараются обзавестись новой одеждой, приобрести хорошие продукты и вино, чтобы организовать ужин для семьи и друзей. Не имея возможности достать всё это, люди выходят на «большую дорогу», то есть воровать, надеясь на безнаказанность. Однако власти всегда реагируют и как минимум удваивают количество вооруженных охранников. У воров при этом остаётся шанс отсрочить наказание – от ударов палками до смертной казни – все наказания могут быть применены только после окончания праздников и открытия судов» (Fatica, 1996, 18).

Рипа сообщает читателю об особенностях социальной, личной и общественной жизни, об особенностях семейной жизни, особом положении женщин. По мнению Рипы, причины того, что население Китая такое большое и постоянно увеличивается таковы:

1. Здесь очень просто женятся и могут иметь несколько жён. Главное, чтобы ты мог их содержать. То же самое касается и наложниц.

2. В империи на протяжении многих лет царит внутренний мир. Нет войн и с иностранными соседями.

3. Здесь давно не было эпидемий, таких как чума, например.

4. Плодовитость женщин. Бесплодие встречается очень редко.

«Однажды, ужиная с мажордомом вице-губернатора Кантона, я спросил, сколько у него детей. Он, не помня точного числа, стал вспоминать по именам, но сбился на восемнадцатом и позвал слугу, чтобы дать мне точное число своих детей. Это в богатых семьях, но бывает и по-другому» (Fatica, 1991, 221).

«18 числа шли мы по дороге и увидели на обочине свёрток, а в нём девочка, рожденная несколько дней назад. Приказал слугам, проверить, жива ли она, если да, принести воды, чтобы окрестить её. В этих местах трудно было найти чистую воду. Но бог пожелал, и мы встретили что-то вроде гостиницы, где и решили переночевать. Рядом был ручей. У меня была туника и святое масло. Я благословил источник, окрестил девочку, дав ей имя Мария. Эта была первая дочь, которую я подарил Христу. Оставив находившимся здесь христианам, несколько монет на прокорм девочке. Обещал ещё прислать из Пекина. Но это не понадобилось. Она всё же умерла и теперь находится с Богом в раю» (Fatica, 1991, 237).

Ещё один аспект данной проблемы: «Такие находки в Китае очень часто встречаются, практически ежедневно. Бедные матери, неспособные содержать потомство, подбрасывают своих новорожденных. Часто эти женщины находятся на положении рабынь. Очень часто они кормят молоком детей хозяина, а своего выбрасывают в реку. Монарх проявляет в этом отношении великодушие. Каждое утро вокруг стен городов ездят телеги и собирают подброшенных младенцев. Их свозят в специальные моленные дома. Здесь за ними ухаживают женщины, находящиеся на содержании казны. Но в связи с тем, что детей подбирают не сразу и они лежат чаще всего на холоде, не все из них выдерживают тряску в телеге. Кто выживает, не имеет достаточно молока, и их кормят рисовым отваром. В результате из ста найденных детей выживают не более десяти» (Fatica, 1991, 238).

Маттео Рипа так же акцентирует внимание на китайских традициях. Вот, что он пишет по поводу древнего обычая китайцев бинтовать женщинам ноги. «Мужская ревность легла в основу обычая бинтовать женские ступни, чтобы уменьшить их. Это очень усложняло ходьбу и вынуждало женщин сидеть дома. Я слышал от ки-

тайцев, что эту хитрость придумал один античный император. Он сказал, что чем меньше ступня девушки, тем она красивее. Таким образом, чтобы следовать моде и сделать свою дочь красавицей, матери с трёхмесячного возраста крепко бинтовали ей ступню, чтобы не дать возможности ей расти. В результате выросшая девочка с трудом ходила и при попытке ускорить шаг просто падала. Походка девушки очень напоминала утку. И это считалось положительным моментом: считалось, что таким образом тренируется талия и становится меньшей по объёму. Так же, как и у нас, жених и невеста не виделись перед свадьбой. Но если у нас жениху присылали портрет невесты, то в Китае ему присылали палочку, длина которой соответствовала размеру ступни невесты. Мне говорил один врач, до чего доходили мужские фантазии! Внебрачное сожителство с женщиной часто состояло в том, чтобы только видеть и прикасаться к ступням любовницы» (Fatica, 1996, 16–17).

Особое внимание обращает Рипа на описание кулинарных привычек и пристрастий, отношение китайцев к различным продуктам, блюдам и напиткам. У Рипы действует социальный подход: здесь и жидкий рисовый отвар на воде для подкидышей, у которых нет материнского молока, и специально приготовленные фазаны, и карпы, и ласточкины гнёзда, и сухожилия оленей для императора и мандаринов.

67

«На китайский новый год император, как и в другие годы, прислал во все дома, где живут иезуиты, из своих запасов большое количество оленей, зайцев, фазанов, рыбы и сухожилий оленей. Нам троим тоже досталась наша порция. Сухожилия оленей – очень важный продукт. Эти сухожилия берут у оленей, сушат и хранят в связках. Когда нужно приготовить, их вымачивают и варят. Это второе по значению блюдо в Китае. Первым являются ласточкины гнёзда, которые собирают на островах около Кантона. Эти гнёзда не такие, как у наших ласточек, – из грязи. Здесь гнёзда из какой-то белой массы, которая сама по себе не имеет никакого вкуса. Но эти гнёзда, приготовленные в кипятке с различными приправами, приобретают совершенно необычный вкус. Их подают на самых торжественных приёмах. На третьем месте здесь мясо особых собак, специально для этого откармливаемых» (Fatica, 1996, 13).

Описания напитков и продовольствия также имеют место в «Джорнале»: «Кроме большого количества фруктов, есть много хорошего винограда, который используется только для еды. Когда-то из него делали вино, но сейчас его делают из риса. Рис мелко дробят, замачивают в квадратных формах, потом прессуют и сушат. По-

лучаются крепкие и ровные кирпичики. В таком виде рисовая крошка хорошо сохраняется, её удобно транспортировать и продавать. Для приготовления вина эти рисовые кирпичики опять дробятся, складываются в сосуды и заливаются горячей водой. Эта масса бродит и получается такое хорошее вино, что у вас появляется полное ощущение, что вино виноградное. Цвет вина жёлтый разной насыщенности по желанию. Вино делается сладким и сухим. По желанию добавляются специальные травы, которые бродят вместе с рисом. Продаётся такое вино очень дёшево. Мы, живя однажды в Кантоне, в течение восьми дней пили это вино, даже не подозревая, что оно не из винограда» (Fatica, 1996, 8).

68

Путешествие из Гуанчжоу в Пекин продолжалось 2 месяца и 8 дней, и Рипа достиг китайской столицы 6 февраля 1711 года. Так начался длинный период службы Рипы при дворе императора Канси в качестве художника и гравёра по меди, но без постоянного места жительства. То он жил в резиденции французских иезуитов в Пекине, то в квартире дяди императора по матери в нескольких километрах от Пекина в Саду Вечной Весны, то в Чэндэ в Маньчжурии в летней резиденции императора и, наконец, в маленьком доме, который ему удалось купить в столице.

Значительная часть мемуаров посвящена описаниям особенностей климата, природы, пейзажа, местных особенностей. При этом он тонко отмечает характерные черты, отличающие разные провинции и климатические зоны. Этому способствовало и то, что Рипа плыл на лодке, ехал на носильщиках и лошадях, шёл пешком практически вертикально с юга на север. Рипа на себе ощутил, что такое быстрые и порожистые реки, узкие опасные горные тропы, северные ветры.

Уже в Пекине Рипа писал: «Зимой в Пекине дует сильный северный ветер, который приносит пронизывающий холод» (Fatica, 1996, 5). Рипа пишет о целой серии специальной зимней одежды: «Основа – стёганая ватой ткань с использованием шкур овец и других животных – лисы, соболя, тюленя» (Fatica, 1996, 5). «Но несмотря на наличие такой одежды, зимой многие дрожат от холода. Каждый знает, что Московия одно из самых холодных мест, известных нам. Несмотря на это посол царя Московии господин Смаилов (Измайлов), у которого я был переводчиком на переговорах с императором, испытывал неудобство от холода. Он и члены его свиты, кроме одежды, используемой в период холодов в Московии, должны были дополнительно утепляться с помощью местной тёплой одежды» (Fatica, 1996, 5).

«Чтобы согреться зимой, в Пекине используют печи, но не такие, как в Германии, Голландии и Англии, которые стоят в углу комнаты. В Китае печи находятся под полом в виде каналов, охватывающих всю площадь комнаты. Там же маленькая печка, в которой горит огонь. Дрова не используются: древесины здесь мало. Зато много битума и минерала, как тот, что используют англичане. Около Пекина его целые горы³⁸. Тепло входит в дом через отверстие в стене и по многочисленным каналам расходится по всей комнате. В случае с европейскими печками в основном нагревается голова, а ноги остаются в холоде. У китайцев же ноги в тепле, в нормальной температуре находится и все тело. Углем топить гораздо дешевле, тепло сохраняется намного дольше. Я видел, как люди из Московии, у которых, как и в Европе, печи находятся в углу комнаты, ползали по полу китайских домов, чтобы изучить систему отопления и применять у себя дома» (Fatica, 1996, 7).

Текст «Джорнале» даёт нам представление о самом авторе, его характере и поведении. Из мемуаров видно, что Рипа был очень резким и прямолинейным человеком. Вот тому подтверждение: «Нам предстояло обойти огромные валуны, лежащие в реке – 18 огромных камней, о которые ранее разбилось немало лодок. Для того, чтобы пройти это препятствие нужно было большое мастерство морякам, которые стали усиленно просить о помощи своих фальшивых богов. Они зажгли прутья, которые дымили, издавая резкий запах. Увидев это, я бросился к ним, схватил прутья и бросил их в воду, а на их место прикрепил распятие» (Fatica, 1991, 232). Здесь Рипа очень рисковал: ведь можно было и самому быть выброшенным в воду вслед за прутьями.

В данном разделе мы привели лишь часть материала, находящегося в первоисточнике, который был в нашем распоряжении. Оставшиеся записки Рипы в общем посвящены похожим темам. Можно было бы привести другие подробности, приведённые Рипой: факт о том, что Неаполь и Пекин находятся на одной и той же географической широте (около 41 градуса северной широты), но при этом климатические условия совершенно различные (Fatica, 1996, 4). В «Джорнале» Рипы мы находим множество других интересных описаний китайского быта: особенности отношений внутри семьи – безусловное почитание старших (Fatica, 1996, 14–15); подробности падения Рипы с лошади и описание методов лечения (Ripa, 1832, t. II, 34).

2.4 На службе при дворе императора Канси

Группа Рипы достигла Пекина 5 февраля 1711 года. Миссионеры были приняты с почестями и накормлены блюдами императорской кухни.

Важным является описание Рипой его первой встречи с императором. Это был первый контакт, которого Рипа ожидал и к которому готовился много лет. Здесь самые острые и глубокие чувства и ощущения. «6 февраля 1711года мы успешно прибыли в Пекин, куда уже ранее приехал также Канси. Мы приехали к нему на службу, все пятеро были сразу сопровождаемы во дворец, где уже было некоторое количество европейцев. Они находились в отдаленных помещениях, и не было позволено их видеть. Нам пришлось ждать довольно долго в присутствии мандаринов Ян Син-тяня и Интяня (один из принцев). Именно они были ответственными за европейцев, руководили всеми европейскими специалистами и их работой. Когда мы пришли, прибыл также главный евнух, один из тех, кто находится непосредственно при персоне императора. Он нас усадил на подушки, по татарской традиции, скрестив ногу, не так, как это делали мы и китайцы, которые пользуются стульями. Когда мы сели, мандарины и евнухи остались стоять, и нам принесли два глубоких золотых подноса, полные – один мясом, другой – рыбой, а также запечёнными овощами, зеленью и другими вещами. Нам сообщили, что всё это послал Ваньсуй (что означает “десять тысяч лет жизни”, титул его Императорского величества) и что это была еда из его собственной столовой. При этом нам было приказано стать на колени (обязательно в тех случаях, когда император что-то дарит). Приказано было также поднять вверх эти подносы в знак уважения и наклонить голову. Потом нам разрешили сесть. Была пятница и наш святой закон запрещал нам есть мясо. Мы ели всё остальное. У всех пятерых здесь же спросили, приехали ли мы служить императору до самой смерти. Все ответили, что это было нашим желанием. Сразу после обеда мы были представлены Его величеству, который находился в одной из комнат жилой части дворца. Он сидел по-татарски на возвышении высотой три ладони, шириной восемь ладоней и которое было в длину от стены до стены комнаты. Перед императором стоял столик высотой около полторы ладони, на котором были книги и всё необходимое для

письма. По обе стороны от императора стояли четыре иезуита: отцы Суареш, Стамм, Перенин, Джарту. Все почти навтыяжку: ноги вместе, руки вытянуты вдоль тела. В Китае это знак скромности и уважения.

Как только мы попали в поле зрения императора (нас уже научили церемониалу), вместе с присутствующими мандаринами мы быстро прошли вперёд. Потом остановились на мгновение – ноги вместе, руки вдоль туловища. По сигналу руки церемониймейстера стали на колени. В этом положении оставались несколько мгновений. Затем по новому сигналу руки стали медленно наклоняться и, опираясь на руки, коснулись лбом пола, пытаясь приподнять талию. Потом ещё два раза проделали такие поклоны. После этого снова по сигналу встали на ноги, опять проделали три поклона, встали и опять то же самое. Всего девять раз. Всё это называется “дали”, то есть большая или торжественная церемония. Всё это приходилось повторять только в день рождения императора, в первый день Нового года и в нескольких других редких случаях. Во время остальных встреч с императором достаточно было один раз стать на колени.

После всех церемоний император спросил, кто из пятерых лучше всех успел изучить китайский язык. Из доклада сопровождающего, вице-короля и мандаринов, которые провели экзамен, было сказано, что это я. Тогда император спросил у каждого, откуда он и как его имя. Спросил также, привезли ли мы какие-нибудь новые книги по математике. Спросил у отца Фабри, виделся ли он и говорил ли с Папой перед отъездом. Получив положительный ответ, его величество спросил: “А остальные двое – то есть Педрини и я – когда виделись и говорили с Папой, были ли мы им направлены?”. Мы ответили, что да. Ранее императору кто-то доложил, что мы не направлены Папой. Далее император приказал господину Педрини пропеть сольфеджио. Затем задал несколько вопросов по математике господину Фабри и присутствующим иезуитам, меня спросил о рисовании. В случае, когда трудно было ответить из-за плохого знания языка, помогали иезуиты, приехавшие ранее. Император захотел, чтобы на другие вопросы отвечал я. Он проявил ко мне доброту, старался говорить медленно, повторяя несколько раз одни и те же слова, использовал синонимы тех слов, которые я не понимал. Те фразы, которые я плохо произносил, просил повторить и терпеливо ждал, когда я произнесу правильно» (Fatica, 1996, 3). Особенно хотел знать император и как можно подробнее о деталях смерти кардина-

ла де Турнона в Макао: «Этот особый интерес был вызван подозрением императора, что причиной смерти был яд, подсыпанный ему иезуитами. Я же сказал, что смерть была естественной, скрыв перенесённые де Турноном муки, о которых знали, и что они могли быть вызваны сильнейшим ядом. На этом аудиенция закончилась. Император нас отпустил, и мы поспешили удалиться как можно быстрее. Это тоже был знак уважения к нему» (Fatica, 1996, 3).

На следующий день после императорской аудиенции Рипа был препровожден в мастерскую живописи маслом, в которой уже работал со своими учениками профессиональный итальянский художник и декоратор Джованни Джерардини из Пьемонта – первый, кто в Китае начал использовать эту технику живописи.

Напомним, что в Италии Рипа несколько раз брался рисовать, но естественно, не был настоящим художником, никогда не пробовал развивать свои природные задатки специальной и серьёзной учёбой. Во время пребывания в Риме он тоже пытался несколько раз рисовать. Это было замечено. И когда должен был отбыть в Китай, это дало возможность представить его как художника (Просто миссионера китайский император не принял бы). Он с беспокойством и неуверенностью начал свою работу, но быстро воодушевился, так как император остался доволен его творчеством.

Деятельность в качестве художника, однако, длилась всего два месяца. Император давно хотел найти кого-нибудь, кто бы смог выгравировать на меди географическую карту, которую чертили иезуиты и части которой уже были готовы. Тогда он обратился к Рипе, который сказал, что знаком с техникой гравирования, но не имел нужной практики. После первых неудачных попыток Рипа стал получать результаты, которые удовлетворили императора. Он утвердил миссионера в его новой должности. Прежде всего речь шла о том, что выгравировать виды великолепной летней резиденции в Жэхэ³⁹. «Так как императору очень понравилась подборка из 36 видов виллы, он приказал сделать то же самое с фрагментами, географической карты, которые я выгравировал на 44 медных пластинках» (см. рис. 7–19 Приложения 7) (Pastore, 2010). Рипа был при дворе не только художником и гравёром, но и механиком. Он смог починить большое количество часов в императорском дворце.

39 Императорская летняя резиденция Бишу шаньчжуан (Горное убежище от летнего зноя) в Жэхэ (совр. Чэндэ, пров. Хэбэй).

Рипа также предпринял попытку переложения маньчжурской письменности на латиницу.

Жизнь миссионеров при дворе была трудной и утомительной: они должны были делать несвойственную им работу и участвовать в придворной жизни. Осуществлять непосредственную апостольскую миссию среди населения не было никакой возможности.

Неся службу при дворе, Рипа был свидетелем многих интересных нам исторических событий. Особое место здесь занимает целая глава, в которой Рипа описывает детали и подробности пребывания и переговоров китайского императора с послом, как пишет Рипа, Московии Измайлова. Стоит отметить, что описание Рипой всех подробностей аудиенции Измайлова практически совпадет с российскими документами, так же как и другие факты, например, обеды с португальскими иезуитами, посещение фермы с дрессированными слонами, а также обед у французских иезуитов были описаны Рипой (Русско-китайские отношения в XVIII веке..., 1978, 206–230). С другой стороны, мы не находим в российских документах некоторые имеющийся у Рипы сюжеты, например описания состязания в беге, прыжках и борьбе. Есть отрывок, который по стилю и характеру отличается у Рипы. Он улучшил текст-высказывание императора в свою пользу. Имеется в виду оценка императором роли европейцев при его дворе: «Притом хан оговаривался, что не противно ль ему, посланнику, что езуиты имеют место ближе к нему, нежели он, посланник. И объявлял, что он их содержит нечиновными людьми, и уже оные в государстве его обретаются более двухсот лет, которые никакого дела не имеют у него, кроме законного и, в чем и он им не возбраняет, к тому ж люди ученые и много в его государстве научили разным наукам, от которых и сам он, богдыхан, математику и астрономию довольно знает. Також спрашивал, не противно ль посланнику, что он чрез езуитов с ним, посланником, говорит, и они слова ево переводят. И спрашивал, что ево ханские слова они, езуиты, ему объявили ль, что он показывает к императорскому величеству любовь. И посланник отвечивал, что от его богдыханова величества является ко всем высокая милость, а особливо к ученым людям, о чем и в Европе известно. И притом объявлял, что о дружбе его к императорскому величеству от них, езуитов, довольно слышал и будет о всем доносить его величеству» (Русско-китайские отношения в XVIII веке..., 1978, 226).

Рипа продолжает: «Когда все уселись, его величество начал говорить и, обращаясь к послу, сказал, что тот не должен удивляться, видя здесь европейские религиозные лица, одетые как главные мандарины. Они не мандарины, сказал его величество, но одеты так по его приказу, чтобы иметь возможность присутствовать на приёме. В других одеждах это нельзя было сделать. Даже если мы не мандарины, мы заслужили эту честь. Более того, его величество сообщил послу, что мы не находимся в Пекине против своей воли, а по своему свободному выбору, чтобы служить Императору. Император нас любит и знает, что мы любим его. Эти добрые слова в адрес всех европейцев Император сказал публично в тронном зале не столько для информирования посла, сколько для того, чтобы объяснить свою позицию воли присутствующим здесь “великим”, которые были очень удивлены оказанной нам честью» (Ripa, 1832, t. II., 69).

74 Эта глава III из тома II (*Storia della Fondazione...*) имеет для нас важнейшее по нескольким причинам. Здесь, как нигде в «Джорнале», мы познаём внутренний мир и характер Рипы, особенности его мышления. Кроме этого, глава может быть интересна тем, кто занимается исследованием российской истории и дипломатии, вообще, и российско-китайскими отношениями, в частности.

В связи с этим первая половина главы III приведена в Приложении 2. к настоящей работе. Здесь же мы приведём два отрывка.

«После прочтения императорского декрета главный евнух спросил, понимает ли Измайлов или кто-нибудь из его окружения латинский язык. Мы ответили, что понимаем мало. Тогда евнух приказал мне перевести на итальянский. Я подумал, что Измайлов вполне может подумать, что нападки и оскорбления в тексте императорского декрета были сформулированы при моём участии, о чём он по приезде в Московию может сообщить своему царю. Чтобы исключить гнев не столько против меня лично, сколько против всего итальянского народа, против Священной Конгрегации, чьим миссионером я был, я ответил, что посол намного лучше знает французский язык. Евнух тут же приказал, чтобы было написано по-французски. Это должен был сделать Перенин, который лучше Мальи знал язык татарский. Это было хорошим оправданием моего отказа переводить на итальянский. Измайлов на самом деле подозревал переводчиков в неприязни к нему, исключая меня. Мне бы эти подозрения были бы очень неприятны. Кроме этого, в письме от 18 декабря

1720 года моя Священная Конгрегация просила меня не конфликтовать с послом Московии» (Ripa, 1832, т. II, 63).

«На следующий день опять были во дворце по приказу Его Величества – посол, его секретарь Ланг. Опять обсуждались различные вопросы. В конце его величество подарил двум москвитам соболиные короткие шубки, вазы из тонкого металла и два бокала вина. По приказу его величества москвиты были также на обеде у отцов французских иезуитов, которые принимали намного лучше, чем иезуиты португальские. Во время обеда была музыка. Потом были соревнования по прыжкам, бегу, силовым упражнениям. Москвиты были сильнее европейцев» (Ripa, 1832, т. II, 74–75) Эти отрывки приведены, чтобы подчеркнуть уважительное отношение Рипы к русским людям, его стремление к установлению дружественных отношений между Италией и Россией.

Однако здесь хотелось бы сказать о том, что Рипа не мог написать и не написал по разным причинам. Находясь в положении «почётного» раба, он многого не мог знать и не знал. Это было следствием целенаправленной и осознанной политики императора и его чиновников. Один, но яркий пример. Из мемуаров Рипы мы узнали, что он большую часть времени, духовных и физических сил потратил на разработку и совершенствование технологии гравировки по меди. Вершиной этого творчества был художественный альбом с 36 видами виллы императора. Рипа мог и не знать, что это была лишь малая часть того, что создавал император.

Канси организовал подготовку многотомных энциклопедий, антологий, словарей и других изданий, выделяя на эти цели большие средства из казны. По его указанию переиздавались произведения древней и средневековой китайской литературы. Во всём этом было занято множество учёных – историков, литературоведов, филологов, писателей, каллиграфов, а также художников и гравёров. И Рипа был только одним из них, даже не подозревая об этом. Он писал, что часто видел много европейцев в разных помещениях дворца, но не знал, что именно они делают. Сотни учёных были заняты составлением «Полного собрания книг старых и новых времён», «Собрания сочинений дотанской исторической литературы», рифмического словаря и других изданий.

Находясь одновременно среди маньчжуров и китайцев, он не писал, видимо, и не знал этого, какая пропасть пролежала между ними. Китайцев не было в Госу-

дарственным совете. Для сохранения господства маньчжуров и ограничения роли китайцев была введена система четырёх видов вакансий. Маньчжурам были обеспечены наиболее важные посты и даже разрешено занимать «китайские вакансии», которых и так было очень мало. Наиболее явное господство маньчжуров над китайцами было установлено в сфере военных должностей. Однако, здесь нужно отдать должное интуиции Рипы, который особо подчеркнул: «15 ноября (1711). Несколько дней тому назад по причине преклонного возраста отказался от должности один из глав отдела математики. Его величество приказал иезуитам предложить другую кандидатуру. Они предложили отца Кильяно Стампфа (Килиан Штумпф) немецкой национальности, который был вскоре избран и назначен. При китайском правлении только один мандарин мог занимать эту должность. Но после того, как татары правящей династии Цин овладели Китаем, глав двое: один татарин, который занимает руководящее положение, и один европеец, вместо китайца, и занимает второе-степенное положение» (Fatica, 1996, 53).

76 Не мог знать Рипа и о событиях, происходивших за пределами дворца. Он не пишет ни о военном походе в Тибет (1720), ни о войне с Джунгарским ханством, ни о восстании в Хунани, которое подняла секта «Байлянь цзяо» (1718), ни о восстании на Тайване (1721), о многих и многих других событиях. Такие многогранные качества самого Рипы и его «Джорнале» позволяют сказать, сам автор и его труд – заметное явление, хотя и небольшое, но очень важное для изучения истории, самых разных её аспектов.

Перевод и изучение мемуаров Рипы дают большой исторический и этнографический материал, широкую картину различных сторон жизни Китая в определённый исторический период, дают возможность вникнуть в самые тонкие детали и подробности, многие из которых исследователь и читатель видит впервые.

Все эти аспекты мемуаров делают их оригинальным и полезным историческим источником, где Рипа, однако, уделяет большее внимание точности и достоверности, а не литературно-художественным достоинствам.

2.5 Картографическая деятельность Маттео Рипы

На самом деле удивительно, что в своих очень подробных мемуарах Маттео Рипа только мельком упоминает о гравировке географической карты Китайской империи, которую император заказал ему в первые дни пребывания в Китае и которые мастер завершил между 1717–1718 гг.

Намеренное замалчивание своего таланта художника маслом и умения гравировки по меди, – качества, за которые он и был приглашён ко двору, – объясняется наличием другой, главной, конечной цели – написанием мемуаров. Когда 26 мая 1743 года, менее, чем за три года до смерти Рипа начал писать материалы и заметки, из которых выйдет 5 томов, он рассматривал мирскую славу как мимолётное явление и не достойную сожаления самовлюбленность. Для него было важно под тяжестью ранних старческих недугов писать «только то, что может быть образовательным и воспитательным для наших братьев». Поэтому и получилось произведение поучительное и воспитательное для тех «кто вместе с нашими поедут миссионерами в Китай» (Fatica, 1991, 1).

77

Карты, которые западные миссионеры времён Рипы составляли в Китае, не были, конечно, первыми, но, несомненно, по многим аспектам они очень отличались от ранее составленных. С давних пор миссионеры-синологи воспроизводили китайскую территорию (Szczesniak, 1956, 133–136). 201 Иезуиты Риччи, Руджери, Алени, Самеди, Мартини, Бойм – это лишь некоторые, которые вместе с священнослужителями других орденов и ранее составляли многочисленные географические карты, следуя глубоким традициям этой страны, начиная с III века христианской эры. Карта, сделанная Чжу Сыбэнем, – самым значительным китайским картографом всех времён –, относящаяся к первым десятилетиям XIV века. Она была расширена и уточнена Ло Хунсянем и напечатана в 1555 году в атласе *Guangn tu* (генеральная карта мира) (Foss, 1979, 176) – и переиздавалась с дополнениями до первых лет XIX в. На вариантах *Guangn tu* основывались карты, которые миссионеры начали отправлять в Европу, часто корректируемые новыми данными и прямыми наблюдениями, с использованием астролябии и различных китайских данных. Метод

ды миссионеров отличались от китайских двумя аспектами: данные миссионеров постоянно улучшались новыми данными и проверками, прежде всего, астрономического характера. Их карты не следовали китайским схемам прямоугольной сетки, не связанной с небесными координатами и не учитывающими выпуклость Земли.

Европейские миссионеры заимствовали из китайских карт условные знаки, которые использовались для указания некоторых специфических элементов – городов различного значения, укрепленных пунктов и т. д. Западные мастера очень аккуратно приносили получаемые вновь данные, которые порой оказывались неточными. Они активно продолжали осуществлять астрономические наблюдения и в начале XVIII века уже было зафиксировано положение основных китайских городов. Нельзя недооценивать тот факт, что, когда Рипа прибыл в Китай, действовавшие при дворе миссионеры в большинстве своём были французами. И это не случайно. Во Франции в последние десятилетия XVII века при Людовике XIV и Ж.-Б. Колбере велись самые передовые научные исследования и имелись самые последние научные достижения. Колледжи, в которых преподавались математика, геометрия, астрономия и картография были полностью вверены иезуитам. Французские священнослужители, которые были направлены в Китай, привезли не только последние научные достижения, но и были обучены использовать новые методы для составления карт, благодаря которым был создан большой атлас 1721 года. Из дошедших до нас свидетельств относительно используемых в исследованиях систем – территориальных и астрономических (системы, которые были классифицированы в 1946 году иезуитом Анри Бернардом) (Bernnard, 1946, 191–200) выясняется, что фундаментальный метод для получения широты и долготы основывался на разделении территорий на треугольники, он дополнялся для широты наблюдениями за солнечным меридианом и полярными звёздами, для долготы наблюдениями за солнечными затмениями. Часто выходило, что используемые документы не соответствовали местным условиям. Естественно, что чем дальше от Пекина, используемого как меридиан 0, находились пункты, тем больше было ошибок⁴⁰. Многочисленные данные были со-

40 В письме Гобилиа от 1728 года описаны некоторые системы, используемые отцами: Рене Симон (ред.), Antoine Gaubil, Corrispondance de Pékin 1722–1759, Genève, 1970. Р. 214. Триангуляция была методом, наиболее часто используемым для измерения расстояний и направлений: это была система, разработанная во Франции в конце XVII столетия, который состояла из расчета расстояний в данном регионе путем разделения его на сеть треугольников. Определяемая канатами одна сторона треугольни-

браны лично самими миссионерами или через посредников, когда встречались различные препятствия, не позволявшие прямое приобретение данных.

В 1718 году в июне рукописным способом было изготовлено в Пекине под руководством Жарту 32 карты⁴¹. А 1 апреля 1719 года император признал важность проделанной иезуитами работы. 17 декабря 1720 года был издан указ с целью уточнения топонимики Тибета. И, наконец, в 1721 году был изготовлен второй тираж на деревянных матрицах 32 карт, которые составили полный детальный географический атлас империи, в котором отдельные карты имели масштаб 1:2 000 000 (Herrmann, 1922, 288–290). Всего между 1717 и 1726 годами было сделано 4 издания по различным проектам (два из которых были сделаны Рипой, из которых только один был доведён до конца). Но как соотносилась деятельность Рипы с работой иезуитов? В соответствии с тем, что утверждал Рипа в немногих строках своего дневника, написанного в Китае, и потом в «Джорнале», всё зависело от пожеланий Канси, высказанных ещё в 1714 году: увидеть, наконец, напечатанную карту всей территории Империи. Он не довольствовался географическими картами, изготовленными вручную. Он хотел, чтобы карты были выгравированы на меди, что позволяло печатать много экземпляров. По свидетельству Рипы, император хотел видеть большое количество напечатанных карт без того, чтобы постоянно переделывать деревянные матрицы. Это было подтверждено словами императора Цянлуна, внука Канси, любителя поэзии, который сам был поэтом, и который в предисловии к атласу 1761 года в лирических выражениях напоминал о картах Рипы, намекая между строк о желании деда иметь что-то долговременное и более эффективное, чем деревянные матрицы: «Печать была выгравирована на меди и потому стало вечностью» (Fuchs, 1935, 386–427).

ка, относящаяся к выдающимся позициям (горные вершины, флаг, здание или возвышение на равнине), две другие были рассчитаны с использованием тригонометрических расчетов. Расширяя этот метод, посредством вычисления других треугольников, площадь была увеличена и затем полностью покрывала измеряемую местность. Однако религиозные деятели хорошо знали, что астрономические наблюдения (которые служили контролем), проводимые ими с помощью телескопа и без него, не всегда были точными.

41 Вероятно, это были карты, упомянутые Кордые, который помнит, что они установлены на опоре, окруженной голубым шелком и с добавлением красных рукописных надписей (хранящихся в Архиве иностранных дел в Париже), чьи матрицы были сделаны из нефрита, меди и дерева (Cordier H. *Bibliotheca Sinica*, 5 voll., P. 1904–24, no. 184).

Таким образом важнейшей особенностью географических карт была техника изготовления с применением гравировки по меди. Эта техника была известна в Китае ещё со времён Маттео Риччи, который первым использовал её для воспроизводства святых изображений (Pimpaneau, 1989, 161–162). Она получила распространение в XV–XVII веках.

Гравировка по меди давала более чёткие оттиски и позволяла сделать очень много таких оттисков без необходимости изготовления новых матриц, как это происходило с предыдущими деревянными матрицами, как об этом писал Рипа.

Миссионер из Эболи сообщал, что он освоил технику резьбы по меди в Риме, где проживал с 30 ноября 1705 г. по 13 октября 1707 г. Но только после Рипа не был картографом и о работе над атласом знал очень мало по прибытии в Китай. И как он писал во втором томе «Джорнале», не знал, когда эти работы начались и сколько времени продолжались. Когда потом он был вынужден по приглашению императора заниматься атласом, он должен был основываться на не известном ему материале, который он не был в состоянии проверить научно. Это не было бы большой проблемой, если бы речь шла о техническом переносе на медь данных с материалов, сделанных вручную на бумаге, и механическом переносе с матрицы на оттиски. На самом же деле речь шла о более комплексной и сложной работе. Для этого Рипе была нужна целая бригада сотрудников для приготовления части матриц с китайским переводом и части с маньчжурскими буквами. После января 1717 они начали составлять карты, так сказать, по объектам (15 отдельных провинций, разделённых при Мин, и обширные «татарские» зоны, определённые при Цин). Очевидно, что этот тип картографии ценен при чтении и изучении каждой провинции отдельно, но был бесполезен при необходимости увидеть всю империю в целом, невозможно было обозреть все особенности всей страны в целом.

Карта Рипы (См. рис. 30–31 Приложения 7), в противоположность иезуитам, давала возможность видеть всю империю целиком. Иезуиты использовали масштаб 1:1 000 000 и 1:2 000 000. У Рипы масштаб был 1:4 000 000. Его работа была гораздо сложнее, чем механический перенос изображения на медь. Таким образом, Рипа должен был создать своего рода «пазл», соединить вместе данные из многочисленных карт иезуитов. Работа относительно не сложная для самой территории Китая, но очень сложная для не китайских территорий. Данные об этих территориях часто

не стыковались или противоречили друг другу, порождали неуверенность и сомнения. Сделать всё это Рипе в одиночку было невозможно, и приходилось обращаться за советами и помощью к другим: мандаринам или иезуитам, особенно когда речь шла о «татарских» территориях и маньчжурском языке. Иконописные элементы, отличающие картографию Рипы, представляют также специфику его карт. Они использовались, чтобы подчеркнуть топографические особенности различного вида (маленькие квадратики разных размеров, чтобы подчеркнуть три разные ступени важности и размеров городов, изображение маленьких храмов, чтобы указать местоположение мест культа, силуэты деревьев, чтобы указать на места со значительной растительностью).

Экземпляры генеральной карты китайской империи Рипы хранятся в европейских библиотеках. До недавнего времени считалось, что их 2: одна в Неаполе, незаконченная, с пометками вручную, размером 317 на 295 см (Petech, 1954, 185), еще одна в Map Room, подаренная королю Георгу I в сентябре 1724 года во время пребывания Рипы в Лондоне на его обратном пути из Китая в Европу. Однако совсем недавно были найдены еще экземпляры: один – в Болонье, второй – в хранилище, которое раньше называлось Императорская библиотека в Вене, и третий – в Институте восточных рукописей в Санкт-Петербурге (Stary, 2001, 123–126). В «Джорнале» об этом нет упоминания, так как Рипа не считал это важным и необходимым в просветительном и воспитательном контексте «Джорнале».

81

2.6 Попытки миссионерской деятельности

Миссионерская деятельность Рипы проходила практически в стенах императорского дворца. Апостольское рвение, постоянно заглушаемое работой при дворе, вырывалось наружу при малейшей возможности. Он использовал каждую свободную минуту и каждую возможность, чтобы сажать семена Слова Божьего.

Во время путешествия в Жэхэ в 1714 году Рипа посетил деревню, где располагалась маленькая христианская община. Там он крестил мальчика из христианской семьи, которому дал имя Джанбатиста. Миссионер заметил, что этот мальчик обладал большими задатками, чтобы стать священником. Он взял его с собой для обучения. В Жэхэ обратил двух китайцев: носильщика и конюха. После соответствующей под-

готовки они получили крещение. В том же 1714 году, возвращаясь из Жэхэ, Рипа посетил еще одну небольшую деревенскую христианскую общину. Здесь он построил маленькую часовню, где миссионеры, едущие с императором, могли бы помолиться.

В Пекине в 1719 году миссионер познакомился с юношей, в крещении Джузеппе. Его он тоже взял в ученики. Потом он нашёл ещё двоих. Чтобы они не забывали родной язык, пригласил для работы учителя. Вначале Маттео хотел «создать простую школу, чтобы завершить мою жизнь в Китае. Знал, что эта обширная нива нуждалась в большом количестве работников» (Ripa, 1832, t. II, 496). Деятельность Рипы быстро вызвала вражду: сановники с подозрением смотрели на школу (по приказу императора она была перенесена в императорский дворец) и не переносили того, что император благосклонно относился к итальянскому миссионеру. Они использовали все средства – от обмана до клеветы – чтобы разрушить маленькую семинарию. В своих воспоминаниях Рипа пишет: «Я отдавал себе отчёт в том, что не нужно было слишком раздражать сановников. Я решил не принимать новых учеников в ожидании лучших времён. Не было никого, кто бы помогал заниматься с учениками, да и денег на это не хватало» (Ripa, 1832, t. II, 497).

82

В 1716 году было опубликовано апостольское послание (булла) *Ex illa die*, в котором возобновилось осуждение ритуалов. Это послание Климента XI ещё раз торжественно и чётко подтвердило все предыдущие акты, осуждающие ритуалы. Кроме этого, предусматривались жёсткие санкции к тем, кто не будет этому подчиняться. Иезуиты решили прекратить всю апостольскую деятельность. Рипа попытался их отговорить от этого, но потом предложил заменить их в предместьях Пекина. В новой ситуации Рипа активизировал работу с женщинами-христианками. Он подготовил для них три центра содействия, где каждый месяц проходили мессы, и велось религиозное обучение. При этом женщинам было запрещено участвовать в церемониях вместе с мужчинами. Иезуиты собирали их вместе только два раза в год. Таким образом, как только позволяли обстоятельства, падре Рипа осуществлял свою апостольскую деятельность непосредственно среди населения.

При дворе Рипа подвергался тяжёлым испытаниям. Его самым большим желанием было покинуть двор и исходить вдоль и поперёк огромную империю, чтобы донести повсюду Слово Божье. В письме от 23 октября 1719 года он писал: «Я всегда умолял и просил разрешить мне покинуть эти палаты, чтобы уйти в провинцию,

заниматься той миссией, для которой я сюда приехал. Я хотел свободы, как птица, которая летает без препятствий, чтобы повсюду объявлять о приходе Царствия небесного» (Ripa, 1832, t. II, 121). Маттео Рипа был счастлив, что создал эту маленькую школу: «Я её называл просто школой, а не колледжем. У меня не было другой цели, кроме основания простой школы» (Ripa, 1832, t. I, 496).

Следующий отрывок как нельзя ярко характеризует положение Рипы и его трудности: «Я должен был быть весь день во дворце, в узком пространстве, постоянно на виду у мандаринов, других европейских художников и писателей. Не было никакой возможности заниматься моим главным делом – миссионерством. И всё же я нашёл возможность отлучаться. Я должен был варить льняное масло для красок, но я не мог это делать во дворце, так как процесс производил сильную вонь. Мне нашли рабочее пространство в другом месте, поблизости от дворца, в помещении, где работали другие творческие люди императора. Но и оттуда ветер приносил вонь во дворец. Кроме этого, мандарины боялись пожара. А краска была нужна императору, и меня, наконец, отпустили из дворца домой, где я мог быть немного свободнее» (Fatica, 1996, 39).

По религиозной теме присутствует мнение и противоположной стороны, особенно когда это касается высказываний императора: «До прихода Маттео Риччи в Китае не было никаких серьёзных иностранцев. В Китае было всё хорошо, спокойно и всем всего хватало. И Риччи не создавал нам проблем и сотрудничал с нами. Потом приехал Толо (Кардинал де Турнон. – М.К.), который ничего не понимал в обычаях, доктринах, привычках, других вещах, свойственных Китаю, и стал пытаться запретить нам почитать предков. Я должен был с ним согласиться?! Если я пошлю моего человека к Папе, и он скажет Понтифику: откажитесь от Тяньчжу (Иисус Христос), Папа согласится?» (Fatica, 1996, 71).

Стоит отметить и такое высказывание императора Канси: «Если Папа запрещает вам продолжать распространять вашу религию, оставайтесь в Китае, поскольку вы уже отреклись от мира. Я предлагаю вам остаться, даже если папа против того, чтобы вы продолжали идти по пути Риччи. Если по докладам де Турнона папа говорит, что своим послушанием вы оскорбляете Тяньчжу (Иисус Христос), я защищу вас. Вы в Китае давно и привыкли к его атмосфере...те из вас, кто получил вид на жительство, будут рассматриваться как китайцы. Успокойтесь и не бойтесь» (Young,

1994, 94). Император Канси мог бы продемонстрировать свою абсолютную власть, проигнорировав папскую буллу *Ex illa die* или изгнав из страны миссионеров. Однако он, обращаясь к миссионерам, пошел по пути разъяснений и увещаний. Весьма примечательно, что китайский император не только высказал сожаление по поводу разрушительных последствий поведения де Турнона и Мегро, но даже оценил ситуацию с позиции христианской доктрины: «Это определенно не является волей вашего Бога, который ведет людей к добрым делам. Я часто слышал от людей с Запада, что дьявол может сбить людей с пути – может быть, именно это и произошло...» (Ломанов, 2002, 202). Однако на представленном ему переводе *Ex illa die* Канси написал, что после прочтения сего документа задался вопросом о том, каким образом невежественные миссионеры могут что-то проповедовать: «Никто из них не умеет читать китайские книги, но они проповедуют многие доктрины. Это действительно смешно» (Gernet, 1985, 186).

84

Наибольшее место в мемуарах Рипы занимают рассуждения о католической религии, вере, её значении, о необходимости защищать её чистоту, продвигать и пропагандировать её во всех странах. Здесь и собственные мысли Рипы, и цитирование различных документов, исходивших от Святого Престола и китайской стороны (Подробнее см Приложение 3,4). Особое внимание уделяет Рипа вопросам «китайских» и «индийских» ритуалов. Здесь он настойчиво и неустанно продвигает мысль о том, что нужно скрупулёзно следовать указаниям римской католической церкви (нужно помнить об условиях, в которых Рипа писал свои мемуары).

«14 августа 1710 года администрация города Цифу прислала для проверки моих способностей художника старинную картину, изображающую Конфуция, склонённого перед статуей Лао-цзы. Эту картину нужно было скопировать и отправить императору. Так как я не знал достаточно хорошо китайский язык (или дипломатично не хотел говорить напрямую), передал через Падре Муньоса, что не могу рисовать эту картину, так как на ней изображены два дьявола. Я подумал, что, когда мой резкий ответ дойдёт до губернатора, на меня, несомненно, обрушатся санкции. Но Господь хотел видеть меня в Пекине, и главный заказчик потребовал встречи со мной, чтобы лично от меня услышать мой ответ» (Fatica, 1991, 223).

2.7 Возвращение в Италию

Канси, умерший 20 декабря 1722 года, правил 61 год и был просвещенным человеком, поощрял меценатство и положительно относился к европейцам. В последние дни и часы императора Маттео Рипа вместе с отцом Анджело находился в доме дяди Канси. Читаем в «Джорнале» Рипы: «20 декабря 1722 года я находился в доме дяди его Величества и вдруг услышал необычный шум голосов в императорском доме. Зная об обычаях этой страны, я сказал, что нужно быстро и плотно закрыть все двери и окна. Отцу Анджело я сказал, что или умер император, или в Пекине началось восстание. Чтобы выяснить, что же случилось, я забрался на стену, которая отделяла наше жилище от дворца императора. Я увидел толпы людей, которые двигались молча по ближайшим улицам. Из нескольких всё же услышанных слов я понял, что умер император. Позже я узнал, что перед смертью он доверил империю своему четвёртому сыну Иньчжэню (Юнчжэн) и приказал, чтобы все братья и двор подчинились ему. Как только отец умер, Юнчжэн приказал одеть тело, посадить его в кресло и отнести этой же ночью в Пекин во дворец. Он следовал за процессией на коне, следом ехали братья, сыновья и племянники, и далее огромное количество солдат с мечами наголо. Вместе с отцом Анджело я пошёл в Пекин, чтобы выразить нашу скорбь в связи со смертью Канси, но не смогли войти во дворец в течение двух дней» (Ripa, 1832, t. II, 93).

85

Император был просвещенным человеком, обладал широким кругозором и глубокими знаниями. Его смерть в то время стала большой потерей не только для империи, но также и для тех европейцев, которые стремились к установлению дружбы с Китаем. Китайцы, которые были тесно связаны культурными традициями конфуцианской доктрины, никогда не соглашались с присутствием европейцев, которые не хотели уважать обычаи и культуру Китая. Когда император умер, миссионеры были очень огорчены, так как император защищал и благоволил им. Наследник Юнчжэн не испытывал к дворцовым миссионерам той же симпатии, что его отец. Ситуация при дворе становилась всё более нетерпимой. У Маттео Рипы созрело стремление вернуться в Неаполь, чтобы продолжить свою миссионерскую деятельность

в другой и более продуктивной форме.

Рипа писал: «Некоторые придворные постоянно стремились помещать мне. Клеветали и наговаривали на меня, тем самым создавали атмосферу склок и скандалов» (Fatica, 1996, 40). Согласие китайцев принять у себя христианских миссионеров основывалось на указе императора Канси от 1692 г., но его преемник император Юнчжэн в ответ на растущие подозрения относительно тайных политических мотивов иностранных миссионеров в 1724 г. отменил это решение. От китайских христиан потребовали официального отказа от веры, иностранные миссионеры, за исключением прикрепленных к Ведомству астрономии, должны были покинуть Китай, католическая собственность была конфискована и использовалась для светских нужд. «Последующие 120 лет христианство официально определялось как еретический культ, мало отличающийся от тайных обществ, которые периодически ставили под угрозу стабильность существования династии» (Cohen, 1978, 545).

86

Рипа очень страдал от противников его школы. 21 октября, накануне праздника всех святых, он решил отнести свою памятную записку императору. Тот, прочитав её, сказал, что Рипа прав в своём желании вернуться в Европу, и отметил, что Рипа – европеец, который много сделал для его отца, и он хочет наградить его. «Европейцы очень ценят наш фарфор. Отведите его в хранилище нашего личного фарфора, и пусть он выберет то, что ему больше понравится, пусть возьмёт столько, сколько захочет. А также дайте ему шёлковой ткани» (Ripa, 1832, t. II, 128).

После девяти ритуальных поклонов Его Величеству Рипа вышел из дворца и в тот же день ему выдали паспорт и разрешение уехать с пятью молодыми китайцами (см. рис. 20 Приложения 7). «Из Китая было невозможно выехать на лошадях, потому что запрещалось вывозить за границу лошадей» (Ripa, 1832, t. II, 128). Однако император приказал выдать миссионеру разрешение, необходимое для выезда с лошадьми и пятью его молодыми китайцами, которые были первыми, кто посещал школу Рипы. Их звали Джанбатиста Ку, Джованни Эвангелиста Ин, Лучио У, Филиппо Хуан, Джаккино Ван. Первому было 24 года, второму – 20, третьему – 12 лет, четвёртому – 13. Последнему, который оставил дома жену и четверых детей, чтобы следовать за Рипой, было 30 лет, и он должен был давать маленькой группе уроки китайского, чтобы ученики не забыли родной язык во время пребывания в Европе. Джаккино Ван после пребывания в течение нескольких лет в Неапольском коллед-

же вернулся в Китай. Вместе с ним вернулись еще два ученика, Ку и Ин.

15 ноября 1723 года Рипа покинул Пекин⁴² и через 56 дней пути (10 января 1724 года) достиг Кантона. «Не забуду первый день нашего выезда. Прямо в лицо дул такой сильный ветер, из-за которого я несколько раз падал с носилок. Было так холодно, казалось, что демоны предвидели скорое для нас благополучие, и все собрались вместе, чтоб объединить свои силы для того, чтобы нас толкать обратно, заставить вернуться в их владения и остановить дело добра для христианства» (Ripa, 1832, т. II, 133).

23 января 1724 года Рипа вместе со своими китайскими спутниками поднялся на английское судно. Обратный путь был намного более коротким по времени и более комфортабельным несмотря на то, что около Мыса Доброй Надежды они попали в жестокий шторм, который едва не выбросил их на скалы. Рипе пришлось очень поволноваться за своих товарищей, которые были очень напуганы и страдали от холода. Наконец в конце июня они достигли побережья Англии.

Весть о прибытии Рипы была напечатана в главных английских газетах. Одновременно король Георг I изъявил желание познакомиться с Рипой. Посол короля Сардинии доставил Рипе приглашение английского монарха. Маттео принял приглашение и с большим почётом был принят при дворе. После трехчасовой беседы король пригласил Рипу и его товарищей на обед. В тот же вечер Рипе передали дар короля – мешочек золотых монет стоимостью 300 неаполитанских дукатов.

5 октября группа оставила Лондон, откуда отправилась в Италию и первого ноября прибыла в порт Ливорно. 11 октября они сели на судно под английским флагом и, наконец, 20 ноября прибыли в Неаполь. Падре Рипа и его ученики поселились на вилле в окрестностях Мергелины. Маленькая община начала немедленно работать.

Всю свою жизнь Рипа мечтал о создании школы для подготовки священников-миссионеров. В Китае он понял важную вещь: чтобы обратить в христианство китайцев, нужно готовить священников-миссионеров из числа самих китайцев на территории Европы (в случае Рипы в Италии). Рипа прошёл долгий путь и проделал трудную работу, чтобы осуществить свою мечту. 5 апреля 1731 года Рипа получил

42 Будучи в Китае Рипа подружился с иезуитом-мирянином, своим соотечественником Джузеппе Кастильоне (Лан Шинин). Покидая Пекин, Рипа вез от него письмо на родину (См. Рисунок 21 Приложения 7.).

документ с папским одобрением.

2.8 Создание Колледжа для китайских студентов

Благодаря своему доброму характеру и простым манерам, Маттео Рипа смог завершить своё труднейшее дело и преодолел препятствия, которые казались непреодолимыми. Через несколько дней после приезда в Неаполь Рипа отправился в Рим, чтобы изложить в Propaganda Fide свои новые намерения: воспитывать молодых китайцев в Италии для работы священниками в Китае.

21 декабря 1724 года он был представлен кардиналу Сакрипанти, префекту Propaganda Fide, чтобы изложить свой проект.

Цель у проекта была одна – евангелизация Китая. Для этого должна была быть создана Конгрегация Святого Семейства, состоящая из белого монашества, которое должно было заниматься с китайскими семинаристами. Были к этому допущены и послушники. Они не были связаны никакими обетами, могли свободно уйти из института и не были обязаны становиться миссионерами. Члены Конгрегации, которые бы захотели жить в духе большего совершенства, имели возможность принять обет и быть зачисленными в колледж.

Вместе с Конгрегацией должен был быть открыт Китайский колледж (См. рис. 26 Приложения 7) для обучения молодых людей – выходцев с Востока, прежде всего из Китая, которые после длительной подготовки, рукоположенные в священники, должны возвращаться к себе на родину и проповедовать Евангелие. После года послушничества ученики давали пять обетов: бедность, послушание, стать священником, стать миссионером, не переходить в другую религию. Кому учёба не давалась, могли сотрудничать с миссионерами в качестве белых монахов. Здесь же при Конгрегации планировалось общежитие для священников и молодых европейцев, которые находились в нем за свой счёт, могли учиться и готовиться к службе священниками и миссионерству.

В 1734 году основатель отделил Колледж от Конгрегации даже в одежде. Ученики колледжа не носили накидки, предназначенные конгрегатам. У них была сутана с красным низом, чтобы обозначать жертвенность, к которой они должны были стремиться.

По мнению Рипы, Неаполь был наилучшим местом для организации колледжа. «В Неаполе задолго до Рипы существовали три конгрегации белых монахов, среди которых можно было легко найти тех, кто бы после подготовки мог стать миссионером, а также работать в новом учреждении. Одной из таких конгрегаций была Апостольские миссии. Она возникла в 1646 году с целью миссионерства и представляет в истории Церкви первый пример сообщества белых монахов, имеющих своей целью миссионерство. Кроме этого, в Неаполе почти не было деятелей церкви высокого ранга, как это было в Риме, где священники больше думали о карьере и личных выгодах, а не о миссионерстве. Во время своего пребывания в Неаполе, до того, как стать священником и отправиться в Китай, падре Рипа хорошо изучил религиозную жизнь народа и жизнь священников и был уверен, что найдёт здесь благодатную почву для реализации своего проекта. Доброта, щедрость и сострадание местного населения служили основой также и материальной поддержки деятельности колледжа» (Ripa, 1832, t. II, 215–216).

Чтобы поторопить принятие проекта, Рипа отправил Папе письмо. Из текста, тщательно подготовленного Рипой, видна его личность и ясность мыслей точных и прозрачных, и одновременно практичных. Рипа опасается, что миссия в Китай может закончиться ничем прежде всего в связи с отсутствием нужного количества миссионеров и священников. Поскольку отправка миссионеров в Китай становилась всё более проблематичной (большая удаленность, серьёзные расходы, невозможность освободиться от обязанностей, имеющих в связи с работой при дворе, очень тяжёлый язык, риск преследований и гонений), Рипа склоняется к тому, что большую часть этих трудностей можно преодолеть путем создания местной религиозной иерархии.

Кроме этого, Рипа подчёркивает одну из главных трудностей миссионеров: понять особенности китайской истории и культуры. Он настаивает на изучении миссионерами китайского языка, чтобы сблизиться с народом и его культурой. И это всё в условиях, когда по своему долгу Рипа должен был осуждать все проявления, отличные от христианской морали и практики.

Здесь же в письме Папе ясно видна вера Рипы в возможность и способности молодых китайцев, которые в силах нести в народ христианские ценности, вера в интеллектуальные, моральные, апостольские способности. Однако перед тем, как

отправить учеников обратно в Китай, им нужно было дать серьёзное образование, твердость в вере в Христа.

В своем письме Рипа высоко оценивает работу китайских мирских преподавателей катехизиса, которая в значительной степени ослабляла трудности нехватки миссионеров и священников. Это было важным в условиях, когда ещё не были преодолены расистские предрассудки. Рипа не был большим мыслителем, не создал больших теорий. Но у него была интуиция, у которой не было конкурентов. Рипа не оказал большого влияния на развитие миссионерской мысли, но он дал толчок началу практики создания местного клира, что сегодня Церковь использует повсеместно.

Кардинал не оценил проект и посоветовал отправить привезенных китайцев в городской колледж. Не принял проект и монсеньор Русполи, секретарь Propaganda Fide, который предлагал учредить колледж в Риме.

90 Однако 19 января 1725 года падре Рипа был принят Папой Бенедиктом XIII. Понтифик принял Рипу с большим отеческой добротой и заявил о полной поддержке проекта. 22 января была ещё одна аудиенция у Папы, который, внимательно изучив проект, заявил о готовности утвердить его, а также поручил изучить конкретные детали основания колледжа и составить текст для письменного утверждения.

Изучение проекта стало делом многотрудным, так как многие в Риме противились созданию колледжа в Неаполе, вдали от кабинетов Propaganda Fide. Наконец был принят декрет, удовлетворивший Рипу, который вернулся в Неаполь 28 марта 1725 года. Маленькая община начала развиваться на основе решения Святого Престола. Из Маргелины община переехала ближе к городу в Санта Мария Аппаренте, и Рипа начал переговоры с городскими властями. В эти годы, точнее с 1712 года, в Неаполе было запрещено строительство церквей и других зданий религиозного назначения. Разрешение на строительство можно было получить только за пределами городской стены. После долгих дискуссий было получено разрешение на строительство в городе нового религиозного сооружения. Но к проекту Рипы была добавлена статья: в новое заведение могли приниматься только китайские ученики или другие желающие отправиться миссионерами в Китай. Рипа видел в этой статье серьёзное препятствие для создания колледжа. Из-за невозможности отмены на месте этой статьи Рипа решил отправиться в Вену, чтобы переговорить с самим

императором Карлом VI.

1 июня 1726 года Рипа уехал из Неаполя и прибыл в Вену 5 июля. Уже 30 июля Рипа получил положительное решение от Высшего совета Испании, который, однако, задержал принятие окончательного решения до получения мнения неаполитанских властей.

9 августа Рипа был принят императором, который проявил понимание и доброту. 14 августа императрица Изабелла Кристина приняла Рипу и подтвердила ему свою поддержку. В результате нарождающемуся заведению было отпущено 800 дукатов в год.

В это же время из Неаполя было получено мнение главного капеллана – на редкость враждебное по отношению к новому колледжу. Удачное продвижение дела было заторможено. Но 25 октября император выразил пожелание, чтобы колледж был *di Regio patronato*⁴³ в ведении главного капеллана Неаполя. 15 января 1727 года был опубликован императорский декрет, который провозгласил *Regio patronato* над заведением. Была также направлена просьба Папе, чтобы тот согласился с тем, чтобы колледж был *Regio patronato*. Благодаря письму, которое Рипа написал кардиналу Импералии, из Рима пришёл отрицательный ответ на запрос императора. Тогда 14 марта Высший совет Австрии высказался за создание колледжа под простой опекой императора. 3 апреля Карл VI подтвердил декрет Высшего совета. В Рим снова был послан запрос с целью получения апостольского утверждения. Ответ из Рима заставил себя ждать почти год. Папский рескрипт пришёл только 20 марта 1728 года. 5 мая Рипа уехал в Италию и прибыл в Рим 17 июня. Теперь нужно было получить Папскую грамоту об утверждении основания Святым престолом. Грамота составлялась долго и увидела свет только 14 декабря. Теперь нужно было всё снова утвердить в Вене.

В 1729 году монастырь с садом и церковью были куплены за 6300 дукатов. Рипа всего за несколько лет превратил этот комплекс в процветающий Китайский колледж. В этой местности близлежащие улицы были названы «Китайский переулок», «Китайский верх», «Китайская лестница». Первым был зачислен в колледж Джанбатиста Ку, который был крещён Рипой в возрасте 13 лет. Первая ячейка Китайского колледжа в Неаполе состояла из четырех молодых китайцев и их учителя, всех тех,

91

43 Под покровительством Неаполитанского Королевства (ит.).

которые приехали с Рипой из Китая.

21 февраля 1730 года умер Бенедикт XIII, но при новом Папе Клименте XII ничего не изменилось. 19 февраля 1731 г. было созвано чрезвычайное заседание Propaganda Fide, чтобы в который раз обсудить досье, представленное Рипой. Но опять не было принято никаких решений. Разрешалась одна проблема, сразу возникали новые. Ситуация разблокировалась при вмешательстве кардинала Сьенфуэго-са, императорского посла в Риме. По просьбе Рипы он посетил госсекретаря Ватикана, чтобы выразить протест по поводу постоянно создаваемых Римом трудностей. И, наконец, 5 апреля 1731 года Рипа получил документ с папским одобрением. 4 июля 1732 года власти Неаполя дали ход Папской грамоте.

Наконец можно было праздновать юридическое утверждение проекта.

Маттео Рипа был во главе Китайского колледжа с 1732 года до дня своей смерти.

10 сентября 1734 года из Неаполя в Китай выехали два китайских священника – Джанбатиста Ку и Джованни Ин. Они доехали до Китая в августе 1735 года: велика была радость для Маттео. К сожалению, в ноябрь из-за болезни умер Джованни.

Он не мог и предположить, что его преемники смогут свести всё дело его жизни к извлечению коммерческой выгоды. Конечно, никакое дело не может быть совершенным, и ошибки основателя колледжа могли бы быть исправленными. Но святые отцы конгрегации вместо того, чтобы работать, исправлять ошибки, совершенствовать колледж и направлять его по канонам, установленным основателем, довольствовались безбедной праздной жизнью в лучах славы основателя. Колледж для китайцев понемногу отдалялся от веры. Как утверждалось, о колледже знали китайские императоры, морально его поддерживали, так как надеялись регулярно получать у себя в Империи молодых людей, получивших обширные научные знания в этом колледже.

2.9 Смерть Рипы

Человек с течением времени, которое ему отведено в этой жизни, работает, не думая об отдыхе, не думая о том, что тяжёлая работа и заботы укорачивают его век. В 1743 году Рипа преступил к написанию мемуаров (см. рис. 22-24 Приложения 7).

За 3 года он не успел дописать желаемое до конца. Жизнь Рипы была подобна маслу в лампаде, что сгорает. В конце концов, он слег из-за крайней слабости. Неожиданно появилась желтуха и сильные боли в груди.

Стоит также отметить, что последние годы жизни Рипы были омрачены многочисленными огорчениями, доставленными ему Лучио У, учеником колледжа, который закончил свои похождения в тюрьме⁴⁴.

После четырех месяцев постельного режима и ужасных страданий утром 18 марта 1746 года Маттео Рипа попросил причастия. Потом слабым голосом сказал присутствующим священникам, новым послушникам, китайским ученикам: «Друзья мои, знайте, что нашу школу создал Бог. Теперь он уже во мне не нуждается. Я вверяю себя его воле. Я бы хотел ещё 20 лет жизни, чтобы собственными глазами увидеть успехи нашего дома, но на всё божья воля» (Nardi, 1976, 378). Воодушевив присутствующих этим трогательными словами, он продолжил: «Не грустите, дети, будьте в радости. Бог вас никогда не оставит. Я пойду в Рай и оттуда буду всегда молиться за вас, мои сыны, и за институт» (Nardi, 1976, 378). Вечером 29 марта 1746 года стал затихать, медленно приподнял руки, сложил их в форме креста на груди и тихо умер в день своего рождения. Ему было 64 года. На могиле следующая эпитафия:

93

44 Чтобы узнать по какой причине Лучио У сидел в тюрьме, обратились к профессору Фатике, который сообщил, что У сидел не в каком-то неаполитанском участке, а в главной папской тюрьме – Замке Святого Ангела. Итальянский исследователь Ди Фьоре занимался специально проблемой Лучио У. В его работе «Китаец в замке Святого ангела» даёт подробное описание жизни Лучио У в Неаполе. Следующая цитата указывает на суть проблемы, из-за которой У был заключён в замок Святого Ангела. «В сентябре 1736 24-летний Хуан и 23-летний У вошли в тот период жизни, когда они были одержимы Сатаной. Под демонической одержимостью в клерикальном мире подразумевается незаконная половая связь, содомия. В течение несколько месяцев Хуан и У предавались сексуальным играм в постели, оставаясь незамеченными со стороны сотрудников Колледжа для китайских студентов» [Di Fiore, 1985, p 281–282]. Отсюда следует, что преступления У были не уголовными, как может показаться на первый взгляд, а нравственно-религиозными.

D. O. M.

HIC JACET CORPUS MATTHAEI RIPA QUI

Post XII in Oriente ad Christi Fidem Propagandam Insumptos annos in Europam
sinenses alunnos ad

Apostolicum ministerium formandos advexit et congregatione Atque collegium
sacrae familiae Jesus Christi IIS Erudiendis Bened. XIII ac Clemente XII Pont. Max.
Approbantibus institute depunque curlu consumato ac fide Servata eodem quo natus
erat die XXIX men martii evolavit

Ad dominum A. MDCCXLVI. Aet. Suae Ann. LXIV.⁴⁵

94

Весть о смерти миссионера быстро разлетелась по городу. Пришли толпы, чтобы помолиться и выразить свою скорбь. Тело было выставлено перед главным алтарём церкви колледжа. В 1827 году архиепископской курии Неаполя открылась процедура по причислению Рипы к лику святых. Но это не удалось завершить.

После смерти Рипы Колледж в течение целого века испытывал большие трудности в деле расширения миссионерской деятельности в Китае.

После смерти Рипы уже в 1750 году в Колледже открылась новая секция для учеников из стран Ближнего Востока, находящихся под турецким владычеством. Учеников китайского отделения было 106, 80 из которых стали священниками. Учеников ближневосточного отделения было 67, и 30 из них стали священниками.

Китайский колледж министерским декретом стал учреждением в рамках министерства просвещения под названием Азиатский королевский колледж с советом директоров. Институт был разделён на колледж для азиатов и школу для иногородних итальянцев и иностранцев, которые должны были совершенствоваться в языках и в дисциплинах, связанных с торговлей и изучением Востока. По закону от 27 декабря 1888 года бывший китайский колледж был переименован в Неаполи-45

Здесь покоится тело Маттео Рипы, который после 12 лет, проведённых на Востоке и посвящённых распространению веры Христа, вернулся в Европу. Вернулся для того, чтобы готовить китайских учеников. После того как понтифики Бенедикт XIII и Климент XII утвердили конгрегацию, ученики обучались в колледже Святого Семейства. Измученная страданиями, но сохранив веру, его душа отлетела в день его рождения 29 марта 1746 года от рождения Христова (см. рис. 25 Приложения 7).

танский королевский восточный институт.

Известно, что Маттео Риччи первым принёс основы западной науки ко двору Поднебесной империи. Тогда как Маттео Рипа первым создал учреждение для культурных и духовных обменов между Западом и Востоком. Он умер среди молодых китайцев, умер с любовью к китайскому народу, которому посвятил свою жизнь. Писатель Филипп Квок писал: «Сегодня (1982 г.) через 300 лет после рождения Рипы и 236 лет после смерти его могила в церкви при больнице “Елена Д’Аоста” от постоянного проникновения дождя с купола главного алтаря церкви, после ужасного землетрясения 1980 года находилась на реставрации. Первоначальный гроб в течение многих лет практически сгнил. Видны омываемые дождём кости. Реставраторы переместили прах в другой гроб, который был помещён в первоначальную могилу, под прежней мемориальной доской перед главным алтарём» (Kwok, 1982, 80).

Маттео Рипа не добился серьёзных успехов в самом важном для себя деле – евангелизации Китая. Однако это не было его виной: он сделал всё, что было в его силах, в условиях многочисленных трудностей. Неудача была обусловлена особыми, специфическими условиями китайской действительности, которые не дали воз-

95

можность Рипе осуществить мечту и дело всей его жизни. Рипа гораздо больше преуспел в изучении, анализе и описании этой действительности, описании того, с чем ему пришлось столкнуться и пережить в течение многих лет как в Китае, так и в Европе.

Самым важным и значительным достижением Рипы было основание в Неаполе Колледжа для китайских учеников, который со временем превратился в крупное учебное заведение – Восточный университет, успешно работающий и в наши дни.

Главной трудностью для Рипы было определение для себя самого своего статуса при дворе. Изначальной его целью ещё в Италии была апостольская деятельность в Китае, религиозное просвещение целого народа, начиная с его императора. К сожалению, Рипа не понимал или не хотел понять, что его цель не имела шансов на успех. Ведь он не мог не знать, чем завершилась миссия Маттео Риччи. Тем не менее, из текста видно, что он искренне и неустанно, всей душой отдавался любимому делу.

Однако Рипа не замечал (или не хотел замечать), что для императора он такая же игрушка, как и заводные механические часы или астрономические приборы

и математические инструменты. Император, несомненно, понимал все иезуитские хитрости своих европейских слуг, главной целью которых является миссионерство, а не работа по заявленным профессиям. Император играл со своими живыми игрушками, ему было забавно и интересно, а что же получится у обычного миссионера, который выдал себя за художника или музыканта. Ситуацию можно сравнить с положением Гулливера в стране великанов. При этом император всегда помнил о Маттео Риччи, которого в Китае действительно уважали и ценили, по которому император судил о других миссионерах.

Император и его чиновники держали миссионеров на коротком поводке (с использованием обычной схемы: добрый монарх и злые придворные). И стоило кому-либо туго натянуть этот поводок, как немедленно наступало наказание. Пример этому – судьба кардинала де Турнона.

Глава 3. «Джорнале» о деятельности миссионеров в рамках «спора о ритуалах»

3.1 «Джорнале» о «споре». Первые описания

В данном разделе нашей работы будут использованы выдержки из «Джорнале», где Маттео Рипа описывает непосредственно деятельность различных миссионеров при дворе императора Канси. В основном его описания содержат события, связанные со «спором о ритуалах», и его участниках. Раздел основан на прочтении и изучении подлинных записок Рипы, опубликованных во втором томе «Джорнале» под редакцией М. Фатики. Это 230 страниц насыщенного и драматического описания событий и чувств Рипы в один из самых напряжённых этапов «спора» о китайских ритуалах – декабрь 1711 – декабрь 1713 гг. Здесь нужно напомнить о том, что писалось всё это Рипой ровно 300 лет назад, и итальянский язык того времени заметно отличался от языка сегодняшнего дня. Нами подобраны наиболее яркие и показательные части «Джорнале». При этом нужно заметить, что многие мысли на протяжении двух лет повторяются в разных ситуациях, с разными участниками описываемых сцен.

Систематическое упоминание иезуитов как таковых, и тем более критика в их адрес, настоящее противостояние на страницах «Джорнале» Рипы появились не сразу по его прибытию в Пекин.

Поначалу это были записи о совместной миссионерской деятельности, когда Рипа в своих заметках не отделял себя от иезуитов. Он писал о сотрудничестве с ними, об общих успехах и проблемах, неудачах, сложностях быта. Сообщал о трудностях со снабжением продовольствием и тёплой одеждой, которыми иезуиты порой делились с представителями Propaganda Fide.

Здесь можно отметить те записи в «Джорнале», в которых Рипа описывает последствия своего падения с лошади, приведшего к серьёзной болезни, сопровождаемой сильным жаром и кровотечением из горла. Рипа подробно сообщает о том, что иезуиты заботились о нём, присылали врачей – китайских и европейских, присылали лекарства и другие лечебные средства, а также еду, одежду, одеяла. При этом кто-то из них постоянно дежурил у постели больного.

98 Первые серьёзные критические заметки на страницах «Джорнале» Рипы появляются в связи с серьёзным происшествием. Рипа пишет: «В день 25 (Пекин, декабрь 1711) его Величество выехал в Татарию, не взяв с собой ни одного европейца, что было необычным и навело нас на различные размышления. Потом, 31 числа последнего дня месяца и года, пришло сообщение от иезуитов и других миссионеров из Пекина о том, что наша святая религия была обвинена, что это обвинение в письменном виде на имя Его Величества было подготовлено имперским цензором и передано для передачи императору в Министерство ритуалов. Это было причиной того, что император не захотел взять с собой в поездку ни одного европейца, чтобы они не досаждали ему своим просьбами и возражениями» (Fatica, 1996, 56).

Как пишет Рипа, претензии сводились к следующему: «Наша святая религия обвиняется в том, что по всей империи разбрелись различные европейцы и распространяют фальшивые законы – законы своего Бога. Они говорят, что во второй год правления ханьского императора Ай-ди их Бог среди всех женщин выбрал девственницу из Иудеи и из её чистой крови сотворил человека, названного Иисусом, который через 33 года умер на кресте, чтобы спасти мир. Те, кто следует этим законам, должны принимать крещение и причастие, в противном случае они зовутся грешниками. В праздничные дни они каются в грехах» (Fatica, 1996, 97). Автор «Джорнале» в мельчайших подробностях описывает так называемые претензии к христианской религии. Он пишет, что сторонники христианства обвиняются в том, что «... они утверждают, что существуют Рай и Ад, что у них есть места, где они со-

бираются толпами, читают и слушают молитвы, все вместе рабы и хозяева, женщины и мужчины. Потом по утрам расходятся» (Fatica, 1996, 97). Рипа максимально использует тонкости своего языка, чтобы передать дух критического настроя и даже пренебрежения и сарказма в тексте критических материалов, направленных против христианства. Он цитирует: «Они (христиане) не ценят наших святых, наших мудрецов, наших богов, считая их бессильными и безграмотными. Всё, что они думают и говорят, всё это направлено против наших императорских декретов. Про их религию написано много книг, которые они распространяют по всему Китаю. Спорят с нашими мудрецами, называя их неправильными и сумасшедшими. Приводят в качестве подтверждения своей фальшивой доктрины сентенции и доктрины Конфуция и других наших мудрецов, неверно трактуя их. При этом они утверждают, что их религия и доктрина такие же, как и наши. Это большой абсурд. Поэтому нельзя разрешать им распространять их лживую доктрину в нашей империи. У нас есть наше великое и прекрасное небо. Небо, которое нас не обманывает, которое не обманываем мы. Оно содержит в себе людей, животных, деревья и все другие вещи – вне этого всего не может быть другой религии. А христиане не только обычные торговцы и плебеи, но бандиты и продавцы свинины» (Fatica, 1996, 97).

99

Здесь Рипа объективно отмечает, что его противники всё же многое ценят в деятельности христианских миссионеров: «Христиане разбираются в математике, умеют управлять календарём – пусть этим и занимаются вместо того, чтобы противоречить нашим законам и распространять фальшивые доктрины и обманывать народ» (Fatica, 1996, 45).

Как отмечает Рипа, послание императору заканчивается просьбой обязать Трибунал ритуалов всё внимательно изучить с целью «запрета нашей святой религии раньше, чем она широко распространится и пустит глубокие корни» (Fatica, 1996, 47).

Из «Джорнале» следует, что текст этого обвинительного документа иезуиты получили через своих друзей-мандаринов, в том числе из состава Ведомства ритуалов. Благодаря усилиям иезуитов и их друзей-мандаринов Ведомство дало такой совет императору, каким его составили иезуиты. В том числе и о том, что европейцы находятся по всей территории Китая с разрешения его величества, что они умеют изготавливать оружие, лично участвовали в походе против московитов. Они не при-

несли Китаю никакого вреда, что считать их религию вредной не имеет смысла, что нужно разрешить европейским миссионерам мирно заниматься своим делом внутри их церквей, что они имеют право (разрешение для проведения миссионерской деятельности). Тех, у кого его нет, высылать в Макао (Fatica, 1996, 48).

Автор «Джорнале» сообщает, что этот документ от Ведомства ритуалов был немедленно отправлен Его Величеству, который принял его и утвердил. Однако Рипа узнал, что иезуиты через своих друзей донесли императору и другие сведения. Что это были за сведения и почему они общаются без участия миссионеров Propaganda Fide, Рипа не знал, и далее отметил: «Так иезуиты и раньше, всё время скрывали от нас, посланников Святой Конгрегации, поступки и шаги, которые они совершали – непосредственно или через евнухов, или мандаринов, чтобы общаться с императором. Они наносили ущерб нашему делу, делали всё, чтобы защитить ритуалы, признанные Святым Престолом суеверием. Возбуждали при этом ненависть к Папе, который осуждал эти ритуалы, разжигали ненависть к кардиналу де Турнону, который поддерживал эти осуждения» (Fatica, 1996, 58).

100

3.2 «Передайте Его Величеству ответ, который я вам по секрету сказал»

«Нас привели во дворец, и падре Доменико Переннин с глазу на глаз говорил с мандарином Цзяо Цяном. Когда мы встали на колени, падре сказал: «Передайте Его Величеству ответ, который я вам по секрету сказал». Чуть позже пришёл падре Суареш, которому падре Переннин сказал ничего более не добавлять, так как ответ был уже дан. И Суареш ничего не добавил, подтвердив сказанное по секрету падре Перенинном. Мы же из Propaganda Fide ничего не узнали о содержании ответа Императору» (Fatica, 1996, 60).

Данные отрывок приведен нами, чтобы показать, в какой ситуации скрытности и недосказанности оказывались миссионеры-иезуиты. В своем «Джорнале» Рипа приводит несколько подобных описаний. Отсюда мы видим, что миссионерам других орденов, включая группу Рипы, часто не сообщали новости, касающиеся прямую дел «спора», что часто усложняло их работу и понимание различных сторон.

Рипа пишет: «19 марта. Синьор Педрини, благодаря своим музыкальным способностям, умению руководить артистами, умению изготавливать различные музыкальные инструменты заслужил уважение Императора. Благодаря этому он имел возможность доносить до монарха содержание апостольских декретов относительно ритуалов в этой огромной империи. Я со своей стороны достиг больших успехов в деле гравировки по меди, что тоже очень нравилось Императору» (Fatica, 1996, 60).

Рипа часто повторял в своих мемуарах, что, видя всё это, иезуиты использовали малейшую возможность, чтобы помешать ему и его группе и навлечь на них гнев императора. Он отмечает: «Но так как Бог руководил нами, попытки иезуитов не имели успеха. Я мог бы привести здесь сотни фактов в подтверждение этого моего замечания, приведу лишь один» (Fatica, 1996, 60).

Так, по словам Рипы иезуиты видели, что императору очень нравились цимбалы и гармошки, изготовленные под руководством падре Педрини. С помощью своих мастеров Иезуиты очень чисто и аккуратно изготовили похожую гармошку и попросили господина Цзяо вручить её Императору, выдав за своё произведение. Таким образом они хотели доказать Императору, что и без Педрини можно делать отличные цимбалы и гармошки, что он не нужен в Пекине. Однако, подчёркивал Рипа, иезуитам не часто удавалось нанести ущерб представителям Propaganda Fide. Он пишет: «Но нашему Богу было угодно, чтобы Его Величество заботился о высоком уровне инструментов, которого достиг падре Педрини. Император посмотрел на предложенный иезуитами инструмент и отверг его. Но не потому, что его сделал кто-то другой, а потому, что клапаны были очень жёсткими и тон звучания слишком высокий. При этом Император приказал передать эту гармошку падре Педрини, чтобы он, благодаря своему опыту и умению довёл бы гармошку до нужного уровня. Таким образом, иезуиты были оконфужены» (Fatica, 1996, 60).

Из «Джорнале» следует, что отец Бове, немецкий иезуит (на самом деле француз), занимался изучением и толкованием древнейшей и классической китайской книги под названием Ицзин, с помощью которой китайцы стремятся предсказать будущее на основе знаков и рисунков, имеющих в книге. Эта та самая книга, о которой говорил монсеньор ди Конон (Шарль Мерро) в своём декрете и которую падре Бове пытается выдать за Святое писание. Рипа пишет: «Падре Бове утверждает, что в этой книге можно найти все самые высокие таинства, присущие нашей Святой

Религии. Он утверждает, что с помощью этой книги, толкуемой на его манер, можно обратить в христианство самого Императора, а потом и весь Китай» (Fatica, 1996, 61).

В «Джорнале» утверждалось, что Бове пытался доказать, что нашёл в знаках и рисунках математический смысл, также наличие признаков и других наук. Он убедил Императора в верности своего толкования, что выявил в книге самые сокровенные доктрины. При этом падре Бове попросил Императора дать ему в помощь нескольких иезуитов, находящихся в разных районах Китая и хорошо разбирающихся в иероглифах. Прежде всего, отец Фукэ, Голе, Арема (Fatica, 1996, 62).

102 Из текста Рипы мы узнаём, что Император увлёкся этой идеей и приказал «мандаринам» тех районов, где находились указанные иезуиты, как можно быстрее прислать их в Пекин. Во исполнение этого приказа в сентябре 1711 года в столицу прибыл падре Фукэ. В апреле 1712 года падре Бове представил его Императору вместе со своей смутной и запутанной идеей дальнейшей работы с книгой. Его Величество похвалил Бове за работу и приказал продолжить и ускорить её. Всё это происходило к великому неудовольствию других иезуитов в Пекине. Они боялись, что работа по толкованию книги приведёт к их ненужности и высылке из Китая (Fatica, 1996, 62).

Рипа часто описывает сами китайские ритуалы поклонения предкам. И стоит отметить, что он редко придаёт этим описаниям эмоциональную окраску, что не характерно для него, миссионера, который был против «еретических поклонений». Чаще всего, это простое объективное описание: «В связи с днём рождения Императора 23 апреля мандарины собрались в Храме Идолов, в котором находилась позолоченная табличка, прикреплённая над столом, то есть над алтарём. Вокруг много цветов и зажжённых свечей, испускающих благовоние. На этой табличке начертаны следующие иероглифы: «хуанди вань суй, вань суй, вань вань суй», что означает: «Да здравствует Император! На десять тысяч лет, на десять тысяч, на десять тысяч раз десять тысяч!». Перед табличкой мандарины стоят на коленях, совершают поклоны и жертвоприношения» (Fatica, 1996, 63).

Однако иезуиты показаны Рипой не с самой выгодной стороны: «Иезуиты из Пекина, чтобы угодить Императору, собираются в церкви Коллегии португальских падре вместе с мандаринами из Трибунала математики и многими христианами. Укрепив в центре церкви такую же табличку над столом, украшенным цветами и

свечами, как в Храме идолов, христиане в присутствии мандаринов читают молитвы» (Fatica, 1996, 64).

3.3 Ответы на вопросы

Рипа сообщает, что одновременно с указанными событиями пришло сообщение о прибытии из Святой конгрегации Propaganda Fide послания, утверждённого Святым Престолом и Папой Иннокентием X, присланного по просьбе миссионеров, находящихся в Китае, ещё в 1615 году. Император приказал всем европейцам перечитать ещё раз тексты, отправленные им ранее Понтифику, в которых говорилось о его переговорах с его Святейшеством кардиналом де Турноном относительно дел в миссии. Император хотел ещё раз направить через Москву письмо Папе, чтобы спросить у него, в чём он, Император, ошибается. В связи с этим Рипа спросил у «мандаринов», которые занимались исполнением приказа Императора, что он имеет в виду, говоря об ошибках. Они ответили ему: «Например, чтить Конфуция и прародителей, приносить им жертвы, – возможно или ошибочно» (Fatica, 1996, 64).

103

Маттео Рипа очень скрупулёзно описывает все действия, связанные с документами и письмами всех сторон, участвовавших в «споре о ритуалах»: «Все снова принялись за прочтение текстов, направленных в Европу, сначала на европейских языках. Потом читали тексты на татарском и китайском языках. Во всех этих текстах речь шла обо всём том, что произошло между императором и кардиналом, приводились заявления его Величества по поводу ритуалов, которые Император характеризовал как чистые и лишённые всяких суеверий. Когда прочтение было закончено, мандаринами было высказано пожелание узнать о тех чувствах, наполнявших каждого из нас, наше мнение о том, что в утверждениях Императора является ошибкой. Большинство иезуитов расценило написанное его Величеством как точное и святое. Остальные иезуиты дали общие ответы, но без критики Императора. Падре Фабри и Педрини ответили так: «Мы считаем, что делая такие заявления, Император имеет на это право и основания». Все эти ответы понравились иезуитам и мандаринам» (Fatica, 1996, 65).

Здесь же Рипа подчёркивает свою роль и позицию: «После того как ответы были изложены на европейских языках, мандарины захотели услышать моё мнение. Ни-

когда я ещё не был поставлен в такое затруднительное положение. Я размышлял так, что должен придерживаться в деле веры, которая считает незаконным принести жертвы Конфуцию и прародителям, что Папа считает суеверием, а наш император считает законным и глубоко святым. Я не мог согласиться с иезуитами, не мог отвечать двусмысленно, как мои товарищи из Propaganda Fide. Декреты кардинала де Турнона ясно предписывали отвечать прямо, клеймить нарушителей его и Папы предписаний. Я знал, что, отвечая так, как того требуют декреты кардинала, вызвал бы нескрываемый гнев его Величества и навлёк бы на нашу миссию большие неприятности» (Fatica, 1996, 65). Здесь же Рипа особо подчёркивает: «Из-за того, что кардинал перед смертью много раз настойчиво просил избегать любой возможности и опасности быть изгнанными из Китая и использовать все возможности, чтобы остаться, я решил ответить так: “Чтобы подчиниться Вашей воле, Ваше Величество, я внимательно прочитал все тексты. В них много важного и серьёзного. Оценить всё это – выше моих сил и способностей. Так как я ещё молод для этого, прошу Ваше Величество освободить меня от этого экзамена”» (Fatica, 1996, 66).

104

Рипа часто отмечает, как тяжело ему было во время таких обсуждений, ссылаясь на постоянные упреки и насмешки со стороны иезуитов: «Не успел я закончить мой ответ, как все европейцы разразились хохотом. Мандарины же сказали, что они не скажут о моём ответе Императору, и что я должен присоединиться к общему ответу. По крайней мере, к ответу моих товарищей-миссионеров из Propaganda Fide. Чтобы убедить меня, мандарины приводили различные доводы, но я к ним не прислушался. В конце концов, императору был доставлен текст, устроивший мандаринов и написанный иероглифами» (Fatica, 1996, 66).

Рипа часто сталкивался с тем, что его товарищи давили на него, предлагая давать «правильные» ответы, нужные китайским чиновникам и императору. Миссионеры утверждали, что тогда их миссия имеет больше шансов на успех. Однако Рипа считал это неправильным, от чего часто чувствовал себя одиноким и брошенным даже со стороны своих соратников: «Когда мы вернулись домой, я дал понять моим двум товарищам, почему я не присоединился к их расплывчатому и двусмысленному ответу с точки зрения нашей Святой веры. После долгих споров мы договорились, что к уже данному ответу мы добавим следующие слова: “За исключением того, что касается вопросов чисто христианской веры, мы придерживаемся мнения

его Величества» (Fatica, 1996, 66). Рипа добавляет: «Всё это время мы были в смятении, нас окружали оскорбления и насмешки. Особенно тяжело было мне, так как я отвечал, в конце концов, прямо и откровенно. Меньше всего я обращал внимание на оскорбления и насмешки в виде слов и жестов. Больше всего меня угнетала внутренняя пустота и мрак. Мое сознание было затуманено и мрачно. Мне было тяжело и тревожно. Я постоянно и усердно молился нашему Господу, чтобы он своим священным светом сообщил мне свою небесную волю, чтобы я не ошибался, отвечая Императору. Тревожно от того, что мои ответы, соответствующие декретам кардинала могли поставить под удар существование всей нашей миссии. Иезуиты меня подталкивали давать нужные им ответы. Но это был страшный грех. После смерти кардинала только Папа мог взять на себя такую ответственность» (Fatica, 1996, 70).

С большой горечью Рипа отмечает, что больше всего его угнетала позиция его двух товарищей, которые уговаривали отвечать не так, как требовал кардинал, а как отвечали они. «Эти мои мучения не кончились одним днём, они продолжались более трёх месяцев, пока не пришёл ответ из Кантона от других наших товарищей. Среди них были люди очень грамотные и упорные в своей апостольской миссии. Они написали, что мои ответы были самыми лучшими» (Fatica, 1996, 71).

105

В записках Рипы содержится большой объём описаний процесса ответов на вопросы, поставленные китайцами по поводу религии и ритуалов.

«Первого мая (1712 год) мы передали мандаринам все наши ответы, написанные иероглифами. Однако, изменённые ответы Фабри и Педрины не были приняты. Прочитали также и мои ответы и приказали вычеркнуть слова с просьбой освободить меня от “экзамена”. Потом мы были вызваны во дворец, чтобы передать ответ Императору. Первым отвечал падре Фабри, который представил письменный ответ, заранее переведённый иезуитами на китайский язык и состоящий из трёх частей. В первой части Фабри восхвалял Императора и его мудрость. Во второй части сообщал, что не может входить в подробности, так как не присутствовал при составлении основных текстов.

В третьей части говорилось: “Во всём, что касается нашей Святой Религии, нужно подчиняться тому, что решил Папа». Как только чтение закончилось, господин Цзяо велел порвать документ, смял его и выбросил, ужасно при этом ругаясь. Говорил, что у нас в Святой Конгрегации полная неразбериха в головах. Он приказал всё

переписать, оставив только третью часть» (Fatica, 1996, 67).

Автор «Джорнале» продолжает: «Вторым был заслушан г. Педрини, который представил текст на латыни. Когда господин Цзяо услышал, что в письме указывается на мысли Императора, противоречащие Папе, он был удивлён и огорчён. Он решил, что опять было не так переведено и объяснено, и попросил ещё несколько раз объяснить одно и то же. И когда он увидел, что ответ один и тот же, очень рассердился и приказал написать всё по-китайски» (Fatica, 1996, 67).

Пока делался перевод на китайский язык, Цзяо опять обратился к Рипе и спросил у него ответ и мнение. Рипа ответил, что присоединяется к мнению господина Педрини. После того, как ответы были подписаны, господин Цзяо задал господину Педрини следующий вопрос: «Что в документе противоречит Папе и вам?». На этот вопрос Педрини не хотел бы отвечать, чтобы не раздражать Императора. Однако, господин Цзяо настаивал и спросил, согласны ли присутствующие соблюдать ритуалы Маттео Риччи. Наконец господин Педрини решился и сказал, что нельзя следовать ритуалам Риччи, так как Папа их осудил. Цзяо опять спросил, почему Папа их осудил. Педрини сказал, что не знает, что Папа их осудил по ему (Папе) известным причинам. Опять вопрос: «Откуда вы знаете, что он их осудил?» Ответ: «Когда я уезжал из Рима, Папа сказал, что я должен во всём слушаться кардинала Турнона, который нам разъяснял, каким ритуалам нужно подчиняться, а каким нет. Был также декрет, в котором ритуалы Риччи осуждались». Г. Цзяо сказал, чтобы ему предъявили все декреты. Педрини ответил, что у него нет оригиналов, только копии. «Откуда у вас копии? – был вопрос. «От нашего отца Вильгельма Бонджорно». «А от кого он их получил?» – «От отца Ортиза – главы августинианцев в Китае, который в свою очередь получил от падре Моралиса, главы иезуитов в Макао» (Fatica, 1996, 69). На этом вопросы и ответы пока закончились.

Дав всё подписать господину Педрини, Цзяо опять стал опрашивать Рипу, что именно осудил Папа. Он ответил, как предписывает декрет де Турнона:

1. Жертвоприношения Конфуцию и прародителям
2. Использование табличек с именами умерших
3. Использовать имена *Тянь* и *Шанди* при обращении к Богу, так как *Тянь Шанди* не Бог христиан. Г.Цзяо приказал перевести это на китайский язык» (Fatica, 1996,

Когда этот документ был подписан, г-дин Цзяо обратился к присутствующим с советом написать императору прошение, чтобы он разрешил им продолжать службу при нём в ожидании, когда придёт оригинал от его Святейшества с разъяснениями. Он же сам и продиктовал текст прошения» (Fatica, 1996, 68).

Далее в «Джорнале» отмечается: «От Императора вернулись мандарины и приказали нам встать на колени, чтобы передать нам императорский ответ. Цзяо сказал: “Император утверждает, что до прибытия падре Маттео Риччи не было в Китае ни одного иностранца, в Китае было всё в порядке, и никто ни в чём не нуждался. Потом прибыл Толо (кардинал де Турнон), человек, который ничего не понимал в обычаях и доктринах Китая, и утверждал, что не нужно почитать прародителей. Я должен с этим соглашаться?! Если бы я послал моего человека к Папе, который бы стал убеждать Папу, что не нужно любить Тяньчжу (так они называют нашего Бога), согласился бы Папа с этим?”. После этого, – подчёркивает Рипа, – господин Цзяо обратился только к Фабри и Педрини, чтобы они по приказу его Величества ответили бы на эти вопросы. Они сразу ответили, что Папа никогда бы не позволил не любить нашего Бога. Они также добавили, что не кардинал осудил ритуалы Риччи, из-за которых споры и противостояние, что всё это предписал Папа. Они подчеркнули, что ни его Святейшество, ни кардинал не осуждали политических обычаев Китая. Они осуждали только то, что противоречит нашей Святой Религии» (Fatica, 1996, 71).

Здесь, как и в других местах «Джорнале» Рипа повторяет следующую мысль: «Мы не заставляем китайцев силой обращаться в нашу религию, мы хотим, чтобы они добровольно принимали наш Святой Закон, но при этом отбрасывали бы всё то, что этому Закону противоречит». Здесь же Рипа с сожалением добавляет: «Из-за такого ответа на нас опять посыпались оскорбления, на меня больше всего. И вообще, мне приказали молчать. Якобы из-за того, что я слишком юн, хотя мне было уже 29 лет. При этом мне напомнили, что я сам об этом говорил, отказываясь отвечать в своё время, ссылаясь на молодость». Здесь же Рипа отмечает: «Отец Джузеппе Суареш, заместитель руководителя португальских иезуитов, в качестве представителя ответил за всех присутствующих иезуитов. Он сказал, что Император привёл очень образное и правильное сравнение, когда говорил: “... если бы я послал моего человека к Папе...”, что это сравнение очень подходит к ситуации. Все иезуиты молча согласились с этим.». По записям Рипы потом, но уже дома, один французский иезуит ска-

зал ему, что французы не согласны с таким ответом. В конце концов, в присутствии же мандаринов такой ответ был одобрен молчаливо всеми иезуитами, хотя вопрос стоял о самих основах веры (Fatica, 1996, 72).

Здесь приведем ещё один характерный отрывок: «Из этих и других сведений, которые я сейчас излагаю, чтобы не быть слишком надоедливым, приведу один факт. Стало очевидным, что иезуиты убедили его Величество в том, что это кардинал по своему капризу, а не по указанию Папы, издал декрет 1704 года. Иезуиты не хотели доносить правду до Императора, опасаясь того, что он изгонит их из Китая. Они говорили о том, что Папа приостановил действие декрета кардинала, разрешив те ритуалы, которые кардинал объявил суеверием» (Fatica, 1996, 73).

108

Как мы уже ранее указывали, Маттео Рипа находился в постоянном напряжении и должен был быть внимательным всё время пока находился и работал при дворе. И это прежде всего потому, что император не давал никому ни отдыха, ни покоя. Он искренне хотел добиться истины в том виде, в какой он её понимал. Рипа пишет: «Когда мандарины вернулись от императора, господин Цзяо в присутствии всех сказал, что он доложил Императору о наших ответах. В связи же с моим ответом и ответами двух моих товарищей он объявил следующее: если все европейцы – ранее или вновь прибывшие – будут отвечать так, как эти трое, Император изгонит всех без исключения из Империи. Но так как они умоляют меня оставить их на год-два, в ожидании прибытия ответа от Папы, так как они меня очень просят, я позволяю. Когда же придут ответы от Папы, решим, что нужно делать» (Fatica, 1996, 73).

Чтобы подчеркнуть напряжение, характерное для переговоров с Императором, Рипа прибегает к форме, которую сейчас назвали бы репортажем: «8 мая. В это утро его Величество уехал в Пекин, но уже на следующий день вернулся в летнюю резиденцию. Всё это время я был при нём. 9 мая. Во дворец был вызван Педрини, чтобы вместе с Императором посмотреть и попробовать несколько цимбал. До этого Педрини целый год не вызывался во дворец, и группа Рипы не знала, какие он давал ответы на всё те же вопросы. Это могло быть по вине всё тех же иезуитов, которые распространяли о них “злые слухи” (Fatica, 1996, 73).

«11 мая. Его Величество приказал, чтобы в Татарию вместе с ним поехали падре Бове, Тилис и Фуке. Ничего не говорилось ни о Педрини ни обо мне, что послужило для нас знаком того, что Император был зол на нас. Однако сегодня наш страх рас-

сеялся, так как Император в последний момент позвал также отца Перенина – переводчика, брата Рода, Педрини и меня» (Fatica, 1996, 74).

«18 мая. Иезуиты передали его Величеству меморандум, в котором просили разрешения привезти в Пекин ещё 8 иезуитов – 4 португальских и 4 французских. Однако Император сказал, что нужно дождаться ответов от Папы. В этот же самый день ко мне и к господину Педрини пришли отец Суареш, Фриделии и Мораом с копиями всех подготовленных для Папы документов для того, чтобы мы поставили наши подписи для подтверждения того, что читалось при всех 28 и 29 апреля. Подпись нашего отца Фабри они уже имели. Однако, мы отказались делать это, чем привели иезуитов в ярость» (Fatica, 1996, 74).

«20 мая. Во время нашего пребывания во дворце его Величество послал мне и господину Педрини блюдо жареной рыбы со своего стола. Мы поняли, что его Величество не был так озлоблен на нас, как это представляли везде иезуиты. Он приказал им усердно молиться их Богу и не вмешиваться в политические дела.

28 мая. Опять моя душа беспокойна.

29 мая. Как только я вошёл во дворец, снова был окружён иезуитами, которые хотели, чтобы я поставил свою подпись под письмом, которое Император хотел послать Папе. Они мне даже показывали подпись Фабри. В моём присутствии они уговаривали также и Педрини. Однако, я не сделал этого. Причины этого были следующие:

1. Мы не могли подтвердить того, что копии соответствуют оригиналам, потому что нам их никогда не показывали.
2. Мы постоянно сталкивались с обманом, неразберихой и подтасовками, что могло быть и в этих предлагаемых нам документах.
3. В этих документах содержались непристойные оскорбления в адрес монсиньора ди Канона, кардинала де Турнона и других достойных и уважаемых людей.
4. Всё было и так ясно без новых писем. Был декрет Папы от 1704 года, в котором ритуалы Риччи осуждались. Был декрет де Турнона, подтверждающий декрет Папы. Всё было ясно. Но это было невыгодно иезуитам, которые создали всю эту ситуацию, раздражающую Императора, которого они хотели настроить против нас.

Я знал, что не было прямого указания Императора, чтобы я обязательно подписал то, что не соответствует моим убеждениям, как об этом пытались утверждать

мандарины. Они даже не знали, в каком месте письма Императора должны стоять наши подписи. Господин Цзяо так и сказал: «Мы знаем, что Император хотел бы видеть ваши подписи, но не знаем, в каком именно месте самого письма они должны быть поставлены». Несмотря на это, присутствующие иезуиты настаивали на том, что всё же есть приказ его Величества подписать нами копии, подтверждая, что они соответствуют оригиналу. Я отказывался, за что постоянно подвергался насмешкам и оскорблениям» (Fatica, 1996, 75). Далее Рипа продолжает в обычной для всего «Джорнале» форме повествования: «Однако, после того как г. Педрини обещал подписать, после очередных запугиваний и оскорблений, обещаний дискредитировать меня в глазах Императора, меня силой заставляли подписать». Остерегаясь мести иезуитов, Рипа решил подписать при условии, если ему дадут добавить следующие слова: «Насколько я помню, мне утверждали, что эти копии соответствуют оригиналам, написанным на европейском языке, которые находятся в императорском архиве. Те, что мы читали 28 и 29 апреля 1712 года». Иезуитам понравились мои слова, и все отправились обедать.

110

Далее Рипа пишет: «Перед началом обеда я хотел перечитать документ, составленный иезуитами, в котором должно было быть вышеуказанное добавление, под которым я должен подписаться. Я прочитал и скопировал этот документ, нашёл в нём ссылку на императорский указ нам прочитать и подписать, но не нашёл в нём уже данные нами ранее ответы, в которых содержался главный смысл наших высказываний. То, что мы хотели выразить, не нашло своего отражения. У меня зародилось подозрение, что и другие ранее составленные тексты были искажены и видоизменены. Чтобы быть уверенным в идентичности моих ответов их письменному изложению, я написал ещё одну приписку: «Я, нижеподписавшийся, в 51 год Канси, третья луна, день 30, подтверждаю, что г. Цзяо огласил всем нам, европейцам, императорский указ, в котором говорилось, что отцы Варош, Боволье, Прована и Раймондо отвезли уже императорские письма и декреты, касающиеся дела Толо (его Святейшество г. кардинала де Турнон, светлая ему память) Понтифику. Сейчас отцы Фриделли и Мараон опять должны ехать через Московию и отвезти Понтифику новые письма. В связи с тем, что среди европейцев, находящихся в Пекине, есть те, которые не читают императорских декретов, император приказал, чтобы они их прочитали и указали на те сентенции и мнения императора, которые не соответствуют

их сентенциям и мнениям. О чём ему должно быть доложено» (Fatica, 1996, 77).

Продолжая свои записи, Рипа отмечает, что связи с приказом императора все опять пришли в дворцовое помещение, где стали читать указанные тексты. После этого все перешли в церковь достопочтенных французских отцов и читали сначала латинские и итальянские варианты. При этом давались разъяснения на обычном китайском языке. Количество текстов на китайском и татарском языках было 39, но у достопочтенных отцов-иезуитов их было 66 на европейских языках. При этом присутствовал г. Педрини, достопочтенный отец Фабри и почти все отцы-иезуиты (Fatica, 1996, 78).

Далее Рипа пишет: «2 мая во дворец опять пришли почти все европейцы, находившиеся в то время в Пекине, чтобы дать свои ответы. И опять спросил г. Цзяо: в связи с указанием Императора нашёл ли я в его документах что-либо, что не соответствует моим представлениям. Ответил я следующее: “Повинуясь императорскому декрету, я присутствовал при прочтении указанных документов, которые написаны – часть на китайском, часть на татарском языках. Кроме этого, были тексты на латыни. Верен перевод или нет, не могу судить, так как не знаю в достаточной степени татарского и китайского языков. Что касается содержания документов, естественно, что справедливейший император хотел бы, чтобы я говорил откровенно, не скрывая правды, что не будет обижен, если моя сентенция совпадёт с мнением Его Святейшества Папы. Хочу подчеркнуть, что я много увидел в документах прекрасного и мудрого, мыслей, достойных нашего просвещенного императора. Однако по-прежнему в документах имеются мысли, которые не соответствуют ни моему принципу, ни принципу его Святейшества”».

Будучи опять спрошенным г. Цзяо, какие же это мысли, которые не соответствуют его убеждениям, Рипа ответил, что это:

- жертвоприношения Конфуцию и прародителям;
- использование табличек;
- *Шанди* и *Тянь* – не Бог христиан;

Рипа здесь же отмечает: «Последний раз спросил меня Цзяо: на самом деле это не соответствует учению Вашего Господа? Я ответил: не соответствует» (Fatica, 1996, 79).

Позже, вернувшись во дворец, Рипа сказал отцу Перенину, одному из началь-

ников иезуитов, что он прочитал окончательно составленные документы: там не были включены его последние предложения и ответы.

Далее мы читаем в «Джорнале», что отцы-иезуиты подготовили новое прошение Императору. Вот его основные моменты:

1. В случае, если два посланника, которые должны отправиться в Рим, встретят по дороге посланцев его Святейшества и которые принесут хорошие новости (канонизация запрещённых ритуалов), должны ли они продолжать путь? Или они должны продолжать путь только в случае плохих новостей.

2. Новые иезуиты, которые прибыли в Макао – о которых говорилось ранее, могут въехать в Кантон для изучения китайского языка?

3. Просьба к императору письменно повторить угрозу выслать из Китая всех миссионеров, которые не хотят соблюдать ритуалов Матео Риччи.

4. И, наконец, жаловались на меня, что я не подчиняюсь указаниям Императора и не подписываю документы (Fatica, 1996, 79).

112 Часто Рипа делает лирические отступления, где описывает свои переживания, связанные с происходящим: «Благословен будет всегда наш Бог, который с великой преданностью всегда готов помочь тем, кто ему преданно верит, как это постоянно происходило, когда я был в смятении. Это подтверждалось много раз, в том числе и в этом случае, Бог помог мне избежать опасности». После этого небольшого отступления Рипа пишет, что все ожидали мандаринов, которые отнесли Императору прошение иезуитов. «Они, радостные и довольные, ожидали осуществления своих надежд. Но с возвращением мандаринов всё изменилось. По первому пункту Император ответил, что он больше не хочет отправлять двоих посланников в Европу. Про новых иезуитов, которых хотели перевести из Макао в Кантон, Император сказал, чтобы они сидели там, где находятся сейчас, то есть в Макао. По третьему вопросу Император вообще ничего не ответил. В связи с жалобой на меня он сказал: “Неважно...”. При этом, обращаясь к Рипе, Цзяо сказал: “Вы можете не подписывать”. Эти новости вернули меня к жизни, а иезуитов повергли в смятение» (Fatica, 1996, 82).

3.4 «16 августа. Получил письмо из Кантона»

«16 августа. Получил письмо из Кантона, которое написал мне г. дон Дженаро

Амодеи. Он сообщил, что первого июня пришло в Макао португальское судно, вышедшее из Лиссабона. После этого капитан-генерал Макао огласил приказ португальского короля, привезённый этим кораблём. Этот приказ запрещал оглашение и исполнение папских декретов 1704 и 1710 года. Был также дан приказ аббатам Кордеро, Мариани, Канделла и другим апостольским миссионерам Святой Конгрегации, в том числе, членам семьи и друзья почившего кардинала дать письменное обещание не выполнять указаний Папы. Так как указанные миссионеры отказались это сделать, их поместили под домашний арест с охраной из португальских гвардейцев с запретом доставлять им пищу. Однако, арестованные заявили, что скорее умрут от голода и жажды, чем откажутся от выполнения декретов Папы. Тогда их перевели в тюремный замок. Письмо дона Амодеи заканчивалось просьбой к г. Педрини и ко мне при первой возможности ходатайствовать перед Императором об освобождении узников» (Fatica, 1996, 84).

Далее в «Джорнале» опять приобретает отрывистую репортажную форму, с помощью которой Рипа держит в напряжении читателя: «24 августа. Посоветовавшись о том, что можно сделать для облегчения положения и освобождения заключённых, мы поняли, что все пути закрыты. По той причине, что мандарины и евнухи, к которым можно было бы обратиться с просьбой донести информацию до Императора, были все подкуплены иезуитами, их лидером, которому мандарины и евнухи всё немедленно докладывали. Мы также могли вызвать гнев Цзяо и его окружения, недовольство самого Императора, так как заключённые всеми силами были сторонниками почившего кардинала» (Fatica, 1996, 85).

При таком положении вещей сегодня, 24 августа, г. Педрини представлял его Величеству новый небольшой орган, который очень понравился Императору, который при этом спросил: какие новости из Европы. Г. Педрини, воспользовавшись случаем, сказал, что новостей никаких, кроме той, что наших товарищей из Макао арестовали португальцы и что они просят милости освободить их. Император ответил: «да, да». Большого они не смогли сделать. В следующий раз возможность сказать об этом Императору появилась у них только 29 ноября.

«12 октября. Вместе с другими европейцами, которые жили в Чэндэ, я пошёл приветствовать Императора, возвратившегося с охоты. Г. Педрини сказал мне, что его Величество получил от отца Килиано Стама пакет с письмом, написанным го-

сподину Перенину, чтобы он доложил Императору о том, что в Макао пришёл (уже описанный мною) приказ португальского короля людям почившего кардинала не оглашать и не выполнять папские декреты. В письме было написано также, что на французском корабле, ушедшем из Европы в 1710 году, прибыли два французских иезуита, которые сообщили о том, что Папа приостановил действие своих декретов, осуждавших ритуалы, связанные с суевением. На самом деле это была ложь. Папа ни на минуту не приостанавливал действия своих декретов. напротив, он их несколько раз подтверждал (булла *Ex illa die* и другими посланиями. Целью этой лжи было обмануть нашего монарха, повысить в его глазах роль португальского короля, которого пытались представить борцом за китайские ритуалы, и, одновременно, дискредитировать тех, кто безоговорочно подчинялись указам кардинала и декретам Святого Престола» (Fatica, 1996, 87).

114 29 ноября. Для того, чтобы освободить товарищей из тюрьмы в Макао, Рипа и его соратники решили передать его Величеству послание от его Святейшества Папы, которое пришло ранее в Макао и находилось у узников. Для этого они написали письмо Рипе и г-дин Педрини. Но сами они не смогли этого сделать. Случилось так, что его Величество решил поинтересоваться о европейских новостях у вице-короля Гуандуна, и тот решил представить Императору одного из узников аббата Кордеро с посланием от Папы (Fatica, 1996, 92).

«Когда аббат прибыл в Пекин, вместе с Педрини и отцом Бове он был доставлен пешком во дворец, где некоторое время простоял на коленях перед Императором, который, обратившись к Рипе и соратникам, грозным голосом сказал: «Посмотрите! Это письмо от Папы?» Мы посмотрели и все трое одновременно заявили, что это письмо от его Святейшества. Тем не менее, Император ещё раз спросил: «Кому письмо направлено: мне или Толо (кардинал де Турнон – М.К.)?». Мы опять посмотрели на конверт и все трое одновременно сказали, что письмо предназначено его Величеству. Император опять спросил: «Кому обычно пишет Папа в такой форме?» Все трое опять ответили: «Великим императорам!» Его Величество захотел открыть пакет, не нарушая сургучную печать. Мы сказали, что так открыть невозможно. Тогда Император вскрыл печать и передал послание в руки падре Бове и сказал, чтобы мы изложили содержание письма, что мы попытались сделать с максимальной точностью» (Fatica, 1996, 95).

Интерес, который проявил Император к посланию, был таким большим, что, по словам Рипы, ему стало даже не по себе. Император очень внимательно слушал, «лицо его становилось радостным и гордым особенно в тех местах, где содержались похвалы Папы в его адрес, где содержалась благодарность за приём кардинала, за доброе отношение к апостольским миссионерам (Fatica, 1996, 95). Когда же дошли до осуждения ритуалов, интерес императора не уменьшился, только он спросил два раза: “Итак, Папа осуждает наши ритуалы?” – “Да, – ответили мы, – он их осудил”. “Что именно он осудил? Читайте! Читайте!” – “В этом послании Папа не объясняет, что именно он осуждает». Император настаивал: «Будет сказано дальше! Читайте! Читайте!» (Fatica, 1996, 95).

Чтение и пояснения продолжались. Видя, что Папа не входит в детали, император сказал: «всё осталось, как и было с самого начала» (Fatica, 1996, 96). Г. Педрини ответил на это, что в своём декрете, опубликованном в Нанкине, кардинал объяснил, что именно было осуждено Папой. Император спросил: «Кому именно кардинал об этом сказал?» – «Нам, миссионерам», – ответили г. Педрини и падре Бове. Император задал ещё много вопросов и на наши ответы дал свои суждения. Но если быть кратким, разговор шёл вокруг трёх тем:

- подробности из послания Папы
- почивший кардинал
- наши узники в Макао

Нужно отметить, что Император с большим удовлетворением воспринял послание Папы. Было видно, что он во многом соглашался с Понтификом. Он, например, сказал: «До сегодняшнего дня я не хотел верить никому из вас. Теперь, когда сам Папа в своём письме изложил свои суждения, можно сказать, что он имеет причины и право так рассуждать» (Fatica, 1996, 96). Взяв письмо в руки, его Величество с вдохновением сказал: «Это письмо пришло из далёкой страны, Папа пишет мне о незначительных делах, на этот раз. Поэтому принимаю всё, что там изложено» (Fatica, 1996, 96). Это он повторил несколько раз в разных контекстах. Однако нужно сказать откровенно, что его Величество также подчёркивал, что в своём послании Папа не решает ни одного существенного вопроса. На что г. Педрини отвечал, что Папа решил все вопросы, всё было оглашено Кардиналом. Однако его Величество решил ждать от Папы нового послания, которое напишет, когда получит новое послание

Императора. Это также подтвердили евнухи, бывшие всё время рядом с Императором. Он им сказал: «Придёт, придёт новое послание от Папы. Это, что сейчас у нас, он писал, не получив нашего. На этот раз Папа пишет о простых, маловажных делах» (Fatica, 1996, 96). В связи с кардиналом его Величество постоянно повторял, что сначала по приезду в Китай он вёл себя достаточно хорошо, но потом очень изменился. И Император относил это за счёт тяжёлой болезни кардинала. Его Величество по-доброму относился к кардиналу, всегда ранее интересовался состоянием его здоровья. При этом Император напоминал, что пытался объяснить кардиналу невозможность разрушить систему и практику китайских ритуалов. Без них невозможно исповедование китайской религии вообще. Кардинал же на это всегда отвечал, что, если невозможно исповедовать в Китае нашу Святую Религию, все миссионеры вернутся в Европу (Fatica, 1996, 96).

116

Рипа подчёркивал, что Кардинал твёрдо настаивал на запрещении китайских ритуалов. На это его Величество всегда отвечал, что кардинал должен был сначала изучить вопрос, проконсультироваться, чем издавать свои строгие декреты. Не зная китайского языка, едва прибыв в страну, нельзя полагаться только на книги и на чувства, связанные с китайскими ритуалами. Нельзя также обращаться с европейцами, уже долго живущими в Китае, так, как это грозил сделать кардинал (то есть, вернуть всех в Европу). Его Величество неоднократно подчёркивал, что китайские ритуалы в большинстве районов страны противоречат христианской религии. Император также имел в виду, что различные районы Китая – северные и южные, западные и восточные, центральные – сами по себе очень отличаются друг от друга. И при этом у них есть одно общее: ситуация в них не благоприятствует распространению христианской религии в чистом виде. Если там попытаться запретить все местные ритуалы, то там будет невозможна вообще никакая проповедь.

Всё это, – пишет Рипа, – Император говорил с уважением и любезностью, оправдывая поведение кардинала его болезнью, при этом демонстрируя уважение к святости нашего Господа. Казалось, он говорил с миссионерами по-отечески, с желанием максимально уважить его Святейшество Папу (Fatica, 1996, 97).

Здесь автор «Джорнале» подчёркивает: «Во время разговора мы не молчали, время от времени добавляя что-нибудь к словам Императора. Больше всего мы настаивали на том, что его Святейшество кардинал исполнял декреты Папы, который

утверждал, что запрещённые им ритуалы нарушают чистоту нашей Святой Религии. На это его Величество отвечал нам, что даже сам Папа не имеет права осуждать китайские ритуалы. Ни разу не посетив Китай, он не может знать, какие ритуалы соответствуют, а какие нет христианской религии» (Fatica, 1996, 97).

«Нужно отметить», – замечает Рипа, — «что и отец Бове не отмалчивался». Во время беседы он всячески старался, как говорится, лить воду на свою мельницу. При этом он постоянно поддерживал императора в тех местах, где он защищал ритуалы. Больше всего Рипе не нравилось слышать, когда император говорил о том, что во многих областях Китая местные условия не соответствуют христианской религии, что, если бы даже он захотел её запретить, ему бы не пришлось этого делать, потому что её присутствие там невозможно.

При этом падре Бове постоянно вмешивался (три раза): «Очень хорошо, что ваше Величество говорит это в присутствии этих двоих (Рипа и Педрины), они должны написать об этом в Рим. Там нам, иезуитам, не верят, что Император не отменит ритуалы, что он может выслать европейцев». Иезуиты были уверены, что, если бы Папа знал об угрозе высылки, он бы согласился с ритуалами, или, по крайней мере, приостановил бы действие своих декретов, т. е., по сути, позволил бы практику ритуалов, которые являются суеверием (Fatica, 1996, 99). В продолжение Рипа пишет: «После устного обсуждения Император приказал сделать письменный перевод. Сразу же после начала этой работы Император прислал мандарина взять уже готовое, чтобы быстрее увидеть то, что уже написано. И так несколько раз забирались только что написанные страницы перевода» (Fatica, 1996, 99). Здесь нужно отметить, что по приказу Императора при переводе присутствовал мандарин, который хотел, чтобы Рипа с группой использовали слово «вассал», человек, по сути, находящийся на службе Императора, в тех местах, где Папа писал «его». Против этого Рипа и его соратник выступили вместе, и после долгих споров поставили «его», по сути «я». Более длительные споры были вокруг иероглифа, который ставится на сопроводительном листке, который подаётся Императору в виде прошения от имени подчинённых и стоящих ниже по статусу. Все, даже иезуиты, воспротивились этому. Китайский чиновник сказал, что Император разгневаётся и не примет такое послание. Когда его Величеству был представлен полный перевод, он спросил, есть ли этот иероглиф – форма нижайшего прошения. Ему сказали, что Рипа не написал,

но мандарин сам поставил этот иероглиф. По другим подобным вещам также были длительные споры с чиновниками (Fatica, 1996, 100–102).

118

Рипа приводит и такой интересный факт: «29 марта. Обратившись ко мне, его Величество сказал: “Раньше я не знал, что существуют королевство Франция, королевство Португалия. Я думал, что есть одна Европа и все вы одинаково европейцы”. На что отец Бове добавил: “Есть также испанцы”. На что Император ответил: “Не знаю и знать не хочу”. Падре Бове опять добавил: “Есть не только иезуиты, но и доминиканцы, францисканцы, августинианцы”. Император заметил: “Не знаю этого, но знаю точно, что вы делитесь на три ветви: французы, португальцы и ещё отдельная ветвь – Педрины, Рипа и Фабри. Все эти ветви должны объединиться в одну. Так как большинство в этих трёх ветвях представляют французы и португальцы, нужно сократить их число, чтобы всех было поровну”. Старший от иезуитов сказал: “Нижайше прошу ваше Величество приказать, чтобы все иезуиты, проживающие в Китае, объединились в единое целое под единым руководством, чтобы они были едиными на базе учения Маттео Риччи”. На это его Величество ответил: “Нет, не так. Во времена Маттео Риччи не было споров между французами и португальцами. Все они были европейцы. А сейчас европейцы разделены на три ветви. Эти три ветви должны стать одной, – и повернувшись ко мне и Педрины, сказал, – а эти не хотят следовать процедурам Риччи. Это я тоже не приемлю”» (Fatica, 1996, 104).

Был и такой немаловажный факт, характеризующий императора Канси: «Ранее, это было 7 февраля, Император приехал в Пекин принести жертву Небу и предложил всем европейцам решить его задачу: почему ваш Создатель, как вы его называете в Европе, создавая предметы, сделал их не похожими друг на друга. Даже внутри одного вида вы никогда не найдёте полного сходства. В течение месяца Император получал ответы, но не был доволен. Он приказал опять подумать и дать письменные ответы. Прочитав позже всё написанное, его Величество отметил, что европейцы не очень высокого мнения о своём Создателе» (Fatica, 1996, 106).

Наибольшее место занимает обсуждение текстов и посланий Папы, приводятся полные тексты на латинском языке, а также аргументация сторон «спора» – прежде всего самого Рипы, императора Канси, описание Рипой сути враждебных происков иезуитов и императорских придворных.

Исходя из этого, можно сделать следующие выводы. Основные темы такие:

- происходящее.
- размышления и внутренний мир Рипы;
- окружающая Рипу обстановка во дворце и вне его стен;
- личное участие Рипы в спорах и стычках, его аргументация;
- происки иезуитов;
- характеристика императора Канси и описание его реакции на

3.5 «...отвратительное обвинение мандарина против нашей святой религии...»

В этой части нашей работы говорится об одном из меморандумов, направленных на рассмотрение императору Канси. Рипа в «Джорнале» приводит несколько различных документов. Часть из них не только направлена на поддержание «ритуалов Риччи», но вообще ратует за полное уничтожение христианской религии в Китае, и изгнание всех торговцев и миссионеров из страны. Таких документов было несколько. На этот меморандум обращаем особое внимание, поскольку он является 119 одним из самых больших по размеру, резких и категоричных по содержанию.

28 марта 1717 года Маттео Рипа в «Джорнале» пишет: «...отвратительное обвинение мандарина против нашей святой религии...». Далее приводятся наиболее яркие выдержки из письма императору (Fatica, 2012, 176).

Чиновник Чэнь Мао пишет, что Его Величество император Канси уделяет большое внимание дальним морским границам, и направил его в течение года заниматься подробным исследованием морей в районе провинции Гуандун. В течение двух месяцев Чэнь изучал район Айчжоу, в течение шести месяцев изучал район Наньбао (Fatica, 2012, 207).

По его словам, он лично контролировал всё побережье, где побывал со своими сослуживцами, и лично руководил морскими силами, провёл тщательное исследование островов и островков.

«Я был счастлив убедиться в том, что мощное и доброе имперское управление присутствует везде, принося мир и благосостояние» (Fatica, 2012, 207).

«Но в Макао я неожиданно заметил 10 кораблей, принадлежащих “красново-

лосым”⁴⁶, направляющихся в Кантон для торговли. При этом я подробно описывал ситуацию на морях и недостойное поведение “красноволосых”. Тогда же я получил дня 18, месяца 12, года 55 правления Канси (30 января 1717 года)

“Пекинскую газету”, в которой прочитал Святейший императорский Эдикт. Там говорилось: “...оберегайте морские границы, обращайтесь внимание на поведение иностранных государств, запрещайте их кораблям бесконтрольно причаливать к нашим берегам, не позволяйте их свободное плавание в наших морях, пресекайте их торговые связи, чтобы в будущем избежать крупных неприятностей” (Fatica, 2012, 207).

По словам докладчика, собственные китайские торговые связи развиваются нормально. Острова Рюкю, «когда-то далёкие от нас», приняли и поддерживают китайскую систему государственного управления. «Тайвань отныне часть нашей территории». Здесь же Чэнь утверждает, что Сиам, Аннам, другие государства платят дань, не замышляют никаких заговоров. (Fatica, 2012, 208).

120 Исходя из выше сказанного, и основываясь на том, что европейцы никогда не принимали китайскую данническую систему отношений, чиновник делает вывод: «Только “красноволосые” – раса бессовестных мошенников. Это общее название для наций Запада и Севера, среди которых англичане, русские, голландцы. Это европейцы и индусы – все этнически очень разные – занимают первые места по мошенничеству и насилию. Голландия из стран Запада – самая дикая и жестокая» (Fatica, 2012, 208).

Далее Чэнь утверждает, что его, как государственного служащего особенно беспокоит так называемая религия Господина Неба (Господа Бога).

«Родившись на Западе, эта религия добралась до Филиппин. Во времена Мин через посредство торговых связей добралась и до Японии, соблазняя и обращая людей этой страны. В течение многих лет было обращено много людей, которые осаждают и разрушают Японию» (Fatica, 2012, 209).

«Когда в прошлом религия Господина Неба распространилась на Филиппинах, её последователи овладевали землями этой страны. Эти люди непредсказуемы в своей подлости и хитрости. Если в Японии они овладевали только землями, то на

46 Речь идёт о европейцах. Автор меморандума использует термин *хунмао* дословно «красношёрстные».

Филиппинах захотели овладеть и государством» (Fatica, 2012, 210). Тем самым чиновник даёт понять, что не за горами то время, когда «красноволосые» попытаются завладеть и Поднебесной. Он пишет, что сейчас на территории Кантона европейцы возвели и возводят храмы для своей религии, всё и более проникая «вглубь страны, в города, повсюду». И что больше всего беспокоит Чэня: «И сегодня мы, к сожалению, не знаем, сколько у нас имеется обращённых» (Fatica, 2012, 207).

Завершается это всё призывом: «Нижайше прошу наших могущественных министров, чтобы они немедленно запретили эту религию, заглушить росток вначале, чтобы он не разросся и не распространился. Если ручеек не будет высушен немедленно, он превратится в Жёлтую реку» (Fatica, 2012, 210).

«Если бы целью нашего императора не было гармоничное и безопасное управление, мощное государство, процветающее века и века, я бы не позволил себе предложить его вниманию эти мои слова» (Fatica, 2012, 210).

Из этого следует, что одновременно со «спором о ритуалах», предпринимались шаги, направленные на полное уничтожение христианской религии, когда споры о ритуалах поклонения предкам становились несущественными и бессмысленными. Это даёт нам право предположить, что китайцы в «споре о ритуалах», возможно, руководствовались геополитическими соображениями. И для многих участников «спора» ритуалы и религия были лишь красивым поводом. Истинной же целью было не пустить европейцев на свои территории и не дать им освоиться в Китае. Всё это отражено в «Джорнале» Маттео Рипы, в то время как другие исследователи и очевидцы событий не уделяли данному аспекту должного внимания. «Джорнале» Маттео Рипы даёт нам детальное описание событий вокруг «спора о ритуалах» в Китае в начале XVIII века. В своих мемуарах Рипа старался описать всё в мельчайших подробностях. Делал он это для будущих поколений миссионеров, поэтому считал своим долгом нарисовать картину наиболее правдоподобную, без прикрас и лирических отступлений. Такого рода повествование облегчает изучение деятельности миссионеров по материалам «Джорнале». В «Джорнале» даны описания событий, следовавших друг за другом, Рипа старается не упускать ни малейшей детали, поэтому порой кажется, что текст являет собой тематический документальный фильм, снятый глазами миссионера.

Стоит, впрочем, отметить, что Рипа не всегда был объективен, как бы он ни

старался. В тексте присутствует, на наш взгляд, излишняя критика членов иезуитского ордена, что говорит о Рипе не только как о человеке, равнодушном к ситуации, связанной с распространением христианской религии в Китае, но и о человеке вспыльчивом и порой субъективном. Но, несмотря на некоторую субъективность, «Джорнале» Матте Рипы является полноценным источником для изучения деятельности миссионеров того времени.

Заключение

С точки зрения исторической и религиозной проблема «спора о ритуалах» – фактически эпизод многолетней борьбы церковных, политических и государственных деятелей, учёных, философов, литераторов – с одной стороны, и представителей Compagnia di Gesu и их сторонников – с другой. Полное поражение иезуитов в деле «спора о ритуалах» стало по мнению многих одной из причин закрытия ордена. Климент XI и Канси пытались найти компромиссное решение в споре. Однако люди, на которых опирался Ватикан, оказались неспособны к компромиссам. Святой Престол выдвинул для решения задачи неподготовленных людей. Всегда считалось, что дипломатия Святого Престола – тонкая и эффективная. В случае же «спора о ритуалах» она не проявила ни мудрости, ни гибкости, напротив, продемонстрировала непростительно непримиримое отношение к чужой культуре.

Несмотря на то, что Ватикан спустя многие десятилетия разрешил спор в позитивном ключе, вопрос исторических последствий спора остается актуальным и по сей день. «Спор о ритуалах» довольно быстро приобрел характер войны книг, битвы трактовок как китайской культуры, так и отдельных исторических эпизодов. Рождались мифы, искажалась реальность, фальсифицировалась история. Жертвой пал и наш герой – Маттео Рипа, на многие века вошедший в историю как иезуит, хотя в действительности он был непримиримым противником позиции ордена в «споре», и уж тем более никогда не был его членом. Напротив, он был направлен в Китай конгрегацией Propaganda Fide, боровшейся с иезуитами.

Маттео Рипа прибыл в Китай в самый разгар спора. Из-за всех трудностей, с которыми столкнулись миссионеры в Китае, Маттео Рипа был с самого начала постав-

лен в крайне тяжёлое положение, которое он подробно описывает в своём «Джорнале». Если для Рипы апостольская деятельность была главным делом его жизни, то для императора Китая общение с Рипой было лишь небольшой частью его досуга, одним из множества веселых развлечений. Маттео Рипа объективно находился в тисках внутренних противоречий. С одной стороны – его вера и убеждённость, строгое следование указаниям Святого Престола и самого Папы, его искренний миссионерский порыв. С другой – сложность политического момента и тяга самого Рипы к исполнению миссионерского, а не только служебного, долга.

На момент приезда Рипы надежды на успех христианской проповеди в Китае угасали и причиной тому была прежде всего позиция той организации, которую представлял ее верный солдат – Маттео Рипа. Продолжение «спора о ритуалах» и напряженная обстановка вокруг Шарля Мегро и де Турнона неблагоприятно сказалась на миссии Рипы. Хотя он впоследствии стал пользоваться расположением императора Канси, вначале испытал на себе весь негатив цинских чиновников по отношению к миссионерам и европейцам вообще.

124

Маттео Рипа – единственный из участников «спора о ритуалах», чей созданный различным исследователями образ коренным образом отличается от подлинного. Практически во всех исследованиях последнего времени Рипа представлен как художник-иезуит, посланный в Китай лишь для того, чтобы отвезти де Турнону кардинальскую шапочку. Персональный миф – результат труда его противников, прежде всего иезуитов, стремившихся сгладить историческую память о споре о ритуалах. Мы же надеемся, что своей книгой внесли посильный вклад в восстановление подлинной исторической памяти об этом упорном и верном своему делу человеке⁴⁷.

47 В завершении стоит отметить, что несмотря на то, что последние папы с лёгкостью признали китайские ритуалы, это никак не повлияло на авторитет и память о Маттео Рипе (см. рис. 27–29 Приложения 7).

Приложение

Приложение 1. Выдержки из бортового журнала Маттео Рипы

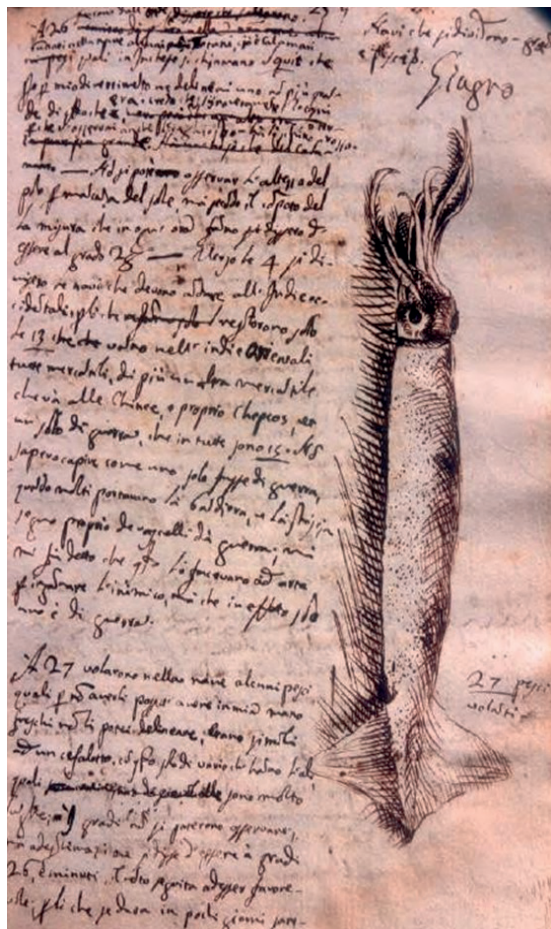
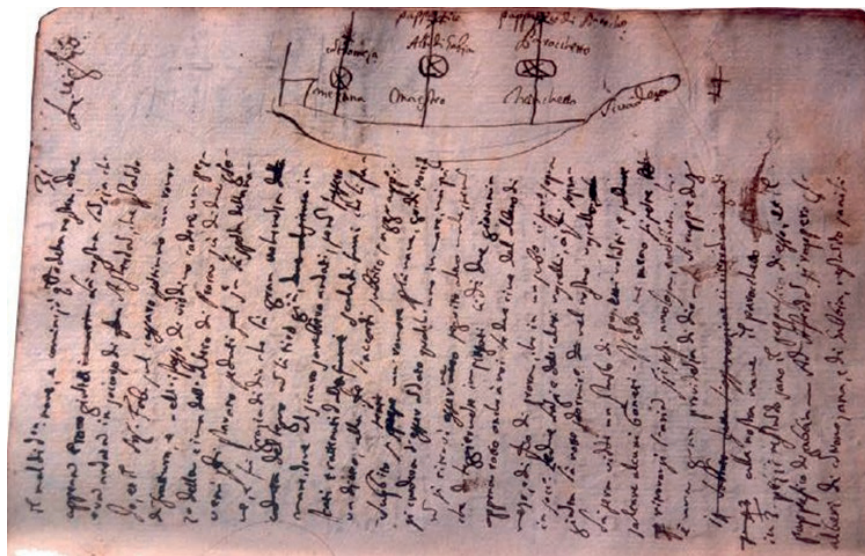

Рис. 1. Как только 4 июля 1707 года английский корабль *Донегал* вышел в открытое море, члены делегации, имеющие задание отвести кардинальскую шапочку легату, находящемуся при Канси, приготовились к длительному и скучному путешествию. Эти дни не могли быть заполнены молитвами и другими религиозными действиями. Миссионеры не могли показывать свою принадлежность к католической церкви и путешествовали в мирском облике. Часть дневных часов использовались Рипой для написания чего-то вроде бортового журнала, на страницах которого он рисовал силуэты и детали экземпляров морской флоры и фауны. Это единственные рисунки, которые от него до нас дошли. 26 июня 1708 года он рисует контур кальмара, с подписью на английском языке *squid* (Рипа использует написание *squit*) (Fatica, 2006, 173).

127

Рис. 2. В июле 1708 года Рипа рисует профиль корабля Донегал, указывая все мачты кор-
мы, центра и носа корабля с указанием их мореходных названий. Указывает также название
парусов (Fatica, 2006, 174).

129

Рис. 4. В своём судовом журнале Рипа отмечает: «Когда акула лежит на животе, невозможно увидеть ни глаз, ни рта, ни ноздрей. Все можно увидеть, когда она лежит на спине, животом, который смотрит в небо. В точках АА – ноздри, в точках СС глаза, Н – огромный рот. У неё три ряда зубов, один за другим, которые нельзя увидеть, если рот не открыт широко. Они большие и острые, как можно увидеть на странице 36 (бортового журнала, – М.К.), буква Q». Рядом с акулой Рипа изображает более мелких рыб, которые цепляются за акулу, называется ремора. Он уточняет, что моряки называют их «socchin fish» (итальянская транскрипция), уточняя, что пишется «sucking fish», на итальянском «pesce succhione». На разговорном английском «live sharksucker». По номенклатуре Линнея «echeneis naucrates» (Fatica, 2006, 176).

Рис. 5. На странице 38 судового журнала Рипа пишет: «Утром в течение многих часов были видны несколько рыб, которых англичане называют дельфинами, указывая, что французы и итальянцы называют «дельфинами» другую рыбу, не эту. Французы называют эту рыбу дорада, испанцы тоже. Когда она находится в воде, её тело и голова жёлто-зеленого цвета, живого и яркого. Когда вне воды, не могу сказать, какого она цвета, потому что он другой». Вероятно, идет речь о рыбе по номенклатуре Линнея «*valenciennea sexguttata*», которая принадлежит к семейству бычковые (Fatica, 2006, 177).

131

Рис. 6. В «Джорнале I» на листе 51 Рипа, обрабатывая заметки из своего судового журнала пишет: «27 числа, находясь на 26 градусах широта, стали наблюдать летучих рыб, но не много. Но на 10 градусах до и после линии экватора число этих рыб постоянно увеличивалось из-за большого тепла. Мне сказали, что существует 5 видов этих рыб, но заметили только 2, и эти 2 мало отличались друг от друга, эти оба вида очень похожи на кефаль, кажется летучей кефалью. Их крылья без перьев, но из хряща, как у летучей мыши». По номенклатуре Линнея речь идёт о «*exocoetus volitans*» из семейства двукрылых (Fatica, 2006, 178).

Рис. 7. На странице 54 судового журнала с датой – пятница 7 сентября 1708 года – Рипа пишет: «Перед высадкой на берег начертил вид Мыса, находясь на корме корабля. Вид А. отсюда казалась овальная бухта, но потом спустившись на землю на гору Льва, увидел, что она была в форме, описанной в двух рисунках под обозначением L-V. Гора Ветра, и не без основания, потому что между ней и Столовой горой появляется несколько туч, тут же дует сильный ветер D-E. На этом виде кажется, что одна гора больше другой, где E вся зелёная и покрыта травой. D – каменистая, с которой, когда появляется приближающееся судно, поднимается флаг, как и на E на острове Робен. F имеет крепость, которая была бы самой слабой в Европе, но она здесь сильная, потому что рядом нет врагов. Позади H – садик (Fatica, 2006, 179).

Рис. 8. В «Джорнале», I, f. 91v Рипа, обрабатывая свой судовый журнал пишет:

«На указанном острове Сан Паоло, который находится на 38 градусах и 12 минутах широты. Очертил его в моём «Джорнале» на странице 91, и этот вид не был длиннее наших 4-ёх итальянских миль. На самом деле все согласились, что был он очень маленький. На той части, что мы видели, не было деревьев, но было много кустов и травы, был безлюден и обитаем морскими собаками. Наши, которые ходили на рыбалку и спускались на землю, говорили, что слышали там голоса овец и коз. Слышали, что было в обычаях португальцев оставлять на открываемых островах по несколько голов, которые размножались. Через какое-то время португальцы возвращались и собирали нужное количество для провизии». В «Джорнале», I, f. 93v под датой 4 ноября 1708 года читаем: «После обеда, при спокойном море увидели черепаху, которая во сне плавала на поверхности воды. Подплыли к ней на вёсельной лодке, перевернули её, связали лапы и втащили на лодку, потом отвезли на наш корабль. Она весила 160 английских фунтов, 16 унций каждый фунт. Последующие дни видели других черепах, которые были взяты таким же образом, они были двух типов: зелёные и тёмные. Оба типа хорошо подходили для еды. Зелёные, однако, были значительно вкуснее. На спине этих черепах находились морские ракушки (в Риме называются telline, в Неаполе tonninole), 5–6 прилепились друг к другу, как это изображено на странице 91 моего судового журнала под буквой А» (Fatica, 2006, 180).

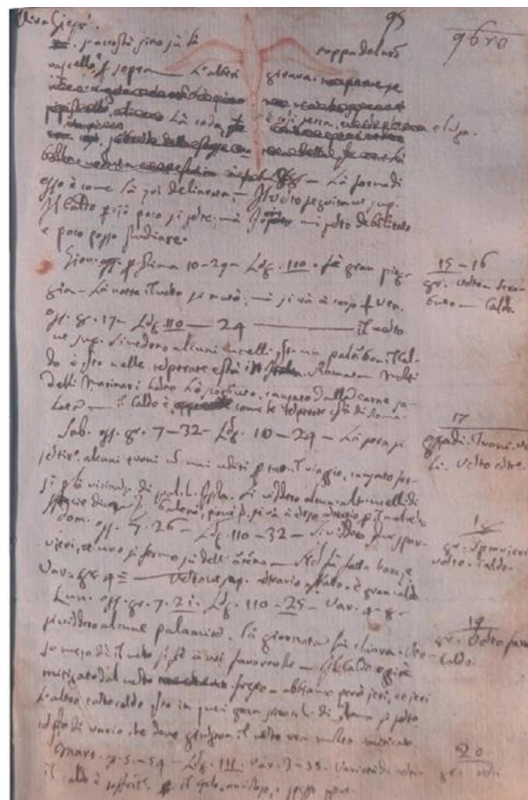

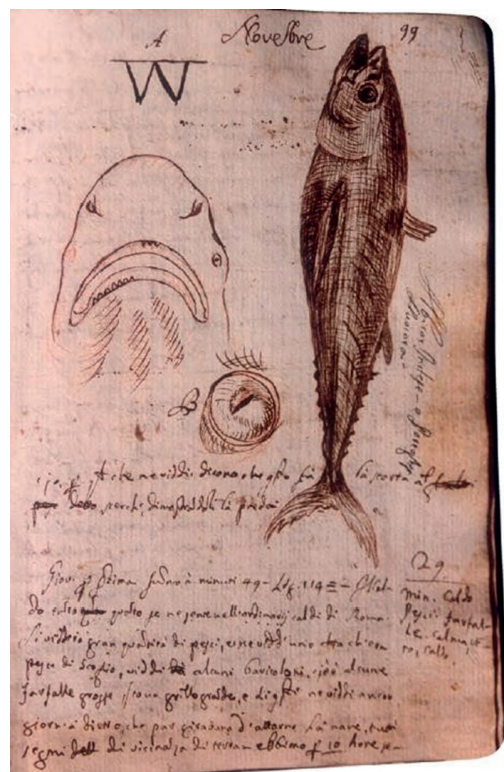
Рис. 9. 14 ноября 1708 года на странице 94–95 своего судебного журнала Рипа пишет: «Увидел птицу, называемую птицей тропиков, потому что они встречаются только в тропиках. Белого цвета величиной с голубя. Села на карме, другие летали сверху. Длинный и сухой хвост» (Fatica, 2006, 181).

Рис. 10. Под датой 23 ноября, на странице 97 судового журнала Рипа замечает: «Ближе к вечеру на флагшток средней мачты села птица, называемая олуш, или сумасшедшая птица. На самом деле носит это имя, потому что позволяет себя поймать, как глупая. Размер курицы, но мясо жилистое, белого цвета, но кончики крыльев чёрные. Клюв вечером мне показался жёлтым, а утром он оказался голубым, подумал так, потому что была мёртвой. Крылья были размером с 6 ладоней, с 4-мя изгибами, как у альбатроса» (Fatica, 2006, 182).

138

Рис. 11. 28 ноября на странице 98 судового журнала Рипа замечает: «Днём поймали scerch (итальянская транскрипция) или акулу. Изучил три ряда её зубов, очень больших по форме как буква А. Указанные 3 ряда располагаются один за другим, и если рот не открыт очень широко, невозможно видеть эти 3 ряда. Глаза небольшие, как на рисунке В. Нить вокруг тела зеленоватая или чёрная. Внутри акулы нашли маленького длиннопёрого тунца». Рипа уточняет, что на португальском языке тунец называется huocora (Fatica, 2006, 183).

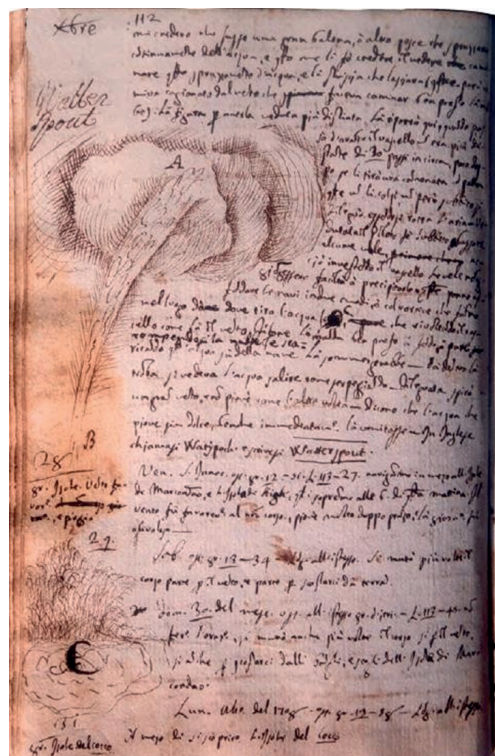

Рис. 12. 26 ноября 1708 года на 2-ух градусах широты корабль Донегал был затронут смерчем. «Джорнале» повторяет судовый журнал стр. 111, как пишет Рипа: «Начался на верхней поверхности тучи (рисунки А), где он был самым широким и сужался на половине пути (В), где потерялся из виду, может быть из-за воздуха на горизонте, который с другой стороны был прозрачный. Внутри него хорошо было видно огромное количество воды, которая ручьями извивалась как змея. Падала и поднималась. Был виден столб дыма, вокруг которого был фонтан воды». 6 декабря 1708 года Рипа наблюдает группу островов, которые он называет острова Кокоса, профиль которых изображает там же где и смерч. На малайском языке соответствует Pulau Pulau Kokos (Fatica, 2006, 184).

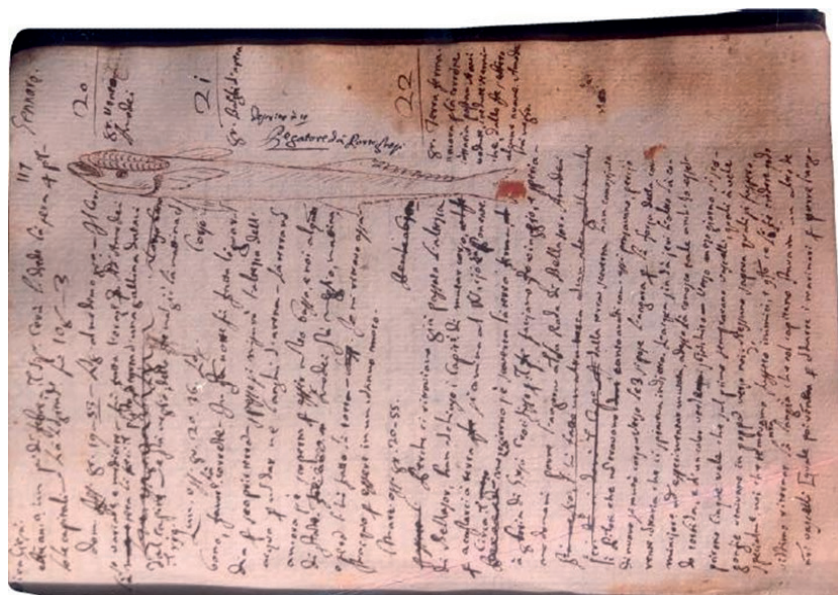

Рис. 13–14. Рисунок рыбы реморы с другого угла. В этом случае Рипа дает дополнительные детали по анатомическим особенностям рыбы, отмечает в «Джурнале»: «Все они цвета утя, и как утри без чешуи, приклеиваются к бортам корабля и в спокойную погоду отлипают и плавают вокруг, развлекая на них смотрящих. Их ловят на крючок. В отдельных местах их очень много, прилипают к кораблю плывут очень быстро (Fatica, 2006, 185–186).

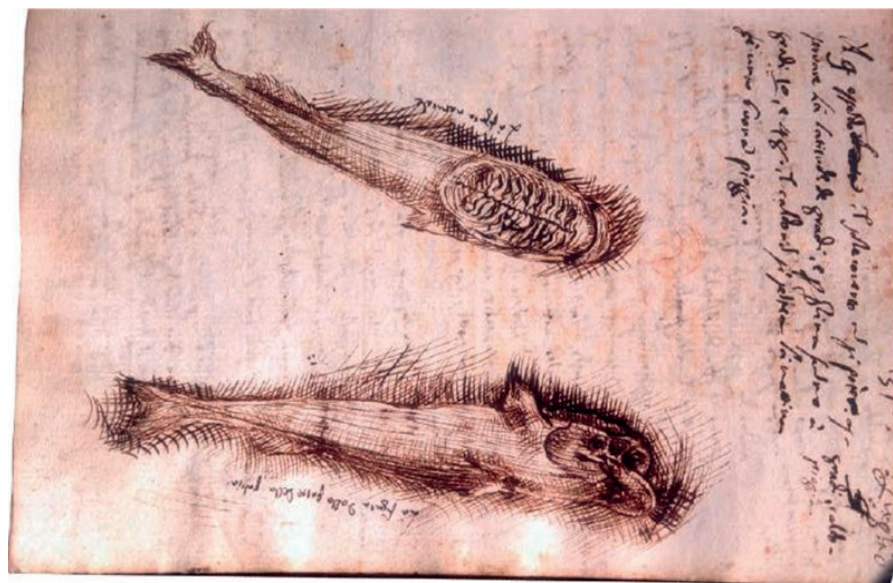
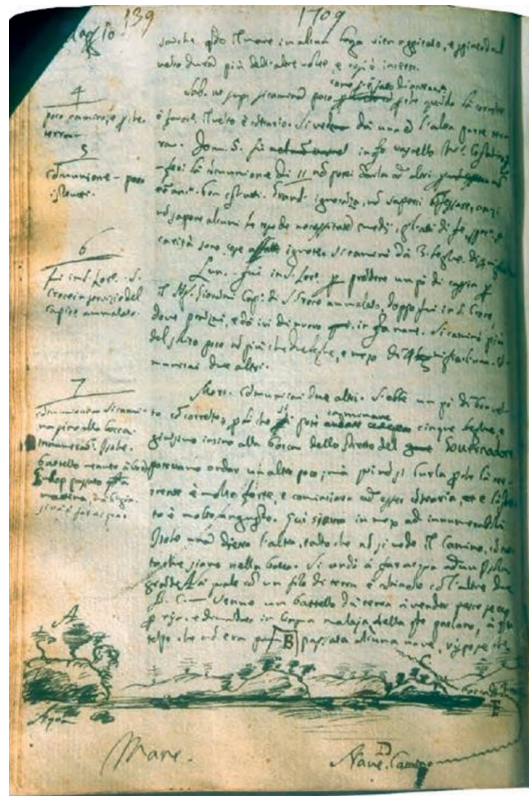

Рис. 14.

142

Рис. 15. 17 мая 1709 года испанское судно «Nostra Signora di Guadalupe», на котором плывёт Рипа входит в Малаккский пролив, опасный течениями и пиратами в засаде. Он пишет: «В 7 достигли входа в пролив и увидели вокруг большое количество островов в зелени, один за другим, и не видно было пути, по которому плыть, мы не знали, куда двигаться вперёд. Приходилось разворачиваться, чтобы найти дорогу. Когда мы были в этом месте, к нам подплыла лодка индейцев, чтобы выменять у нас рис на сушеную рыбу, это малайцы-магометане, подданные короля Джиро, это люди, кораблям которых нельзя доверять (Fatica, 2006, 187).

143

Рис. 16. 18 мая 1709 года, проходя по Малаккскому проливу, Маттео отмечает в своем судовом журнале ловлю нескольких рыб, которых он называет *cissiar* итальянизм от испанского *cicharro*, принадлежащих к семейству ставридовых. По номенклатуре Линнея «*trachurus trachurus*». Рядом со ставридой он чертит контур другой рыбы, по-испански называемой *guivó*, а по-португальски *guivó*, идентификация которой очень сложна. В общем рыба красного цвета, и схожа со средиземноморской барабулей. В это время Рипа плывёт на испанском корабле «*Nostra Signora di Guadalupe*» (Fatica, 2006, 188).

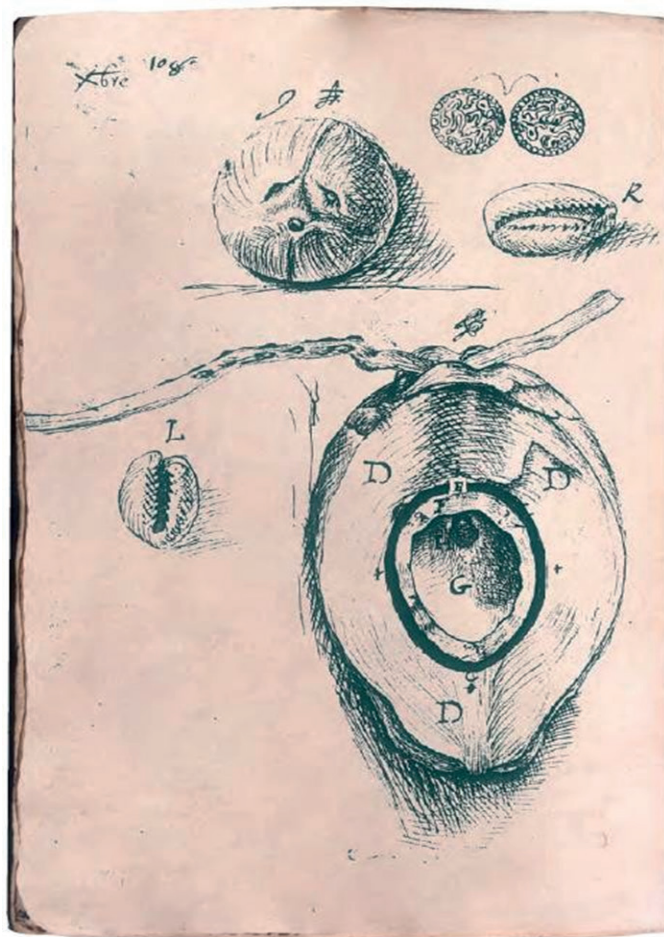

Рис. 17. В день 6 декабря 1708 года Маттео Рипа описывает нападение некоторых моряков Донегала на жителей Кокосовых островов. Добыча состояла из деревянных и железных инструментов, нескольких раковин, продовольствия и 12 золотых монет, как они нарисованы на стр. 108 на правых полях судового журнала. В тот же день он пишет: «Это был первый раз, когда я увидел кокос, и я удивился, увидев его. В одном фрукте такое множество разных вещей для поддержания жизни этих индейцев, т.е. еда, напиток, растительное масло, вид сливочного масла и т.д. и поэтому я нарисовал его в моём «Джорнале» стр. 107–108. Я вознес молитву Богу за то, что он создал такой фрукт с таким большим количеством применений для человеческого существа, и поэтому я потрудился его достойно описать (Fatica, 2006, 189).

145

Приложение 2. Перевод первой половины Главы III из тома II *Storia della Fondazione...* «История создания Конгрегации и Колледжа для китайцев», в которой Рипа подробно описывает переговоры между российским посланником Измайловым и императором Канси.

«В Пекин прибыл полномочный посол от царя Петра из Московии по фамилии Исмаилов и 29 ноября 1720 года совершил публичный официальный въезд в Пекин в сопровождении 90 человек. Процессия шла под звуки труб, барабанов и других военных инструментов. Исмаилов ехал на лошади, по бокам которой шли с одной стороны человек огромного роста, с другой шёл пигмей. Часто из 90 человек шли впереди, часто сзади, кто верхом, кто пешком. Всё в чётком порядке, с саблями наголо, все хорошо одетые. Исмаилов был хорошо сложен, высокий, национальности московской. Владел немецким, французским, немного итальянским и латинским языками. С ним были 4 министра, первый немец, кальвинист, находился в Московии в качестве военнопленного по имени Ланг. Был среди них министр из Рагузы⁴⁸, католик, по имени Николо Кристич (Nicolo Cristiz)⁴⁹. Чтобы вести переговоры с мо-

48 Не путать с С.Л. Рагузинским-Владиславичем, что, как нам кажется, сделал Рипа, который писал об этом через много лет.

49 Николай Павел Крисниц (Христизини) — итальянец на русской службе. Ездил в Пекин одновременно с посольством Л. В. Измайлова, не входя в его состав. Был командирован Коммерц-коллегией (Трусевич Х. Посольские и торговые сношения России с Китаем (до XIX века). М., 1882. С. 36). О характере данного ему поручения узнаем из приговора Сената по докладу Коммерц-коллегии 11 ноября 1772 г. относительно выдачи товаров, вывезенных из Цинской империи спутниками Л.В. Измайлова. «Посылай в Китай при посланнике Измайлове для усмотрения тамошнего купеческого обхождения инкогнито Николай Крисниц, а с ним от господ интересантов шелковой фабрики послано на покупку шелку сырцу

сковитским послом, Его Величество пожелал назначить переводчиков. Для ведения переговоров послом Московии Император приказал назначить переводчиков. Для этого во дворец пришли господа Мурау – португалец, Фризель – немец, Ретис и Малья – французы. Наш неаполитанец Никола Джамприамо, которому тоже нужен был переводчик – он не достаточно владел китайским языком. Все они были предложены императору. Однако император хотел, чтобы среди переводчиков был и я. Он также приказал дополнить список и внести от его имени господ Паренин, Мальи – француз, Мураом – португалец (1), Игнацио Келер – немец, Луиджи Фан – китаец (2) и итальянец Рипа. Вместе с ними главный мандарин, двое приближённых Императора (пажи) – всё влиятельные при дворе персоны. Во время встречи после выражения почтения и уважения, посол сказал, что привёз письмо, которое должен передать в руки лично Императору. Переводчики спросили, знает ли он содержание письма. Он ответил, что есть копия, которую у него тут же попросили. Посол незамедлительно отдал копию царского письма, оно было передано китайцу Луиджи Фану, который начал его читать тихим голосом, потому что плохо понимал (он плохо знал латынь и поэтому ранее потребовалось специальное решение Папы, чтобы Фан мог ежедневно служить мессу). Он читал, перечитывал, снова читал к великой скуке присутствующих. Наконец, он, густо покраснев, сказал, что ничего не может понять. И передал текст нам. Из текста мы поняли, что Царь называет императора своим другом и, чтобы ещё более укрепить дружбу, послал своего посла Измайлова. Просил Императора принять посла, выслушать его и не отпускать в Московию до завершения дела. При этом мы спросили у посла, что это за дело, но сказал, что Царь запретил говорить о подробностях, до того, как Император лично примет его самого и письмо. Но люди Императора продолжали настаивать, что если узнают заранее, дело продвинется быстрее. Наконец посол согласился и сказал, что главное дело – подписать договор между Москвитянами и Китайцами. Такой договор, чтобы избежать споров и вражды в будущем.

Тем временем прислали от его Величества обед, и было сказано, что нужно стать на колени с низким поклоном. Посол отказался, сказав, что он представляет лично Царя, который считает императора за равного себе. Тем не менее посол сде-

до 20 000 рублей, на которые деньги того шелку он вывез» (ЦГАД. Ф. Сенат, оп. 31. кн. 1933, илл. 52—53).

лал реверанс и поблагодарил по нашим европейским обычаям.

Императору было об этом доложено. Он проявил интерес к содержанию письма, к делу, которое посол хотел обсудить. Однако высказал недовольство из-за того, что посол отказался от поклона по китайскому обычаю. Чтобы не доводить дело до разрыва, Император согласился принять публично посла, но не как представителя царя, а как частное лицо, но которое совершит необходимые поклоны. А письмо его господина примет на следующий день.

Посол поблагодарил его Величество за честь быть принятым как частное лицо, но ещё раз извинился за то, что не сможет совершить указанные поклоны, и повторил, что хочет передать письмо от своего господина в ходе первой же аудиенции.

148 В тот же самый день многие европейские миссионеры собрались у императора, который опять спросил, кто будет переводить переговоры с Измайловым. Его Величество думал, что в связи с его приказом я был включён в число переводчиков. Но так как мандарины меня и Педрины ненавидели и не хотели, чтобы мы были свидетелями происходящего, включили в список Реджиса и Малья. Это решение не понравилось Его Величеству, и он приказал подать список в письменном виде. Из поданного списка он выбрал Малья, Кельера, меня и больше не произнес ни одного слова в мою пользу, чтобы не вызывать склок, зная характер своих придворных, которые не хотели включать меня в список переводчиков.

Когда был закончен отбор переводчиков, его Величество приказал передать Измайлову: если он не хочет перед подачей письма совершать поклоны, то его Величество тоже не хочет ни письма, ни подарков от царя. Посол при этом может возвращаться в Московию. На это Измайлов ответил, что прибыл в Пекин, чтобы выполнить поручение своего господина и вручить лично императору письмо, которое привёз, что он не осмелится на такую честь, как быть принятым в качестве частного лица с поклонами. Он также повторил, что не сможет при вручении письма совершить поклоны, но готов на все принятые в подобных случаях в Европе знаки уважения и реверансы, как это делают послы перед королями.

Тогда Император приказал, чтобы главный евнух Гиен Чну, вместе с одним из пажей и великим Мандарина – председателем Трибунала ритуалов и пятью европейскими переводчикам: Паренин, Мурау, Кельер, Малья и Рипа – сказали послу Измайлову, что по отношению к царю было продемонстрировано много почестей, что

будут и другие. В том числе и то, что посол будет принят в Тронном зале. Но посол от этого отказался, чтобы не проделывать поклоны. Мы должны были сказать послу, что это почётная церемония: после поклонов все послы должны класть свои письма на стол, находящийся на некотором расстоянии от трона, на котором восседает император. Со стола письма берет Главный придворный и передаёт его Величеству. Для того чтобы оказать дополнительные почести Царю, послу будет позволено сесть около Трона. Услышав это, посол продолжал настаивать на своём. Приказ его монарха был вручить письмо из рук в руки. И это будет самой большой почестью, которую Император мог бы оказать царю. Тогда главный евнух сказал, что если посол хочет во что бы то ни стало передать письмо из рук в руки, он должен верхом на коне подъехать к Императору, который будет ехать из виллы в Пекин, спешиться стать на колени и передать письмо Императору, который будет при этом оставаться в седле. Отверг и это посол Измайлов как неприличное для его господина. Он настаивал на том, чтобы вручить письмо императору в собственные руки в том же месте, в котором император восседает на троне и принимает иностранных послов. После этого главный паж встал, повернулся к нам и пригласил к выходу.

149

Все европейские переводчики были снова вызваны во дворец, и им был передан декрет, написанный собственной рукой императора, и было приказано послу – уже не от имени Императора, а от имени министерства – ответить письменно строго по каждому пункту. Переводил Малья, но он не знал достаточно хорошо татарского языка. Из-за этого во многих местах перевод был неточным.

Смысл этого императорского декрета, который был направлен Министерством иностранных дел послу, следующий: «Император всегда принимал с большими почестями посланцев зарубежных держав и многие годы поддерживал с Царём добрые отношения. Как только он узнал о приезде его посла, послал ему навстречу несколько важных мандаринов и дал достаточное количество лошадей и другие необходимые для поездки вещи.

Когда посол прибыл в сам Пекин, к нему был послан самый близкий императору евнух, а также пища с императорского стола. Велел также передать послу, что тот будет принят в ближайшее время в тронном зале. Его величество надеялся, что посол должен был оценить это, и никогда не мог подумать, что посол этого не сделает и захочет передать лично в руки письмо своего господина, которого он представлял.

Поведение посла вызвало подозрение. Он претендовал на такой приём, который подобал Царю, если бы он лично приехал в Пекин. Однако, он не царь, а посол Царя, даже если он выдаёт себя за одного из первых министров, в чём император не имеет твёрдой уверенности. Вполне может быть, и это очень вероятно, что он торговец, который, чтобы решить свои дела, выдаёт себя за посла. Но даже если предположить, что его действительно послал Царь, и он действительно его посол, не должен был быть дерзким настолько, чтобы претендовать на передачу письма своего господина в собственные руки Императора, как это делается между близкими друзьями. И всё это без соблюдения церемоний, которые неукоснительно совершаются во всём Китае. В этом случае посол теряет возможность выполнить свою миссию».

После прочтения императорского декрета главный евнух спросил, понимает ли Измайлов или кто-нибудь из его окружения латинский язык. Мы ответили, что понимаем мало. Тогда евнух приказал мне перевести на итальянский.

150 Я подумал, что Измайлов вполне может подумать, что нападки и оскорбления в тексте императорского декрета были сформулированы при моём участии, о чём он по приезде в Московию может сообщить своему царю.

Чтобы исключить гнев не столько против меня лично, сколько против всего итальянского народа, против Священной Конгрегации, чьим миссионером я был. Я ответил, что посол намного лучше знает французский язык. Евнух тут же приказал, чтобы письмо было написано по-французски. Это должен был сделать Перенин, который лучше Мальи знал язык татарский. Это было хорошим оправданием моего отказа переводить на итальянский. Измайлов на самом деле подозревал переводчиков в неприязни к нему, исключая меня. Мне бы эти подозрения были бы очень неприятными. Кроме этого в письме от 18 декабря 1720 года моя Священная Конгрегация просила меня не конфликтовать с послом Московии.

Перевод императорского декрета, написанного по-французски с заверенной копией на татарском языке, мандарины отнесли послу Измайлову. Несмотря на то, что посол был удивлён оскорблениями, имеющимися в декрете, он, тем не менее, повторил свою позицию не делать поклоны и вручить письмо Царя в собственные руки Императора. Узнав, что посол хочет иметь контакт с Императором, а не с Министерством, Император послал нескольких мандаринов и европейских переводчиков к послу, чтобы от его имени сообщить: его Величество считает дом Царя своим домом,

что всегда высоко уважал честь Царя, а также много других добрых слов. Что касается церемоний, Император велел сказать, что если бы он направил своего посла к Царю, то посол вошёл бы с непокрытой головой, что в Китае исключено. Даже перед самим Императором остаются с покрытой головой. Кроме этого, императорский посол выполнил бы все церемонии, которые проделываются в присутствии царя. Как только мы это сообщили, главный мандарин снял шапку перед послом, чем посол остался довольным. Он тогда пообещал выполнить все поклонения по китайскому обычаю и положить письмо на столик недалеко от Императора, сидящего на троне. С этого столика один из пажей или кто-то из высших придворных должен будет взять письмо и вручить Императору.

Мандарины ещё раз согласовали с послом, что он прибудет к воротам дворца так же, как и при первом въезде в Пекин, то есть со своим мечом наголо в руке, со всей своей свитой. Чтобы оправдать свою позицию, Измайлов показал оригинал инструкции царя, в которой был приказ избежать поклонений и вручить письмо в собственные руки Императора.

Церемония был назначена на 9 число месяца (9 января 1721).

В назначенный день посол Измайлов прибыл во дворец, чтобы вручить письмо Императору со всеми церемониями и поклонами, как уже было ранее согласовано.

В большом зале для аудиенций в глубине на возвышении с тремя группами ступенек – одна по центру, две – по сторонам, возвышался великолепный, богато отделанный трон, посредине которого в роскошно украшенном кресле по-татарски сидел Император. Справа и слева от него, но на уровне трона в парадной одежде севера Китая, тоже по-татарски на подушках сидели три сына Императора. На этом же уровне, но уже на некотором удалении стояла охрана с алебардами, пажи, евнухи, высшие офицеры императорской гвардии. Ещё чуть дальше стояли мы, переводчики по приказу Императора одетые в одежду со знаками высших мандаринов.

Ниже трона, уже на уровне большого зала, сидели на подушках высшие мандарины империи, у нас их зовут графами, а также члены императорской семьи. Ещё дальше сидели мандарины чином ниже. Напротив трона почти у входа в большой зал стоял стол, на котором находились разнообразные сладости для Императора. Был ещё один стол, находившийся в атриуме – частью под открытым небом и на более низком уровне. Чтобы от этого стола попасть в большой зал, нужно было под-

няться по ступенькам. Именно на этот стол посол должен был положить письмо. По обычаю посол перед тем, как положить письмо на стол, должен был некоторое время постоять на коленях вне атриума. Однако, по милости Императора посол сразу вошёл в большой зал. Он начал поклоны, держа письмо на уровне своего лба. На этот раз Император, который сначала хотел быть добрым по отношению к Измайлову, вынудил его находиться в этом положении довольно продолжительное время. Лицо посла покраснело от гнева, его губы шевелились – он что-то про себя говорил, крутил головой. Видно было, что он не доволен. Однако Император приказал встать с колен и сразу приблизиться с письмом к трону. Когда посол поднялся с коленей и подошёл к Императору его величество взял (!) письмо прямо из рук посла! Это было ещё одним знаком доброжелательства.

152 После этого посол вернулся на своё место в атриуме и присоединился к остальным. По сигналу все опять стали на колени. Опять проделали девять раз уже известную церемонию. Когда церемония закончилась, Его Величество пригласил посла, который подошёл и опять стал на колени среди нас, четырёх переводчиков, которые стояли. Посол спросил посла, что бы он хотел сказать. Посол на французском языке ответил, что царь, его господин, спрашивает о здоровье его величества, и что царь направил его, посла, чтобы установить тесную дружбу между двумя монархами. Император любезно ответил послу. Тогда Его Величество сказал, что сегодня для него праздничный день и не стоит говорить о делах, но обещал обязательно поговорить в другой день.

Когда все уселись, Его Величество начал говорить и, обращаясь к послу, сказал, что тот не должен удивляться, видя здесь европейские религиозные лица. Одетые как главные мандарины. Они не мандарины, сказал его величество, но одеты так по его приказу, чтобы иметь возможность присутствовать на приёме. В других одеждах это нельзя было сделать. Даже если мы не мандарины, мы заслужили эту честь. Более того, Его Величество сообщил послу, что мы не находимся в Пекине против своей воли, а по своему свободному выбору, чтобы служить Императору. Император нас любит и знает, что мы любим его. Эти добрые слова в адрес всех европейцев Император сказал публично в тронном зале не столько для информирования посла, сколько для того, чтобы объяснить свою позицию воли присутствующим здесь «великим», которые были очень удивлены оказанной нам честью.

Потом Император опять подозвал посла и из своих рук дал ему выпить вина из золотого бокала. То же самое сделал по очереди с четырьмя первыми офицерами посла. Потом все вернулись в зал, где вино было предложено остальным. После этого послу было прислано два стола: один со сладостями и фруктами, другой – с мясом из столовой Императора. Так как все сидели по-татарски на подушках, столы были невысокие, не более ладони. Нам, европейцам, тоже были поданы столы. Все ели, пили, а Император восседал на троне. Во время обеда Император позвал музыкантов, певцов и танцоров, которые всем понравились и даже удивили. Через два часа после начала обеда император удалился. Тогда все совершили всё те же поклоны и начали уходить.

На следующий день Император подарил послу и всем его людям обед. В назначенный день посол Измайлов преподнёс императору подарки царя. Двое больших настольных часов, отделанных алмазами. Одни, большого размера в футляре из хрусталя, внутри которых был виден потрет царя, что непривычно для китайцев – публично выставлять изображение монарха Московии. Были также восемь больших зеркал, несколько футляров с математическими инструментами, уровень, микроскоп. Были также специальные очки для дали, сто шкурков соболя, столько же норки, черно-бурой и рыжей лисицы, несколько компасов, обработанный самим царём на токарном станке.

Его величество принял всё – это тоже признак высокой чести и симпатии (обычно он отбирает только 3 предмета «Джорнале»). Он, в свою очередь подарил послу и его четырём главным офицерам табакерки, отделанные эмалью, изготовленные на императорской фабрике. После обмена подарками сели в тронном зале посол и Император напротив друг друга. После привычных поклонений посол и офицеры ели и пили, вместе с ними переводчики Перенин, Мураом. Кельер и я. Все сидели на подушках из тончайшей ткани. После окончания обеда его величество говорил только о необходимости укрепления мира между двумя монархиями. Потом он попросил внимания и попросил только слушать и ничего не отвечать, и что они должны ответить письменно на своём языке, когда вернутся к своему царю. Всё должно быть написано татарами на татарском, а переводчиками переведено на европейский язык, передано послу, чтобы отвезти царю под большим секретом. Потом говорил Император о многих вещах, говорил, что от здоровья царя зависит спокойствие народов.

Зная о том, что царь строит корабли и часто ими управляет в море, зная о том, что море не всегда постоянно и опасно. Посоветовал царю не выходить в море на кораблях, чтобы не подвергать себя опасности.

Немного поговорили о домах иезуитов, где содержались слоны для службы Императору, который сказал, чтобы посол Московии поехал на обед к иезуитам со своими четырьмя офицерами и несколькими солдатами посмотреть на слонов. Всего этих животных было 33. Они были обучены различным упражнениям и играли. Послу покажут, как они трубят хоботами, как становятся на колени, как танцуют по команде своего дрессировщика. Всё это я переводил вместе с другими переводчиками.

На следующий день опять мы были во дворце по приказу его величеств

– посол, его секретарь Ланг. Опять обсуждались различные вопросы. В конце Его Величество подарил двум москвитам соболиные короткие шубки, вазы из тонкого металла и два стакана вина. По приказу его величеств москвиты были также на обеде у отцов французских иезуитов, которые принимали намного лучше, чем иезуиты португальские. Во время обеда была музыка. Потом были соревнования по прыжкам, бегу, силовым упражнениям. Москвиты были сильнее европейцев.

154

13 марта 1721 года посол Измайлов со своим караваном отбыл из Пекина в Московию. С ним царю были отправлены многочисленные подарки. Так как я был занят другими делами, отправкой каравана занимался другой итальянец Джамприамо и я не могу сказать, что это были за подарки.

Оригинал

Era giunto a Pekin l'Ambasciatore straor dinario, spedito colà da Pietro Zar di Moscovia, di cognome Ismailof, ed a ventinove di Novem bre dello stesso anno 1720 fece la sua entrata pubblica in Pekin col seguito di novanta uomini ni, con suono di trombette, tamburo, ed al tri istromenti militari. Entrò Ismailof a cavallo portando da un lato un uomo a piedi di smi surata altezza, e dall' altro lato un pigmeo Li suddetti novanta uomini di suo seguito, parte an davano avanti, e parte dietro, chi a cavallo, e chi a piedi, tutti con buon ordine disposti, con spade sfoderate in mano, ed assai ben vestiti . Era l'Ismailof di buona statura, e presenza, di mazione Moscovita, e possedeva oltre la lingua Tedesca, la Francese meglio dell'Italiana, e sa peva ancora un poco della Latina. Quattro erano i suoi Ministri

, il primo de quali era di na zione Alemanno di Religione Calvinista, che si ritrovava in Moscovia prigioniero di guerra , e di cognome Lang, ed il quarto era di Ragusa, di Religione Cattolico , e si chiamava Nicolo Cristiz.

Per trattare con questo ambasciadore Moscovita voleva Sua Maestà destinare gl'Interpreti, che perciò vennero in questo giorno in Pa lazzo i signori Mouraom Portoghese, Regis, e Maglia Francesi, Fridelli Alemanno, ed il nostro Napoletano Nicolò Giampriamo, che aveva bisogno pur egli d'interprete, non ancor sapendo bene la lingua Cinese. Tutti questi cinque furono proposti all'Imperadore, Sua Maestà però, che tra gl' Interpreti voleva efficacemente ancor me , di proprio moto ordinò , che andassero a complimentare in suo nome l'Amba sciadore i signori Parrenin, che non era stato nominato , e Maglia Francesi, Mouraom Portoghese , Ignazio Keglier Tedesco , Luigi Fan Cinese, e Ripa Italiano , assieme con un gran Mandarinò , e due de' suoi Gentil' uomini , osiano Pagi, persone tutte di grande autorità. Giunti che fummo dall' ambasciadore dopo i primi complimenti, dimandato rispose, che aveva una lettera del Zar suo Signore da presen tarla a Sua Maestà nelle proprie sue mani: al lora fu dimandato, se ne sapeva il contenuto, e rispose, che ne teneva la copia, della quale es sendo stato richiesto, l'esibì subito, e da quel signori fu data ad interpretare al Cinese Luigi Fan, perchè era scritta in Latino, senza scusarsi la prese il signor Fan, e cominciò a leggerla sotto voce, ma perchè non l'intendeva (ap pena sapendo leggere, e pur malamente il Lati no, di sorte che fu di bisogno, che ottenesse dispensa dal Papa di poter dire ogni giorno la Messa di nostra Signora), leggeva, e rileggeva, e non finiva di leggere con gran tedio de gli astanti. Gli diedero sul principio tutto il tem po da considerarla, per poi ben tradurla in Cinese, indi cominciarono a sollecitarlo per non esser di vantaggio sospesi, quando in fine non potendo più dissimulare, fu costretto a confes sare con suo gran rossore , che non l'intende va, e data ad interpretare a noi altri , fu al l'istante eseguito , ed il contenuto di quella era di ricordare il Zar a quell'Imperadore, che chiamava suo amico, la buona amicizia, ed ar monia sempre tra di loro passata, quale per vieppiù stabilirla, aveva inviato Ismailof suo legato, pregandolo a volerlo ammettere nella sua presenza, sentire tutto quello, che sarebbe stato per esporgli, essendo tutto di suo volere, e non rimandarlo in Moscovia prima di vedersi termi mato l'affare, per lo quale l'aveva spedito. Parlandosi nella lettera di negozio, fu l'am basciadore più , e più volte dimandato da que" signori, quale questo si fosse , ma l' accorto Ismailof sempre costantemente rispose, aver ordine del suo Signore di non parlarne , se non dopo essere stata ricevuta la lettera dall' Impe radore , ed

in tal modo riconosciuto per suo Legato, ma perchè que signori non finivano d' insistere a volerlo anticipatamente palesare, vinto l'ambasciadore dalle tante molestie diman de, disse alla fine, che tutto il negozio si rag girava di stabilire il contratto fra Mescoviti, e Cinesi, ed il modo di farlo, per evitare le liti nell'avvenire. Nel mentre che ancor stavamo parlando coll'Ambasciadore, giunse il pranzo, che Sua Maestà gli mandava, ed allora essendogli stato detto da quel signori, che avesse fatta la solita genuflessione, con inchino di testa a terra in azione di grazie, ricusò egli di farla, allegando di rappresentare la persona del Zar, che trattava quell'Imperadore Cinese da eguale: che avrebbe non ostante fatta una riverenza, ed un ringraziamento al nostro uso Europeo, e di questo si contentarono quel signori, non avendo potuto avere quello, che desideravano. Subito riferito a quella Maestà l'accaduto coll' Ambasciadore, quanto godè sentire qual fosse il contenuto della lettera, e quale il megozio, ch'era venuto a trattare, altrettanto le dispiacque sentire la ripugnanza, che aveva in fare le indispensabili riverenze, e prostrazioni all'uso di Cina. Dissimulò tutto bensì, e per conseguire l'intento, senza venire a qualche rottura, prese per temperamento il mandargli a dire, che aveva determinato riceverlo a vere la lettera del suo Signore, che portava alla Maestà Sua. In questo stesso giorno ritrovandomi io con molti Missionari Europei nella presenza dell'Imperadore, furono questi da quella Maestà nuovamente dimandati, quali erano gl'interpreti, che per la legazione d' Ismailof avevano scelti. Credeva Sua Maestà, che avendo loro colle parole, e col fatto tanto chiaramente insinuato, che tra il numero di quelli da loro proposti, includessero me ancora, si fossero finalmente indotti a propormi; ma perchè i Mandarin miei malevoli nè me, nè il Pedrini volevano in questi affari per testimoni, furono proposti i signori Regis, e Maglia. Dispiacque a Sua Maestà tale risoluzione, e dopo varie interrogazioni, e risposte ordinò finalmente, che le dessero in scritto i nomi di quelli, che proponevano per interpreti, ed essendole dati in scritto i nomi delle stesse persone, cioè del Regis, e Maglia, allora l'Imperadore ne elesse egli tre di sua volontà, e questi furono il Maglia, il Keglier, e me, che in questo fatto non volli mai aprir bocca, per dire una sola parola in mio favore, per non suscitare disturbi, sapendo il carattere di quelle persone della Corte, che non mi vole vano incluso nel numero degl'Interpreti. Ultimata, e conchiusa l'elezione degl' Interpreti, ordinò Sua Maestà, che si dicesse da sua parte all'Ambasciadore Ismailof, che se non voleva le prostrazioni, e gl'inchini, prima di presentarle la lettera del suo Signore, la Maestà Sua non voleva ricevere nè la lettera, nè i regali inviatile dal Zar, e poteva andarsene via in Moscovia. A questo l'Ismailof rispose,

essere egli venuto in Pekin per compiere la commissione del suo signore, ch'era di dare nelle proprie mani di Sua Maestà la lettera, che per lui portava; che perciò prima di compiere la sua commissione, non ardiva di ricevere l'onore di essere ammesso all'udienza di Sua Maestà, come persona privata con fare le dette prostrazioni, ed inchini, ed essendo stato dimandato, se in presentare tale lettera avrebbe fatto tali prostrazioni, ed inchini, rispose che non l'avrebbe fatto; ma che avrebbe fatto bensì le riverenze al modo Europeo, solite a farsi dagli Ambasciatori avanti a Re, a quali dagli altri Re sono Invlati. Comandò allora Sua Maestà, che il primo Eunuco della sua presenza Signor Guei-Ciu, as sieme con uno de'suoi Paggi, con un gran Mandarin Presidente del Tribunale de Riti, ed i cinque Interpreti Europei, cioè Parrenin, Mouraom, Keglier, Maglia, e Ripa dicessero all'Ambasciadore Ismailof, che a riguardo del Zar gli aveva fino a quel punto fatto tanti onori, desideroso di fargliene degli altri, e specialmente quello di riceverlo in Trono, che da lui era stato ricusato, per non fare le solite prostrazioni. Che l'inalterabile, ed onorifico cerimoniale di Cina era, che dovessero gli Ambasciatori dopo fatte le prostrazioni, ed inchini, porre la lettera, che portavano sopra una tavola a questo fine preparata a vista del Trono, nel quale siede l'Imperadore, acciò sia presa da un Grande dell'Imperial Corte, e presentata a Sua Maestà: e che sebbene questo sia il modo più onorifico, ciò non ostante essendo egli Ambasciadore del Zar, per far più onore al suo Signore l'avrebbe ammesso di vantaggio ad entrare, e sedere nella Gran Sala, nella quale stava eretto il Trono. Che oltre a questo modo di presentare a Sua Maestà qualche scrittura, vi era pur quello, che si usa da chiunque le porge memoriale, il che si fa per via de' Tribunali: che essendovi questi due modi soli per presentare scritture a Sua Maestà, eliggesse egli quello, che più gli aggradiava. Sentì l'Ambasciadore, ed al secondo modo che gli fu proposto, rispose con un sorriso, ed al primo disse, che l'ordine del suo Sovrano era di presentare la lettera nelle proprie mani di Sua Maestà, e che questo sarebbe stato l'onore, che Sua Maestà avrebbe fatto al suo Signore, se così l'avesse ricevuta. Allora disse l'Eunuco, che supposto, che in ogni conto voleva consegnare la lettera nelle proprie mani dell'Imperadore, egli le proponeva il terzo modo, ed era di porsi in quel punto a cavallo, e giungere Sua Maestà, che stava in cammino dalla Villa a Pekin, ed inginocchiato avanti la Maestà Sua, che andava in sedia, presentarle la lettera, avvertendolo bensì, che non sarebbe stato questo modo di onore del Zar. Rifiutò l'Ismailof anche questo partito, come indecoroso al suo Padrone, ed insistè in voler dare la lettera all'Imperadore nelle proprie sue mani nel luogo stesso, nel quale assiso nel Trono

suole dare udienza agli altri Ambasciatori; a quale proposizione ch'era più esosa alla superbia de' Cinesi, sorrise l'Eu nuco; ed il Paggio voltato a noi disse, in lingua Cinese, ch'era un uomo stordito, e senza ragione, ed alzatici tutti, si sciolse il congresso. Furono nuovamente chiamati in palazzo gli Interpreti Europei, e lor fu dato ad interpretare un decreto scritto di propria mano dell'Im peradore, con ordine però, che s'intimasse all'Ambasciadore, non già in nome suo, ma del Tribunale, con ordinare di vantaggio a voce, che si obbligasse l' Ismailof, a rispondere in iscritto a punto per punto. Fu interpretato dal Maglia, il quale non possedendo la lingua Tar tara a perfezione, perciò in molti luoghi non dovette essere molto esatta l'interpretazione. Il contenuto di quest'Imperiale Decreto, su di cui scrisse all'Ambasciadore il Tribunale de gli Affari Esteri, è il seguente = Diceva sulle prime, che l'Imperadore fino a quel punto ave va ricevuto, e trattato sempre con onore tutti gl'inviati da Estere Potenze, e conservando da molti anni buona armonia col Zar, tosto che seppe la venuta del suo Ambasciadore in Pekin, spedito aveva alcuni Mandarini per ineontrararlo, e per preparare cavalli, e quanto fatto avesse a lui di bisogno nel viaggio. Arrivato in Pekin, mandogli un Eunuco della sua presenza col dono de' cibi della sua Mensa, e gli fece dire, che dopo alcuni giorni l' avrebbe ricevuto in Trono. Credeva la Maestà Sua, che per tanto favore avrebbe dovuto egli rimanerle obbligato, e non mai pensava, che avesse potuto ricusarlo, dicendo di volere asso lutamente presentare nelle sue mani la lettera del suo Signore, la di cui persona egli rappre sentava; cosa, che aveva dato a tutti sospettare della sua condotta. Al certo se egli pretendeva di ricevere gli stessi onori, che sarebbe conver nuto farsi al Zar suo Signore, se di persona por tato si fosse in Pekin; senza dubbio sufficienti non erano quel riguardi, che fin allora eransi avuti per lui, dovendo allora praticarsi delle convenienze, e cerimonie affatto nuove, e sin golari. Egli però non era il Zar, ma un Am basciadore del Zar, e neppure di questo ne ave va la Maestà Sua testimonianza sicura, spaccian dosi egli per tale, come vantavasi ancora di es sere uno de'suoi primi Ministri. Poteva darsi, e questo era molto verisimi le, che fosse un Mercadante, che a fine di me glio riuscire ne'suoi negoziati, mentisse la per sona di Ambasciadore. Ma supposto che fosse vero di essere stato spedito dal Zar, e che fos se veramente un di lui Ambasciadore, non do veva perciò essere tanto audace, fino a preten dere di presentare nelle proprie mani di Sua Mae stà la lettera del suo Signore, nel modo stesso, come un amico la presenta all'altro, senza vo lere osservare quelle cerimonie, che indispensa bilmente debbono osservarsi da tutti in Cina, le quali ben note esser dovevano non meno a lui, che allo Zar. In

questo modo avrebbe egli perduto, e non conseguito il fine della sua Ambasciata. Queste ed altre simili cose conteneva il Decreto Imperiale, che in sostanza riducevansi al lo stesso, e conchiudeva, che dando molto a sospettare la condotta dell'Ambasciadore, il Tribunale degli Affari Esteri si fosse incaricato di prendere rigorosa informazione di tutto, e che con ogni distinzione, e chiarezza scritto avesse su tutti i punti dell' Imperiale Decreto, e ne avesse esatta risposta fra un determinato tempo dall'Ambasciadore. Terminata che fu la suddetta versione, l'Eu nuco ci dimandò se Ismailof, e gli altri della sua Corte intendevano la Lingua Latina. Gli fu da noi risposto, che l'intendeva assai poco. Al lora l'Eunuco ordinò a me, acciò la facessi in Lingua Italiana. Ora io considerando, che l'Ismailof avrebbe potuto credere, che l'invettive fat tegli dall'Imperadore nel suo Decreto, fossero state fatte colla mia cooperazione , e che al suo ritorno in Moscovia ne avrebbe tenuto ragguagliato il Zar, per isfuggire l'odiosità non tanto verso di me come particolare, che questo mi avrebbe importato poco, quanto contro la Na zione Italiana, e contro della Sagra Congregazione, della quale era io Missionario, risposi, che l'Ambasciadore assai meglio dell' Italiana intendeva la Lingua Francese; il che essendo stato inteso dall' Eunuco, subito ordinò che si facesse in Francese, siccome fu eseguito dal Par renin, che assai meglio del Maglia sapeva la Lingua Tartara, e fu buon per me l' essermi scusato, perchè l' Ismailof entrò effettivamente in sospetto degli altri Interpreti, e non mai della mia persona, e se fosse accaduto, che di me ancora avesse sospettato, mi sarebbe dispia ciuto assai, perchè dopo con lettera di Monsi gnore di Pekin in data del diciotto di quel me se di Dicembre 1720 mi fu raccomandato a no me della Sagra Congregazione. La traduzione del Decreto Imperiale scritta in Francese, assieme colla copia autentica in caratteri Tartari, fu portata da Mandarinì al l' Ambasciadore Ismailof, senza gl'Interpreti Europei, e venni a sapere, che niente restando l'Ismailof dall'invettiva fattagli sorpreso, replicò nuovamente le sue pretenzioni di non voler fare le accennate prostrazioni, ed inchini, e presen tare la lettera del Zar all'Imperadore nelle pro prie mani. Ritornarono i Mandarinì dall'Ambasciadore Ismailof colla risposta anche scritta dall'Impe radore, ma con vele più basse, ed in nome del Tribunale, colla di lei versione pure fatta in Francese, ed a questa ancora diede l'Ismailof la stessa risposta, di non voler fare le prostra zioni, e di voler consegnare la lettera del Zar nelle proprie mani dell' Imperadore. Vedendo l'Imperadore, che l'Ambasciadore persisteva saldo nel suo proponimento non più in nome del Tribunale, ma direttamente in nome suo con vari Mandarinì inviò gli Interpreti Europei, tra quali era io, all'Ambascia dore Ismailof, ed in nome e parte di Sua Mae stà gli

dicemmo, che la Maestà Sua considerava la Casa del Zar, come sua propria, che aveva cura del suo onore, come del suo istesso, e con altre simili buone parole, e toccante la penden za delle cerimonie, gli mandò a dire, che se egli spedito avesse al Zar un suo Ambasciadore, da quel punto prometteva, che avanti il Zar si avrebbe scoperta la testa (quale avanti lo stes so Imperadore si tiene sempre coverta in Cina, e non altri, che i soli rei di morte, o quelli che per tali si confessano la scovrono), ed avrebbe fatto tutte l'altre cerimonie, che in Moscovia si usano avanti il suo Signore; il che appena detto da noi, il primo Mandarinino si scoprì la testa avanti l'Ambasciadore, ed allora fu , che rimasto l' Ismailof soddisfatto, e convinto, promise di fare le suddette prostrazioni ed inchini all'uso Cinese, e di porre la lettera sopra di un tavolino a vista dell'Imperadore, sedendo nel suo Trono, da dove un de' Paggi, o siano gentil' uomini la dovesse prendere, e portarla a Sua Maestà. I detti Mandarinini all'in contro in nome di quella Maestà accordarono all'Ambasciadore, che venisse sino alle porte del Palazzo nello stesso descritto modo, sicco me era entrato in Pekin, cioè con ispada sfo derata in mano, con suoni, ed altro. Volle poi giustificarsi l'Ismailof, e mostrò l'istruzione ori ginale datagli dal Zar, nella quale tra l'altre cose, che gli aveva imposto, una fu di sfug gire a tutt' uomo di fare le accennate prostra zioni, ed inchini, e di dare la sua lettera nel le proprie mani dell'Imperadore. In risposta fu da Sua Maestà appuntata la funzione per li nove del mese. Nel giorno prefisso si portò l'Ambasciadore Ismailof a Palazzo, per presentare la lettera al l' Imperadore colle solite cerimonie, e prostra zioni, secondo erasi già convenuto, e la fun zione seguì nel modo, che sono a descrivere. Nella gran Sala di udienza era situato in fondo di essa su di un piano elevato, cui ascen devasi per tre scale, una di fronte, e le altre Tomo II. Due laterali il maestoso e ricco Trono , nel di cui mezzo su di una sedia fastosamente addob bata seduto alla Tartara stava l'Imperadore, alla sua destra, essendo la sinistra giusta il costu me di settentrione la più degna in Cina, sede vano tre de' suoi figliuoli, pure alla Tartara, ma su de cuscini al piano del Trono sulla de stra medesima, e nello stesso piano, ma più discosto dal Trono ritti in piè stavano prima gli Alabardieri, indi i Paggi, gli Eunuchi, ed i primi Uffiziali della guardia Imperiale, e poco appresso stavamo noi altri Interpreti, tutti ve stiti come era l'ordine dell'Imperadore con ve sti ed insegne de grandi Mandarinini. Nel basso del Trono, o sia nel piano della gran Sala in diverse file su de cuscini assai umili sedevano anche nel lato destro, nella fila d'avanti i pri mi Mandarinini dell'Impero, in quella d'appresso i Kun-ghiè, che noi diremmo Conti, Signori della famiglia Imperiale; dietro stavano molti altri gran Mandarinini, e nell'ultima fila

sedevano i Mandarinini di ordine inferiore. Di rimpetto al Trono quasi sull'ingresso della gran Sala eravi una tavola decentemente apparecchiata con varie sorte di cose dolci per Sua Maestà. Un'altra vene era nell'atrio scoperto della gran Sala; ch'era pur grande, ma restava in piano più basso, salendosi da questo alla Sala per molti scalini. In questa tavola doveva l'Ambasciadore deporsi la lettera da presentarsi all'Imperadore. Al lato destro della tavola, ma più indietro stava in piedi l'Ambasciadore aspettando la venuta dell'Imperadore, che andar «a sedere nel Trono, nel modo che si è detto, corteggiato da primi Signori, e Mandarinini del suo Impero. L'Ambasciadore ancora veniva accompagnato da circa ottanta persone del suo seguito, che gli stavano d'appresso. Seduto che fu l'Imperadore nel suo Trono, cui ascese per la scala di mano sinistra, essendo saliti gli altri per quella di mano destra, si dette ordine da lui di trasportarsi dentro la gran Sala, restando quasi nel mezzo la tavola, ch'era nell'Atrio scoperto, su della quale doveva depositarsi la lettera, che portava l'Ambasciadore, e questo fu un onore, che volle dispensargli la Maestà Sua: poichè secondo prescrivevano i rituali Cinesi, avrebbe dovuto l'Ambasciadore depositare la lettera sulla tavola, stando in ginocchio fuori dell'Atrio, ed in questo modo soddisfece a tale cerimonia dentro la gran Sala. Salito allora l'Ambasciadore venne subito a prostrarsi avanti la tavola tenendo nelle sue mani elevate fino alla fronte la lettera del Zar, che presentar dovevasi all'Imperadore. In questa occasione la Maestà Sua, che prima volle esser generosa verso l'Ismailof, lo mortificò, facendolo stare un buon pezzo di tempo in quella situazione, del che avvedutosene l'Ambasciadore montò in collera, e con i movimenti della bocca, e col girar, che faceva piedi, Sua Maestà prese la lettera dalle sue proprie mani, che fu un altro riguardo, che per distinguerlo, usar seco volle, e così gli concessero quello, che prima non si compiacque d'accordargli. Ricevuto ch'ebbe la Maestà Sua la lettera dall'Ambasciadore, ritornò questi, condotto sempre da maestri di cerimonie, nel suo pristino luogo fuori dell'Atrio scoperto, da dove poco dopo essendosi spiccato, andò a situarsi, tenendo la stessa linea nel mezzo dell'Atrio scoperto, dirimpetto la scala, per cui montavano alla gran Sala in faccia al Trono, ove sedeva l'Imperadore, e dopo di lui stava la gente più onorata della sua comitiva, che veniva seguita da soldati, e servi. Stando tutti così in ordine si diede principio alla solenne funzione. Al segno del primo maestro di cerimonie tutti s'inginocchiarono, e dopo esser stati un poco di tempo in tale sito, al nuovo segno tutti s'inclinaron colla testa sino al suolo, facendo per tre volte questa funzione. Indi alzatisi in piedi, e di nuovo inginocchiati replicarono tre volte la stessa cerimonia, in modo che s'inginocchiarono tre

volte, e nove volte colla fronte s'inchinarono fino al suolo. Terminata che fu la funzione, fu l'Ambasciadore chiamato da Sua Maestà, e portatosi su del Trono ; stando in ginocchioni, per mezzo di noi quattro Interpreti, che stavamo in piedi, fu da Sua Maestà dimandato cosa aveva da dirle? Rispose l'Ambasciadore in lingua Francese, che il suo Signore dimandava della sua salute, e che aveva inviato lui per Ambasciadore per vieppiù stabilire l'amicizia fra loro, e ch'egli ancora si prendeva l'ardire di dimandare della sua Imperiale salute. Rispose Sua Maestà a questa dimanda con gran cortesia: indi soggiunse, che quel giorno non era atto a parlar di negozi, essendo giorno di festino, che perciò si riserbava parlargli in altro tempo, ed ordinò che si facesse sedere colla sua gente. L'Ambasciadore fu fatto sedere sopra un umile cuscino nel fine della fila, in cui erano i Kun-ghiè signori della famiglia Imperiale, come si è detto sopra, standogli ap presso nel fine dell'altra fila, che seguiva , quattro de' suoi primi Ministri, e non più , essendo rimasto tutto il restante della sua gente fuori dell'Atrio scoperto nel sito loro destinato. Seduti che furono tutti, cominciò Sua Mae stà a parlare, e dirigendo il suo discorso al l'Ambasciadore, disse non doversi maravigliare in vedere noi Europei Religiosi, vestiti con vesti, ed insegne di grandi Mandarinì : Che noi non eravamo Mandarinì, ma che vestivamo in tal forma per ordine suo, e questo a fine di potere assistere a quella funzione, nella quale non conveniva assistere eon altri abiti; però bisognava sapersi , che se noi non eravamo Mandarinì, non era da inferirsi perciò, che non lo meritassimo, ma che questo proveniva da che noi ricusavamo simili dignità , e posti ono rifici, che se l'avessimo voluto, egli non avreb be mancato darceli: così parimenti voleva, che non si fosse meravigliato in vederci seduti nel sito più vicino al suo Trono, e più onorevole del suo, e degli altri Grandi, e Mandarinì, do vendo considerare, ch'era luogo fuor di ordi ne, a noi dalla Maestà Sua destinato per quella funzione, quando al contrario il luogo nel qua le esso Ismailof sedeva, era dell'ordine de' suoi Grandi. Di più voleva che sapesse, come noi Europei non stavamo in Pekin per forza, presi in guerra, o da sopra le navi, che approdavano ne' suoi porti, e trasportati per forza in Pekin , ma vi eravamo da lontani paesi spontaneamente e di nostra libera volontà venuti, ad oggetto di servirla. Che in tal dì l' assistevamo , e ser vivamo per Interpreti, non già forzati, ma in vitati a ciò fare dalla Maestà Sua. Che eravamo persone, che in tutto il tempo del suo regnare non mai avevamo commessa alcuna colpa, per cui avesse avuto motivo di riprenderci, e molto meno di punirci. Che la Maestà Sua ci amava, perchè vedeva essere amata da noi. Queste ed altre simili parole molto onorifiche a tutti gli Europei disse quella Maestà Sua in quel di pub

blicamente dal Trono, e non tanto per infor mare l'Ambasciadore, quando per giustificare se stessa avanti tutti que Grandi, che stupivano in vederci tanto onorati. Terminato ch'ebbe quella Maestà il descritto elogio in onore degli Europei, fece all'Am basciadore varie dimande di cose indifferenti. Indi chiamatolo avanti di se, colle proprie ma ni gli diede a bere del vino in una tazza d'oro, e lo stesso successivamente fece cogli altri quat tro suoi primi Ufficiali, che dopo di se sedeva no nella gran Sala; il che fatto, ordinò a suoi Grandi, acciò a cinque a cinque facesseeeo venire gli altri del seguito dell'Ambasciadore sino alla porta della gran Sala, ed a tutti si desse a be re, siccome fu eseguito. In questo mentre in viò all'Ambasciadore una tavola piena di cose dolci, ed un altra di carne della sua propria mensa. Perchè sedevasi alla Tartara, come si disse, colle gambe incrociate su di umilis simi cuscini, perciò le tavole erano alte non più di un palmo in circa. Noi Europei avemmo ancora le nostre tavole, e l'ebbero altresì tutti gli altri, che sedevano nella gran Sala, e tutti mangiammo, e bevemmo, stando Sua Maestà in Trono. Nel mentre si mangiava fece Sua Maestà sonare, e cantare da suoi musici all'uso di Cina: indi fece ballare due fanciulli pure all'uso di Cina, quali si portarono tanto bene, che all'Ambasciadore, ed a noi Europei fu di gran stupore. Nell'Atrio, nel quale stava il resto della comitiva dell'Ambasciadore, fece che al tri Cinesi pure con balli li divertissero, e do po due ore in circa di pranzo, e divertimenti partito l'Imperadore, andammo nel luogo, nel quale dagli altri Europei eravamo aspettati dentro del Palazzo, dove tutti prostrati avanti i Mandarin, ringraziammo Sua Maestà dell'onore a tutti compartito col detto grande elogio fatto pubblicamente in lode degli Europei; e Sua Maestà per l' Eunuco Ciug-Fu ci mandò a dire , che ci aveva in tal forma pubblicamente lodati, acciò da tutti si sapesse il bene degli Europei, e nello stesso tempo restasse sepolto il male ; che sebbene avesse castigato il Pedrini, quel fatto era rimasto inter domesticos parietes, essendosi condotto con lui come il pa dre fa verso suo figlio , ma che niente ne ave va pubblicato fuori. La mattina seguente inviò Sua Maestà a re galare all'Ambasciadore, ed a tutti della sua comitiva un pranzo, e perchè la Maestà Sua stava-alla Villa , e l'Ambasciadore in un ango lo di Pekin, perciò dovemmo camminare a ca vallo più di tre ore. L'Eunuco fece all'Amba sciadore tante dimande parte per ordine dell'Im peradore, e parte di sua testa, che dovemmo star colà sino alle tre passato mezzogiorno, in di dovemmo ritornare correndo alla Villa , e perchè io stava digiuno, mi debilitai di manie ra, che appena mi reggeva a cavallo, e molto più mi debilitai dopo per aver dovuto seguitare a stare digiuno a Palazzo. Nè questo mi accad de una sola volta, potendone contare delle mol

te, qual caso io scrivo per fare intendere, qual era la mia vita, e di vari altri Missionari in quella Corte, che io solea chiamare una galera Onorata. In un giorno destinato l'Ambasciadore Ismailof presentò il regalo inviatole dal Zar, con sistente in due mostre di orologio, fregiate di diamanti. Un orologio grande con cassa ornata di cristalli, nella quale si vedeva il ritratto del Zar, che fece mal senso a que'. Cinesi, per ve dere esposto al pubblico il ritratto del Zar di Moscovia. Un bello scrigno parimenti ornato di cristalli. Da otto specchi grandi, alcuni cassetti mi d'istrumenti matematici, un mezzo circolo grande, un livello, un microscopio; alcuni occhialoni di lunga vista, cento pelli di zibellino, ed altrettanto di armellino, e di volpe negre, e rosse, alcune bussole lavorate al torno dallo stesso Zar, nè mi ricordo altro. Sua Maestà ri cevè tutto, il che come dissi altrove è segno di speciale onore, e donò all'Ambasciadore, ed a suoi quattro uffiziali una tabacchiera smaltata, fatta nella sua fabbrica Imperiale. Dopo di avere l'Imperadore ricevuto il det to regalo, stando assiso nel Trono privato, am mise avanti di se l'Ambasciadore, e due de' suoi uffiziali, e dopo de'soliti inchini, prostrazioni li fece in presenza sua mangiare, e bere, come pa rimenti volle, che facessero gli Interpreti signori Parrenin, Mouraom, Keglier, ed io, sedendo tutti sopra alcuni cuscini umilissimi, di finissima paglia tessuti. Terminato che fu il pranzo trat tò Sua Maestà solo della pace da conservarsi fra le due Monarchie. Indi imponendo attenzione a Moscoviti, con replicato ordine, che doves sero solo sentire senza darle risposta, e che scri vessero in lor lingua , quanto era per dire , e che riferir dovevano poscia nel loro ritorno al Zar. Che si scrivessero parimenti da Tartari in Tartaro, e da noi interpreti in lingua Europea le sue parole, e si desse la versione all' Amba sciadore, per portarla al Zar , come un grande arcano. Cominciò poi la Maestà Sua a parlare , e dopo un grande apparato di cose , disse che dalla salute del Zar dipendeva la quiete de' po poli, ed avendo inteso, che aveva fatto fabbri care alcuni Vascelli, su de quali di persona ma vigava, stante l'incostanza del mare, lo consi gliava a non farlo , per non esporsi al pericolo di perire. Finito che ebbe di dire, vedutosi dal l'Ambasciadore verificato il detto, che parturient montes, nascetur ridiculus mus, poco mancò che non ridesse, siccome già rise meco, quando do po ci ritrovammo da solo a solo. Non molto discosto dalla casa del Padri Gesuiti Portoghesi stava il serraglio, ove nudri vansi gli Elefanti, che teneva quel Monarca per suo servizio , volle perciò un giorno la Maestà Sua , che l'Ambasciadore Moscovito andasse a pranzare in casa de'suddetti Missionari con i suoi quattro Uffiziali , e con vari soldati per indi portarsi a vedere gli Elefanti in numero di tren tatre, ch'erano addestrati a vari esercizi, e giuo chi, che fecero ad essi fare in presenza

dell'Am basciadore , facendo ad alcuni sonare col naso da tromba, altri ginocchiare, ed altri ballare al comando di chi l'alimentava. Come interprete v'intervenni ancora io con quasi tutti gli altri Europei. Il giorno dopo fummo per ordine di Sua Maestà chiamati tutti a Palazzo, e fummo a suoi piedi assieme coll' Ambasciadore Ismailof, ed il suo Segretario Signor Lang , cui dopo vari di scorsi di cose indifferenti al fin donò Sua Maesta una veste per ciascuno di pelle di Zibellino, un vaso di metallo fino, e due bicchieri di vino. Andarono ancora per ordine di Sua Maestà i Moscoviti a pranzo nella residenza de'Padri Ge suiti Francesi , che li trattarono nel pranzo as sai più splendidamente de Portoghesi. Vi fu di vantaggio Musica delle migliori di quelle parti, che pur non è ingrata all' udito, e dopo vi furono salti, e vari giuochi di destrezza di piedi di destrezza di mano, i quali al comune sentire di tutti que Missionari di varie Nazioni , e de' suddetti Moscoviti, superano i nostri di Europa. Il dì ventitre di Dicembre del 1720 arrivò. nella Villa Imperiale di Cian-Ciun-Juen, con altro nome detta Ha i -tien dove da Pekin era ritor nato quell'Imperadore, un Medico, ch'era Sa cerdote, di nazione Milanese, chiamato D. Do menico Volta . Subito dovemmo andare a Palazzo i Signori Parrenin, Mouraom, ed Io. Es sendo arrivato io prima di loro fui introdotto solo col Volta da Sua Maestà , la quale dopo alcune dimande fatte al Medico di cose indifferenti, si fece toccare il polso. Nel toccarle il polso disse il Volta a Sua Maestà, che per formare un adeguato giudizio della sua Imperiale salute, avrebbe dovuto osservarlo anche la sera , e la seguente mattina , ed avendolo osservato la sera, prima che la Maestà Sua andasse a letto, la mattina seguente al lo spuntar del Sole ci trovammo tutti a piedi della Maestà Sua , che ancor stava nel letto , e nuovamente , si fece osservare , e fu ritrovato stare in salute assai bene . Osservai in tale occasione, che il letto della Maestà Sua era capace di cinque, o sei persone, tanto era grande, ed era senza lenzuola all' uso di Cina , ove si dorme immediatamente sopra il matarasso , e sotto la coperta. La faccia del materasso era di pelle di agnelli, e così pure la faccia interiore della coltre, di modo che dormiva dentro pelli di agnelli, ed in Cina si dorme del tutto ignudo. Perchè non si dà caso, che un Imperadore si lasci vedere in letto , perciò stando noi alla presenza sua, ci disse: Voi siete Forastieri , e pur mi vedete nel letto ? Al che rispon demmo, che avevamo l'onore di vedere la Maestà Sua in letto, perchè ci trattava come figli. E Sua Maestà con benignità molto grande soggiunse , io vi considero come persone di una stessa casa, o sia come parenti molto stretti.

Ai tredici di Marzo del 1721 partì dalla Regia di Pekin per Moscovia l' Ambasciadore Ismailof colla sua Caravana , seguito dal Signor Giampriamo nostro Italiano, di cui ho fatto

men zione avanti, portando parimenti per lo Zar mol ti regali inviatigli dall' Imperadore. L'essere io stato tutto occupato in altri affari, fece che po co badassi ai regali suddetti, che perciò di que sta ambasciata, per non espormi al pericolo di errore, non ne dico altro.

Приложение 3. Письмо, представленное чиновником Фань Шаоцзо на рассмотрение в министерство ритуалов (Скопирован Маттео Рипой)

С почтением, я, Фань Шаоцзо, имперский цензор, ответственный за дела в провинциях Шаньси и Юньнань, с сыновней почтительностью и благоразумием, сообщаю о нежелательном проникновении еретической религии, которая будоражит массы и отравляет умы людей, смиренно молю Его Величество строго запретить её для того, чтобы выправить сердца людей и сохранить традиции. Я смею полагать, что с давних пор процветающая доктрина, которую святые мудрецы передавали, и унаследовали её принципы, основанные на человеческой добродетели и справедливости, с соблюдением ритуалов и доверия им, и на практике отношений между князем и слугой, отцом и сыном. Доктрина есть только одна, не может существовать иной. Это то, что было передано с древних времен. Наш император принимает все меры, чтобы народ уважал и почитал конфуцианскую доктрину, подавлял и пресекал ложные учения, поощрял честное поведение.

Изданные императором указы, предельно ясны, доброжелательны, эффективны и подробны. Его Величество в сжатой форме 16 заповедей, предоставил руководящим органам империи, невежественным и скромным. Люди в повседневной деятельности и в повседневной жизни следуют им с уважением, не ленясь, наслаждаясь ежедневными обновлениями имперских реформ, чей свет распространяется по всему миру. Сейчас есть люди с Запада, которые, не зная страха, ведут странные разговоры, говорят о религии, которая называется религией Небесного Владыки.

Они учат, что Небесный Владыка был рождён (сыном) во времена правления императора Ай Ди династии Хань, предположительно во втором году эпохи Юаньшоу от одной целомудренной молодой святой женщины из Иудеи по имени Малия (Мирия), с целью создать из её чистой крови человеческое тело с человеческими чувствами. Его имя записывается как Yesu. Спустя 33 года после рождения, он принял муки на конструкции в форме цифры 10, утверждая, что берёт на себя все преступления и грехи людей. Это всё. Какой разговор! В империи с древнейших времён никогда не было таких рассуждений. Приверженцы этой религии говорят, что принимают крещение; тех, кто следует религии долгое время, обучают таинствам, и говорят пить святую субстанцию. Я не знаю, что это за чертовщина! Последователи этой религии называют друг друга семьёй и самостоятельно определяют грешников и преступников. Говорят об уважении праздников, об уважении к исповеди, к вознесению и падению в пропасть (ад). Более того, оно строят храмы, где поют свои классические тексты, объясняющие доктрину. Несколько десятков образуют группу. По ночам они собираются на рассвете расходятся; господа и слуги сидят вперемешку, у мужчин и женщин одни и те же храмы. Ещё они оскорбляют святых и мудрецов, нападают и насмеваются над духами и божествами, не зная их. Те, кто обратился к этой религии, все теряют голову, как сумасшедшие. Всё, что они говорят в своих личных разговорах, всё, что они делают, идёт вразрез с установлениями имперского правительства. Сами они говорят, что практикуют подобные обычаи в их религии. А также для своего культа они составили такие книги как: «Учение святого тела», «Истинный принцип всех вещей», «Ответы на вопросы мирян». Эти книги они печатают во многих экземплярах и распространяют по всему Китаю. Известные литераторы и интеллектуалы предлагают свою помощь, исправляя их. Их слова исходят от разочаровавшихся и сумасшедших, вдоль и поперёк там невозможно найти нити логики. Иногда они смешивают цитаты из Четверокнижья и Шести классических книг для украшения своих ошибок и совершенствования, написанного ими. Таким образом, они говорят: «Наши слова такие же, как слова Конфуция и Мэнцзы. Наша религия так же, как религия святых и мудрецов прошлых поколений». Так ловко скрывают свои опасные и злобные выходки. Как это возможно, чтобы Его Величество сейчас даже на один день согласился гостеприимно принять этих новых людей? Святейшее Небо всегда остаётся в своём величии. Людей, вещи, горы, реки, животных, расте-

ния, – Небо окружает их и держит их внутри себя. И какая религия в состоянии соперничать с этим? Только наш император, высшая добродетель, высшее совершенство, может стремиться соответствовать этому. За это он приносит жертвы Небу и несёт ответственность, молясь за хороший урожай. Он возвеличивает и принижает, доводит до нужного уровня, он выражает свои размышления и принимает доклады без усталости. Но в религии Небесного Владыки не только фермеры и торговцы, но и низкие прислужники, мясники и другие семьи подлого рождения, поклоняются образу Небесного Владыки, вслух с уважением молятся Небесному Владыке, прикрепляют к двери магический символ цифры 10. Профанация, которая переходит в реальность, что ещё хуже, из-за чего большие и фундаментальные законы первенствуют над нормами империи. Ввиду того, что европейцы являются явными экспертами в астрономии и математике, Его Величество использовал их, чтобы составлять и исправлять официальный календарь. Поэтому их обязанность – посвятить себя прилежному служению нашему имперскому государству. Так почему же они имеют наглость разрушать Китай в свете Солнца без соблюдения законов («нарушать закон среди бела дня») и дают жизнь суеверной секте, которая будоражит массы и угнетает народ? По этой причине мы негодуем! Будда и Лао-цзы пришли процветать! Сердца людей рискуют провалиться в темноту. В прошлых поколениях святые и мудрецы держали в страхе тех, кто пытался осквернить истинное учение. До сегодняшнего дня ещё не оскудела добродетель нашего Императора, который почитал и поклонялся Конфуцию и Мэнцзы, прославлял 6 классических книг, которые являются основой Учения. Он основательно наполняет великой добродетелью сердца людей и поощряет традиции, угодные природе. Сегодня люди Запада, действуя распушено и говоря без очереди, воруют у Конфуция и Мэн-цзы, представляют ошибки как истину, отрицают Будду и Лаоцзы, демонстрируют и проявляют склонность к своей практике. В древние времена учитель Янчжу действовал в своих интересах, а учитель Мо в интересах всеобщей любви. Культ Небесного Владыки на словах не такой как остальные учения, но его практики отклонения от Учения одинаковы. Я информирован, что на территории столицы, в Чжили и других провинциях среди народа есть те, что верят в эту религию. Также не исключено, что люди, которые читают книги и умеют писать находятся в заблуждении. Хотя эта религия не сильно распространена в Поднебесной, есть опасения что со временем может широко

распространиться, постепенно заражая, (проникнет глубоко, нанося вред человеческим сердцам. В этом случае её будет сложно искоренить. Одним словом, чтобы оставить её незначительной, нельзя допустить её возвышения и распространения. Прошу смиренно, чтобы в Министерство обрядов был направлен имперский указ о строгом запрете. Чтобы в будущем принимать строгие меры против тех людей, которые прикрепляют на дверях своих домов таблички со знаками описанной религии и выставляют в своих жилищах свои святые изображения. Должен быть выпущен императорский указ, постановляющий силой искоренить это, а также запретить ночные и дневные собрания для молитвы. Если будут рецидивисты, нужно придумать, как их наказать. Вдобавок, нужно отобрать у людей Запада разрешение по собственной воле выходить из дворца на улицы первой второй и третьей категории, чтобы они не обольщали людей на улице. Западные печатные книги к определённой дате предать огню. Для случаев обнаружения нарушения запрета и новой печати их канонических книг установить строгие и жёсткие меры наказания, чтобы иметь возможность окончательно вывести из строя и уничтожить суеверную секту. Добродетель народа восстановит своё единство, и мы получим подлинную общественную мораль, в сердцах людей будет больше искренности, а также наше подлинное Учение не будет больше подвергаться нападкам. В отношении суеверной секты нужно применить строгий запрет, поэтому я нарушил правило на ограничение в иероглифах: применяя правило, было бы трудно изложить на жёлтой карточке.

Я смиренно прошу Его Величество приказать Министерству Обрядов исследовать, доложить и разработать закон. Пишу с уважением и прошу имперского порядка.

Написано в 14-ый Лунный день, представлено императору на 11-ый день.
Императорский указ: необходимо изучить и представить в Министерство.

Приложение 4. Меморандум Чэнь Мао к императору Канси. Запрос ограничительных мер и изгнани купцов и миссионеров из Срединного Государства в меморандуме от 1717 года (Скопирован Маттео Рипой)

Учитывая то, что Его Величество уделяет большое внимание дальним морским границам, я нижайше в течение года занимался подробным исследованием морей в районе провинции Гуандун. В течение двух месяцев изучал район Айчжоу, в течение шести месяцев изучал район Наньбао. При этом я контролировал лично всё побережье, где мы побывали. Я лично руководил морскими силами, провёл тщательное исследование островов и островков. Я был счастлив убедиться в том, что мощное и доброе имперское управление присутствует везде, принося мир и благосостояние.

Но в Макао я неожиданно заметил 10 кораблей, принадлежащих «красноволосым», направляющихся в Кантон для торговли. При этом я подробно описывал ситуацию на морях и недостойное поведение «красноволосых». Тогда же я получил дня 18, месяца 12, года 55 правления Канси (30 января 1717 года) «Пекинскую газету», в которой прочитал Святейший императорский Эдикт. Там говорилось: «...оберегайте морские границы, обращайтесь внимание на поведение иностранных государств, запрещайте их кораблям бесконтрольно причаливать к нашим берегам, не позволяйте их свободное плавание в наших морях, пресекайте их торговые связи, чтобы в будущем избежать крупных неприятностей».

Так как Его Величество общается не только с девятью большими министрами,

но и выслушивает чиновников более низкого ранга, я, вдохновлённый осторожностью Яо и Шуня озабочен состоянием безопасности и предупреждаю о том, что необходимо обратить внимание на приморские территории и морские пространства. Не имея большого опыта непосредственного личного присутствия на этих водах и в этих землях, разве я бы осмелился обратиться к нашему Верховному Руководителю? Во времена моей молодости, занимаясь торговлей, я ходил по морям, доходя до Японии, Сиам, Гуандуна, Джакарты, Лоссона и других стран, об образе жизни которых я очень хорошо знаю. По этой причине я, Чэнь, осмеливаюсь обратиться к Его Величеству. В восточной части моря только Япония большая. Остальные страны – небольшие и отличающиеся друг от друга. На второстепенных позициях находятся Большие и Малые острова Рюкю. Все реки этих стран несут свои воды на восток. Но здесь нет стран, достойных называться государствами. Есть, однако, Фуцзянь, к которой относится и Тайвань. В западной части самое большое государство – Сиам. Кроме этого, находятся Накхонситхаммат, Чшиайа, Паттани, Камбоджа, Чампа, Кохинхина, Аннам. Также наша провинция Сюнчжоунань (Хайнань) является пограничной. В восточном же направлении находится много варварских стран как Бруней, Джохор, Тебингтинги, Малакка, Банджармасин, остров Каримун. Являясь маленькими, эти страны ведут себя достойно и не имеют амбициозных планов. Говоря о Яолюба (Джакарта), отмечаю, что это торговый порт, принадлежащий «красноволосым» (голландцы). Лусун (Лусон, Манила) – торговый порт, принадлежащий западным людям. Как точно указано в Святом Эдикте, известно, что в давние времена Яолюба принадлежала Малазии и была свободная и зелёная. Она торговала с «красноволосыми» до тех пор, пока они её не захватили силой.

Нижайше обозревая все заморские варварские территории, отмечу, что твёрдая, большая и мощная кость – это Япония. Во время династии Мин она была неспокойная. Нарушались китайские традиции. Сейчас наши собственные торговые связи развиваются нормально. Острова Рюкю, когда-то далёкие от нас, приняли и поддерживают нашу систему государственного управления. Тайвань отныне часть нашей территории. Сиам, Аннам, другие государства платят дань, не замышляют никаких заговоров.

Только «красноволосые» – раса бессовестных мошенников. Это общее название для наций Запада и Севера, среди которых англичане, русские, голландцы. Это ев-

ропейцы и индусы – все этнически очень разные – занимают первые места по мошенничеству и насилию. Голландия из стран Запада – самая дикая и жестокая. Голландцы под предлогом торговли планируют грабежи. Каждая встреча их торговых судов с судами других стран заканчивается затоплением последних. Они изучают и исследуют, шпионят и высаживаются на побережьях с целью их захвата. Каждый их корабль имеет не менее 100 пушек. С этой точки зрения они не имеют себе равных. В прошлом году только один подобный корабль прошёл через Сямэнь. Это был возмутительный факт. А сегодня это уже караван из 10 кораблей находится в Гуандуне. Нужно подчеркнуть, что жители Макао тоже западные, имеют общие корни и разговаривают между собой на одном языке. Португальцы и жители Макао живут на нашей земле с давних времён в согласии с нашими жителями провинции Гуандун. В своё время Его Величество приказал генеральным губернаторам, простым губернаторам, всем функционерам заинтересованных министерств принять все меры предосторожности и не допускать входа в порты и причаливание иностранных кораблей с пушками на изготовке. Приказал Император также устраивать места, где должны находиться на берегу иностранные моряки, не давать разрешения на заход слишком большому количеству кораблей, упорядочить и проверят выход кораблей их портов. Пресекать хитрости и мошенничество. Только так у нас будет мир.

173

Как государственного служащего меня особенно беспокоит так называемая религия Господина Неба (Небесного владыки). Родившись на Западе, эта религия добралась до Филиппин. Во времена Мин через посредство торговых связей добралась и до Японии, соблазняя и обращая людей этой страны. В течение многих лет было обращено много людей, которые осаждают и разрушают Японию. Потом они были изгнаны. Но обе эти страны всё же были охвачены волнениями. В связи с этим иностранцы были высланы из Японии. Сейчас они возвращаются, без разрешения и необходимости в каждой провинции строят свои церкви, тратят много денег на обращение низких сословий, которые вскоре допускаются к религиозным церемониям. Более того, они шпионят за устройством наших земель, делают чертежи наших территорий, совращают наш народ. Нам неизвестны их планы. Я, как функционер, не имею об этом никакого понятия.

Когда в прошлом религия Господина Неба распространилась на Филиппинах, её последователи овладевали землями этой страны. Эти люди непредсказуемые в

своей подлости и хитрости. Если в Японии они овладевали только землями, то на Филиппинах захотели овладеть и государством.

Кроме того, сейчас на территории Кантона они возвели и возводят храмы для своей религии, всё более проникая вглубь страны, в города, повсюду. И сегодня мы, к сожалению, не знаем, сколько у нас имеется обращённых. Кроме того, корабли варваров, о которых я говорил, все одинаковые. Кто знает, не находятся ли они в сговоре друг с другом? И не заговор ли это против закона? И это факты, о которых я сильно сожалею.

174 Нижайше прошу наших могущественных министров, чтобы они немедленно запретили эту религию, заглушить росток вначале, чтобы он не разросся и не распространился. Если ручёек не будет высушен немедленно, он превратится в Жёлтую реку. Если бы целью нашего императора не было гармоничное и безопасное управление, мощное государство, процветающее века и века, я бы не позволил себе предложить его вниманию эти мои слова. Более того, они шпионят за устройством наших земель, делают чертежи наших территорий, совращают наш народ. Нам неизвестны их планы. Я, как функционер, не имею об этом никакого понятия.

В целом же у нас во всех портах стоят пушки, горят сигнальные огни. Губернаторы всех провинций сотрудничают с целью поддержания порядка. Естественно, выполняется императорская воля строить новые и ремонтировать старые крепости.

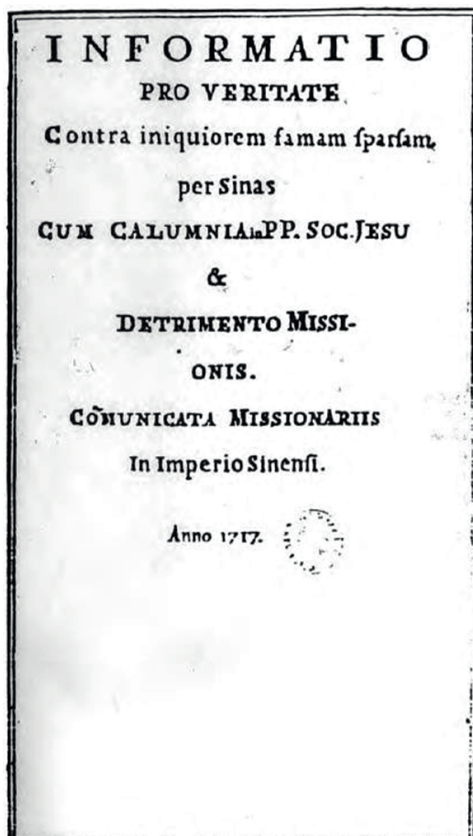
Если эти мои слова заслуживают снисходительного внимания и быть услышанными, я поклоняюсь перед императором и полностью готов выполнить любое его поручение.

(Император приказал всем министерствам изучить этот меморандум).

Приложение 5. Документы, касающиеся «спора о ритуалах»

176

Рис. 1. С момента своего прибытия в Макао в начале января 1710 года и до своего отъезда из Пекина с разрешения императора Юнчжэна в декабре 1723 года Маттео Рипа всегда вёл жесткую полемику с миссионерами Общества Иисуса при дворе китайского императора. Конфликт достиг своего пика, когда миссионер-иезуит Килиан Штумпф опубликовал брошюру в Пекине в 1717 году, в которой вступал в открытый спор с Рипой и всеми, кто поддерживал позицию Святого престола в вопросе «спора о ритуалах» (Fatica, 2006, 211).

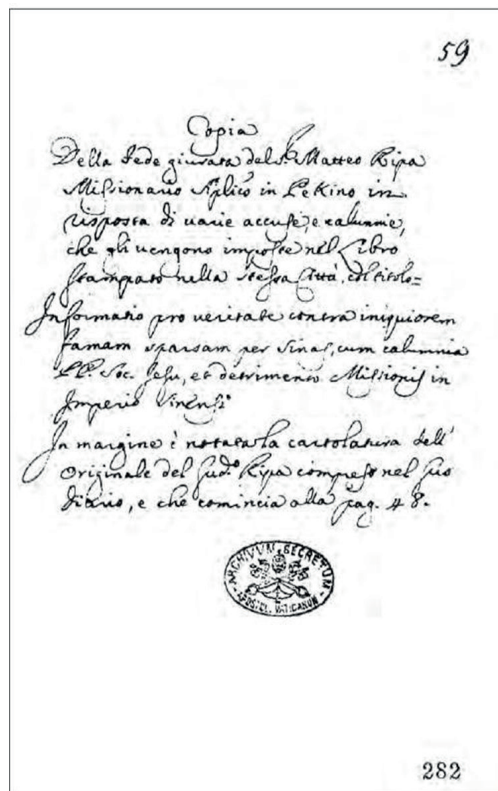

Рис. 2. Маттео Рипа, подвергшийся яростному нападению в *Informatio pro Veritate*, ответил на «обвинения и клеветы», которые, по его мнению, содержались в брошюре. Рипа отправил информацию об этом в Конгрегацию Пропagанды Веры и Папе Клименту XI (Fatica, 2006, 219).

Рис. 3–4. Неаполитанская пресса, которая в то время выходила три раза в неделю, посвятила определенное пространство новостям о том, что Маттео Рипа отправлен в Рим из Китая. Это очень необычный аспект миссионерской деятельности эболийского священника. Иногда мы находим идеальное соответствие между этими синтетическими соответствиями, а некоторые документы хранятся в разных архивах, разбросанных в некоторых итальянских городах (прежде всего в Риме, но в некоторых случаях также во Флоренции и Венеции). Пространство, посвященное таким новостям, также свидетельствует о большом интересе к тому, что высшие классы Западной Европы XVIII века, были заинтересованы тем, что происходит (Fatica, 2006, 214–215).

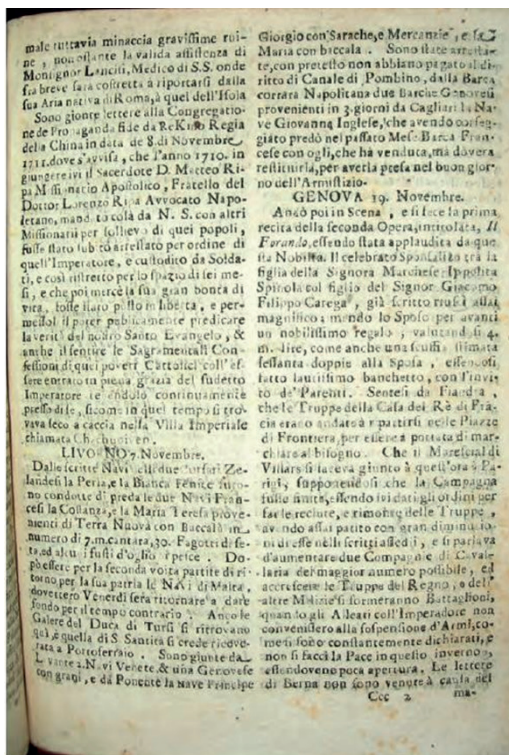

Рис. 4.

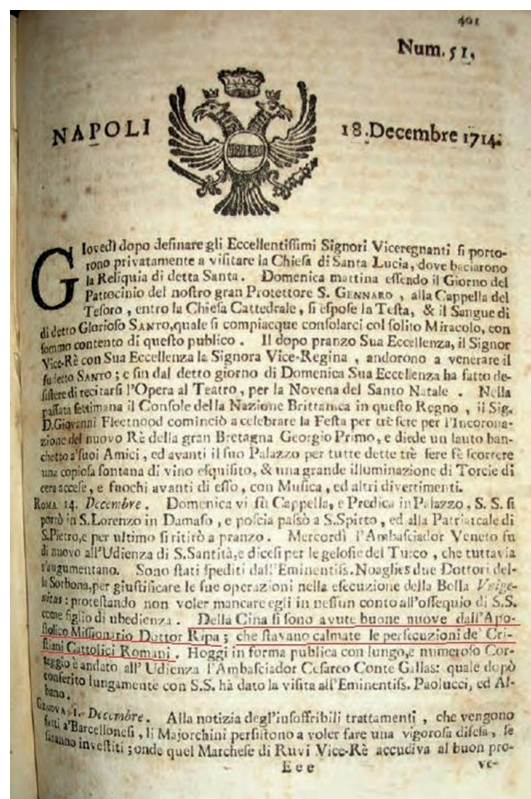

Рис. 5. В «Извещении» от 18 декабря 1714 года наиболее примечательными новостями являются новости «Доктора Рипы» из Китая, касающиеся прекращения преследования христиан (Fatica, 2006, 216).

Приложение 6. Хронология жизни и деятельности Маттео Рипы

1682, 29 марта в городе Эболи родился Маттео Рипа.

1687, умирает мать Маттео – Антония Лонг (Рипе на тот момент 5 лет).

1697, отец отправляет Рипу в Неаполь изучать юриспруденцию.

1700, Рипа принимает решение стать мирским священником. Записывается в конгрегацию Девы Марии.

1701, 10 мая Рипа первый раз встретился и исповедовался своему наставнику Антонио Торресу.

26 мая Рипа начинает свой клерикальный путь.

1705, 28 марта в Салерно Рипа он был рукоположен в священники.26 ноября Рипа уезжает в Рим.

1707, июль Папа Климент XI создаёт группу из шести миссионеров для поездки в Китай и передачи кардиналу де Турнону кардинальской шапочки. В эту группу включён Рипа.

13 октября миссионеры покидают Рим.

октябрь – инцидент с августинским монахом Бонжуром. Он обвинил Рипу и его друга Дженао Амодии в гомосексуализме.

15 ноября группа прибывает в Инсбрук.

23 декабря группа покидает Кёльн и отправляется в Гаагу.

1708, 3 января миссионеры отплывают из Роттердама. 7 января группа достигает Лондона.

8 апреля корабль «Донегал» с Рипой и остальными миссионерами отправился в путь.

27 июля пересекают экватор.

6 сентября достигают Мыса Доброй Надежды.

1709, 3 февраля прибывают в Индию.

22 февраля уже на другом судне Сан Лоренцо пятеро миссионеров отплывают на Филиппины.

19 июня прибывают в Манилу.

25 ноября отплывают в Китай.

1710, 2 января миссионеры прибывают в Макао.

24 июня приходит приказ новым миссионерам отправиться в Гуанчжоу для изучения китайского языка. Издан императорский указ, в котором говорилось, что ко двору нужно прислать троих европейцев, смыслящих в рисовании и науке.

5 ноября из Пекина приходит приказ отправить миссионеров в Пекин к императорскому двору. 183

27 ноября Рипа садится на лодку и выходит в Великий канал. 25 декабря прибывает в Нанчан.

1711, 5 января прибывают в Пекин. Приняты с почестями и накормлены блюдами императорской кухни.

7 февраля Рипу определяют на службу в помещение, где работал художник Джерардино со своими учениками.

1711, первое путешествие Рипы в Жэхэ. Выполняет гравюры с видами императорской резиденции.

1714, второе путешествие в Жэхэ. Возвращаясь из Жэхэ, Рипа посещает небольшую деревенскую христианскую общину. Крестит двоих мальчиков и берёт их себе в ученики.

1720 ноябрь – 1721 март участвует в переговорах с российским послом Измайловым.

1723, 21 октября Рипа относит императору Юнчжэну записку с решением вернуться домой.

13 ноября Рипа в сопровождении принца был отведён в императорское хранилище, где он мог взять понравившийся ему фарфор.

15 ноября Рипа с учениками оставляет Пекин и отправился в Гуанчжоу. 10 января прибывает в Гуанчжоу.

1724, 23 января их корабль отплывает в Европу.

7 сентября прибывают в Англию.

5 октября группа оставляет Лондон.

20 ноября Маттео и его пятеро товарищей высадились в Неаполе.

1725, 19 января в Риме Рипа был принят Папой Бенедиктом XIII. На этой встрече Рипа предложил для рассмотрения его проект по евангелизации Китая и по созданию Колледжа для китайских студентов.

28 марта Рипа возвращается в Неаполь.

1726, 1 июня года Рипа уезжает из Неаполя. ..5 июля прибывает в Вену.

9 августа Рипа был принят императором.

184 14 августа императрица Изабелла Кристина принимает Рипу и оказывает ему денежную поддержку для создания Колледжа.

25 октября император выразил пожелание, чтобы колледж был королевским покровительством в поручении главного капеллана Неаполя.

1727, 15 января года был опубликован императорский декрет, который провозгласил королевское покровительство над заведением.

14 марта Высший совет Австрии высказывается за создание колледжа под простой опекой императора.

3 апреля Карл VI подтвердил декрет Высшего совета.

1728, 20 марта приходит Папский рескрипт по Колледжу.5 мая Рипа покидает Вену.

17 июня прибывает в Рим.

1729 Рипа покупает монастырь с садом и церковью за 6300 дукатов.

1731, 5 апреля Рипа получает документ с папским одобрением.

1732, 4 июля власти Неаполя дают ход Папской грамоте об учреждении.

Юридическое утверждение проекта.

1743, Рипа приступает к написанию «Джорнале».

1746, 18 марта года Маттео Рипа просит причастия.

1746, 29 марта отец Маттео Рипа умирает в возрасте 64 лет.

Приложение 7. Иллюстрации

187

Рис. 1. Маттео Рипа.

Рис. 4. Свидетельство Архиепископа Салерно, Бонаventura Позэрио (Таверна, Катандзаро, 1648 – Салерно, 1722) Малых Осервантов, относящееся к священническому рукоположению Маттео Рипы 28 марта 1705 года в часовне архиепископа городского собора. Фраза «*die Sabbati ad sitientes*» относится к древнему обряду празднования рукоположения в ночь Пасхи в субботу (*Fatica*, 2006, 168).

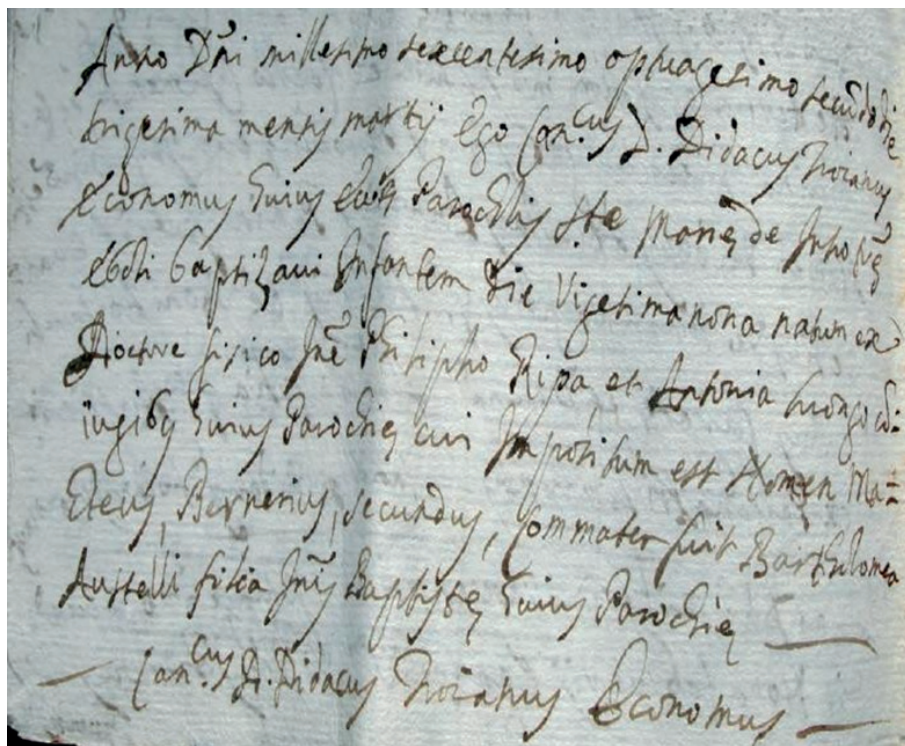

Рис. 3. Крещение Маттео Рипы взята из книги крещенных, покойных, браков и состояния душ 1682. Приводится текст: В год Господа 1682, 30 марта, я Дон Диего Триано, казначей этой приходской церкви Св. Марии ад Интро, земли Эболи, крестил мальчика, родившегося 29-го года физиком Джованни Филиппо Рипой и Антонией Луонго, супругами этого прихода, которому дали имя Маттео Бернерио Секондо, крестной матерью была Бартоломея Остелли, дочь Джованни Баттисты этого прихода (Fatica, 2006, 158).

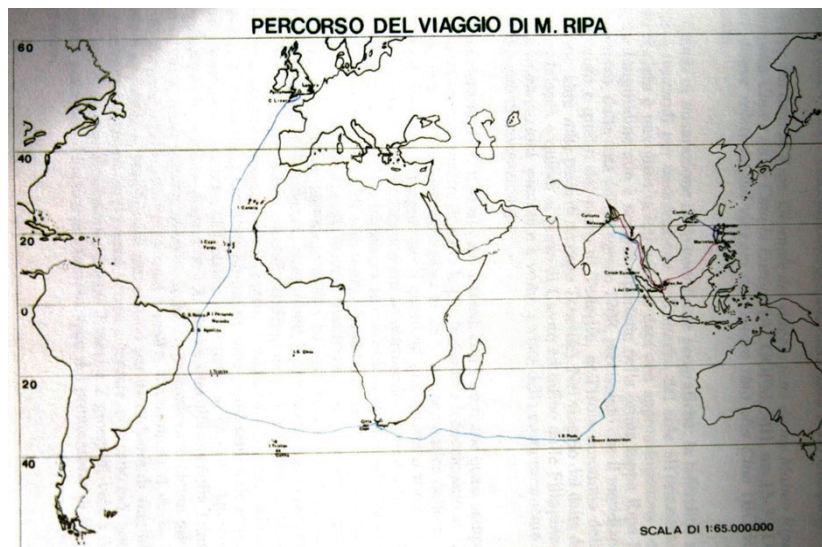

Рис. 5. Маршрут путешествия Рипы в Китай.

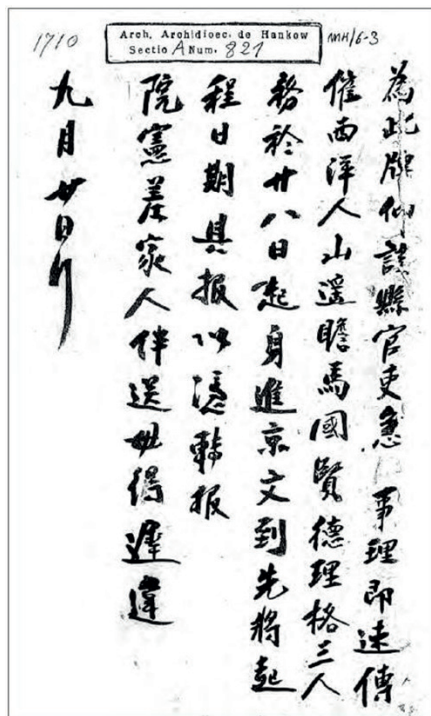

Рис. 6. В конце этого документа китайскими иероглифами Маттео Рипа пишет следующее примечание: «10 ноября. Губернатор приказывает, что в 28 маленьких лун, 18 месяцев, мы уходим». Китайский текст можно перевести следующим образом: «Этот указ [вице-короля] приказывает районному мандарину немедленно выполнить следующую задачу, чтобы обеспечить уход трех западных жителей: Гийома Бонджур Фабре (Шан Яожан), Маттео Рипа (Ма Госянь), Теодорико Педрины (Дэ Лигэ). Они отправятся в Пекин 28-го числа. После ознакомления с указом мандарин долж ен будет записать дату их отъезда в отчёт и доставить его в компетентный офис. Западные жители должны будут сопровождаться. Они не должны задерживаться. Написано 20-го числа месяца IX (Fatica, 2006, 190).

Рис. 7-19. Гравюры летней виллы Жэхэ, сделанные Маттео Рипой во время пребывания в Пекине (Fatica, 2006, 193-205).

194

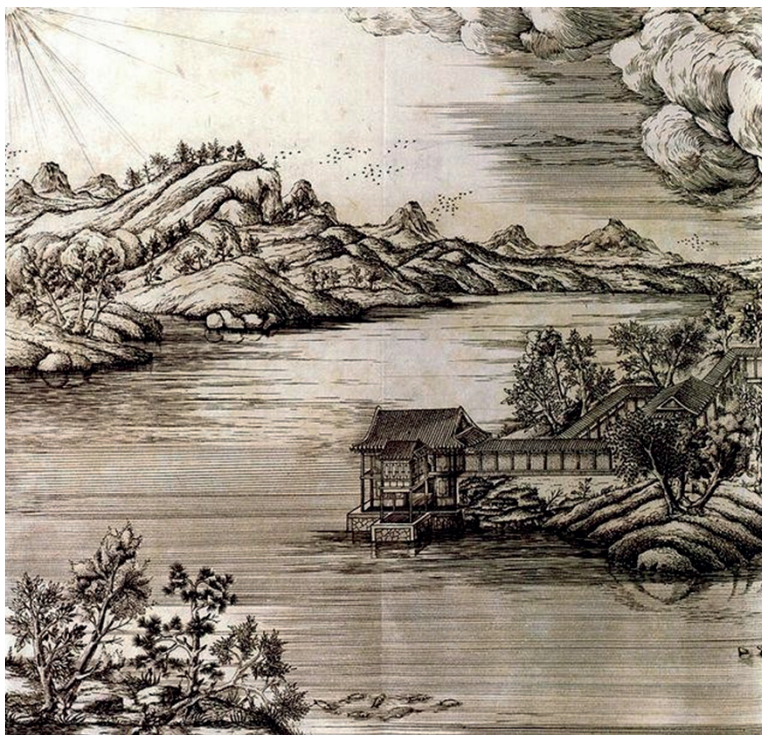

Рис. 8.

195

Рис. 9.

196

Рис. 10.

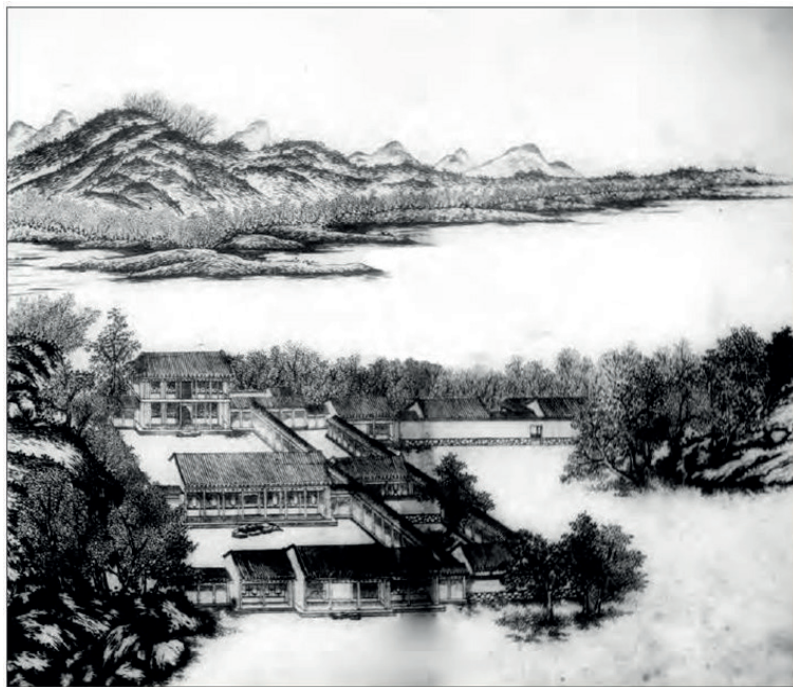

Рис. 11.

198

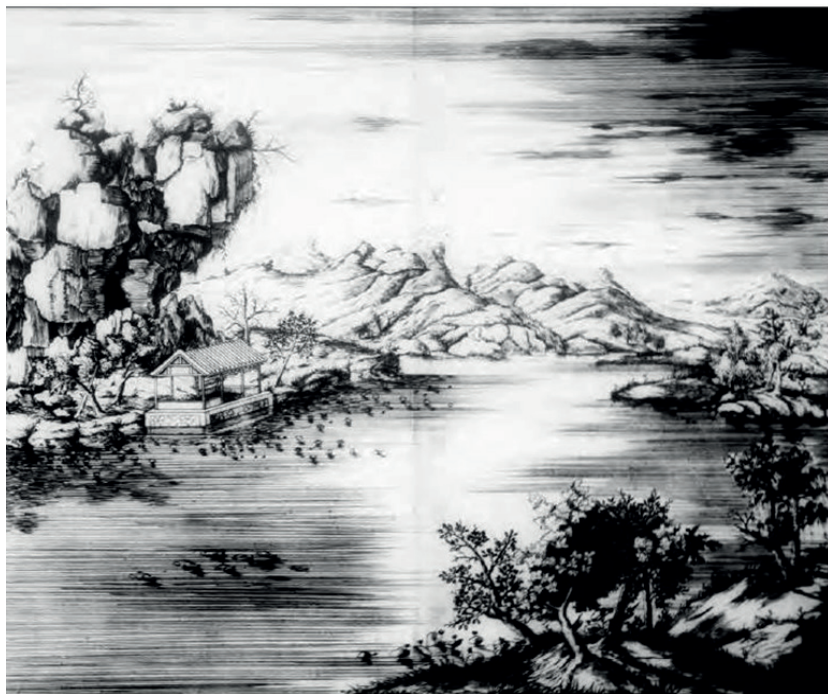

Рис. 12.

199

Рис. 13.

200

Рис. 14.

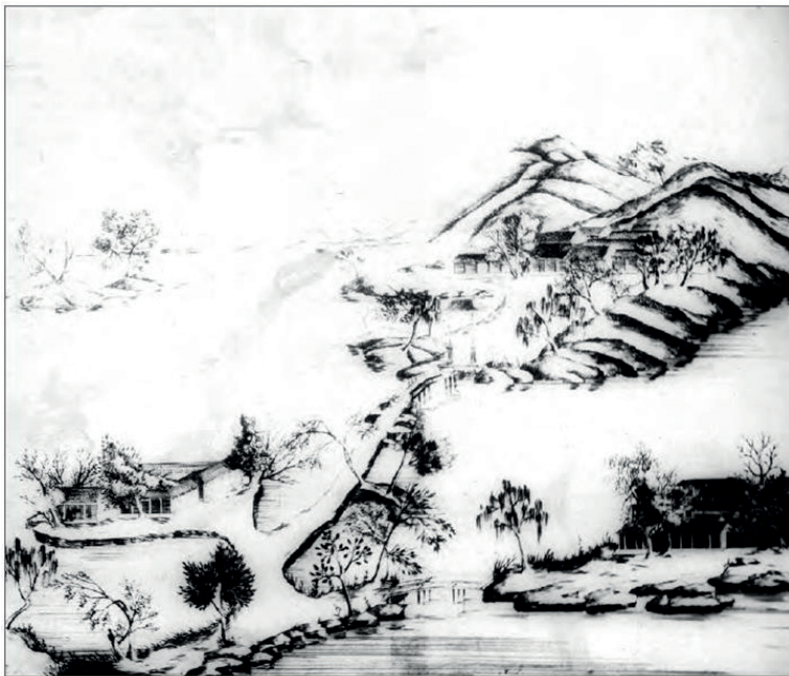

Рис. 15.

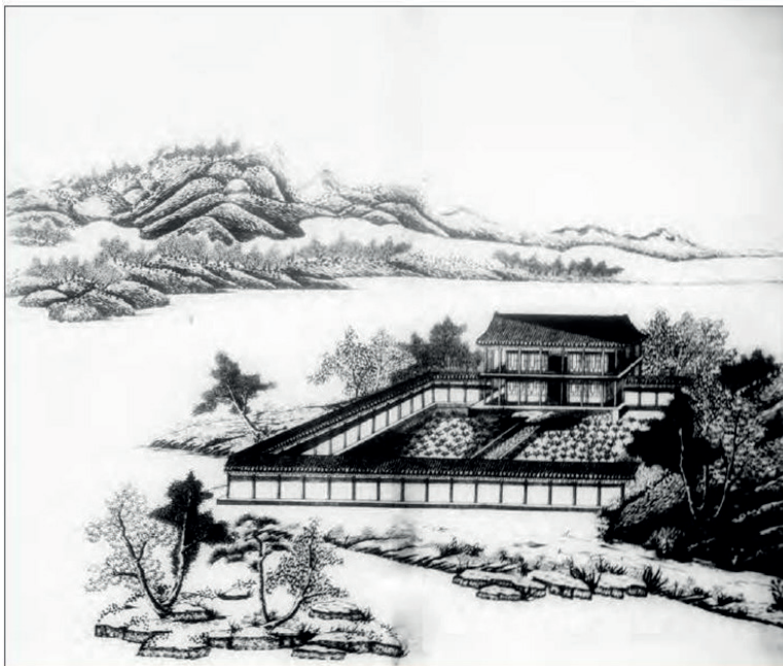

Рис. 16.

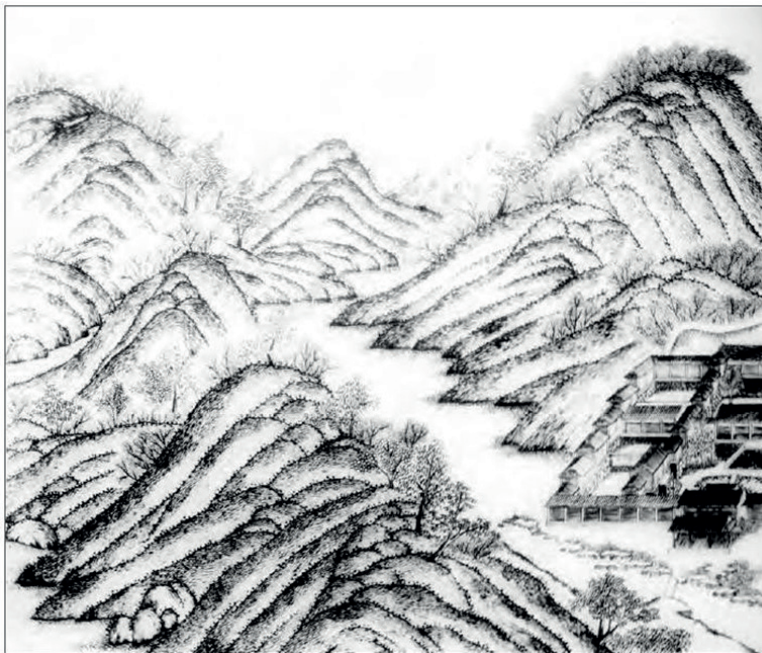

Рис. 17.

Рис. 18.

205

Рис. 19.

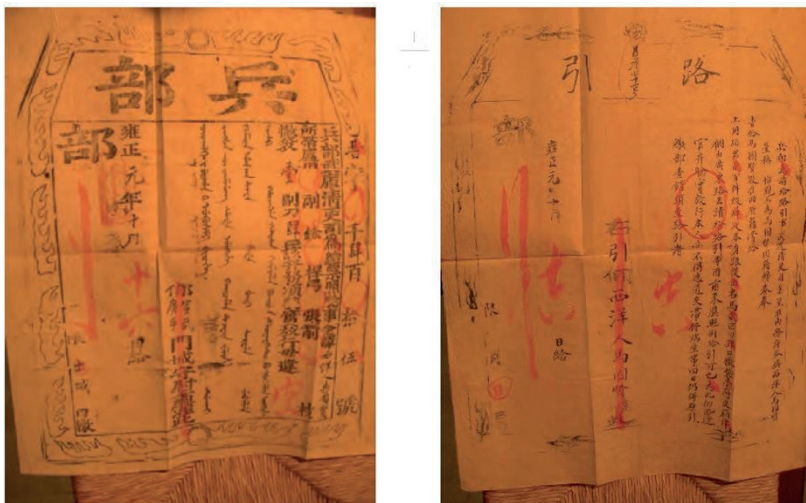

Рис. 20. Маттео Рипа покинул Пекин с паспортом, выпущенным Бинбу (военное министерство), в котором было рекомендовано предъявить властям этот документ. Было указано, что Ма Госянь (китайское имя Рипы) сопровождается 5 слугами и провозит с собой разные продукты, которые также были перечислены (Fatica, 2006, 233).

207

Рис. 21. Маттео Рипа в январе 1724 года отправился из Пекина домой. Он вёз с собой письмо от Джузеппе Кастильоне (Милан, 1688 год – Пекин, 1766), который работал художником и архитектором в Китае на службе у трех императоров (Канси, Юнчжэн, Цяньлун), оставив заметные следы своих работ под китайским именем Лан Шинин. Письмо доказывает отличные отношения между Рипой и Кастильоне, который был мирянином в Обществе Иисуса (Fatica, 2006, 233).

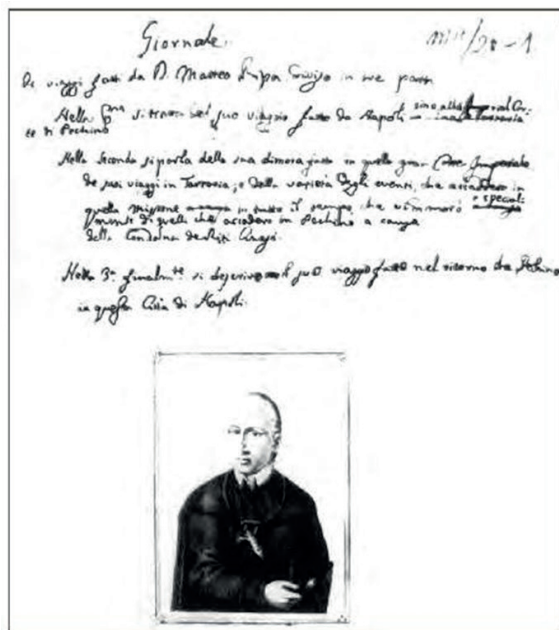

Рис. 22. Самая последняя и самая востребованная рукописная работа Рипы состоит из пяти томов под названием *Giornale de viaggi* Как он писал в предисловии к Конгрегатам и коллегам, он решил сочинить эту работу всего за три года до своей смерти. В этом предисловии мы читаем: «... всем сердцем, помогая великому Богу, Святому Семейству и всем другим святым покровителям, я начинаю сегодня, 26 мая 1743 года, в праздник наш святой Филиппа Нери, чтобы отметить и расширить описания моих путешествий, намереваясь и желая, чтобы все было в большей славе, и благословляло Господа, к образованию и назиданию наших». Таким образом, работа имела дидактическую цель для небольшой аудитории читателей, состоящей из священников Конгрегации Святого Семейства и китайского колледжей. Хотя он обещает описать в третьей части «свою поездку по возвращении из Пекина в этот Неаполитанский город», пятый том «Джорнале» прерывается из-за серьезных заболеваний Рипы, во время его пребывания в Лондоне в сентябре 1724 года (Fatica, 2006, 233).

D. O. M.
HIC JACET CORPUS MATTHAEI RIPAE
QUI
POST XVIII IN ORIENTE AD CHRISTI FIDEM PROPAGANDAM
INSUMPTOS ANNOS IN EUROPAM SINENSES ALUMNOS AD
APOSTOLICUM MINISTERIUM FORMANDOS ADVEXIT ET CON-
GREGATIONEM ATQUE COLLEGIUM SACRAE FAMILIAE JESU
CHRISTI IIS ERUDIENDIS BENED: XIII AC CLEMENTE XII PONT: MAXX:
APPROBANTIBUS INSTITUIT DEMUMQUE CURSU CONSUMATO
AC FIDE SERVATA EODEM QUO NATUS ERAT DIE XXIX
MEN: MARTII EVOLAVIT AD DOMINUM A: MDCCXLVI
AET: SUAE ANN: LXIV

211

Рис. 25. Надпись на могиле Маттео Рипы.

Рис. 26. Здание, в котором находился Колледж для китайских студентов в Неаполе.

Рис. 27. Улица Маттео Рипы в Эболи. Родной город Маттео Рипы.

214

Рис. 28. На вывеске на улице, названной в честь Рипы, миссионер значился как иезуит. Сейчас надпись на вывеске исправили.

215

Рис. 29. 29 марта 2011 года. мэр Эболи, сенатор Национального собрания Италии, ректор Восточного университета и студенты в день рождения и смерти Маттео Рипы возложили венок к его бюсту.

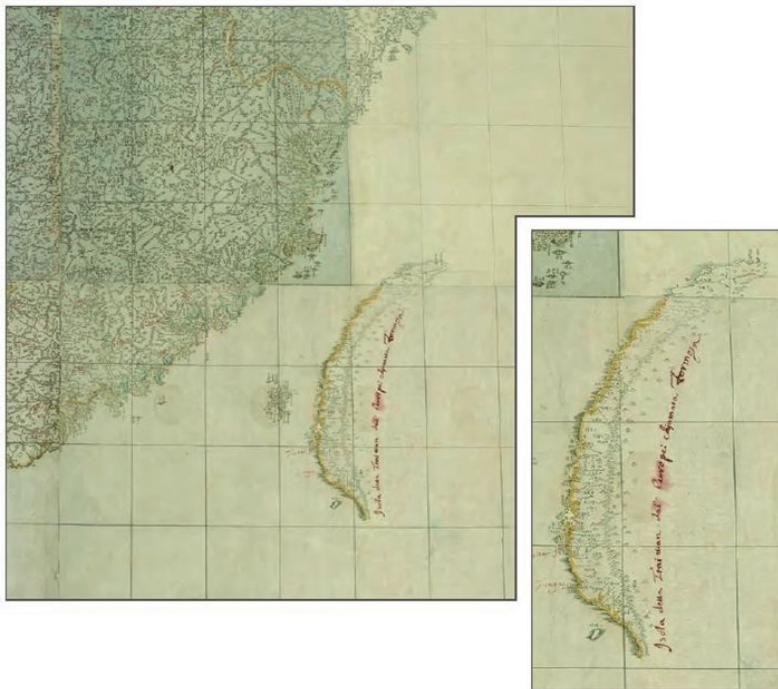

Рис. 30–31. Карты Китая, выгравированные Рипой (Fatica, 2006, 207–208).

Рис. 31.

Список литературы

Источники

НА ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Clemente XI Confirmatio et innovatio Constitutionis incipientis: ex illa die a Clemente XI. in causa rituum ... Sinensium editae ... Roma. 1742. – 41 p.

de Gubernatis A. Europa e Oriente nell'Italia umbertina. A cura di Maurizio Taddei, Angelo De Gubernatis. Volume I. Napoli. 1995. 526 p.

de Gubernatis A. Europa e Oriente nell'Italia umbertina. A cura di Maurizio Taddei. Volume II Napoli. 1997. 322 p.

de Gubernatis A. Europa e Oriente nell'Italia umbertina. A cura di Maurizio Taddei. Volume III Napoli. 1998. 526 p.

de Gubernatis A. Europa e Oriente nell'Italia umbertina. A cura di M. Taddei e A. Sorrentino. Volume IV. Napoli. 2001. 525 p.

de Gubernatis A. Europa e Oriente nell'Italia umbertina. A cura di A. Sorrentino. Volume V. Napoli. 2004. 297 p.

de Vincentis. Documenti e titoli sul private fondatore dell'attuale Istituto Orientale in Napoli, Matteo Ripa sulle missioni in Cina nel secolo XVIII. Napoli. 1904. 662 p.

Fatica M. (Ed.). Matteo Ripa, Giornale (1705–1724), I, 1705–1711. Napoli. 1991. 303 p.

Fatica M. (Ed.). Matteo Ripa, Giornale (1705–1724), II, 1711–1716. Napoli. 1996. 413 p.

Fatica M. (Ed.). Richiesta di misure restrittive e di espulsione di mercanti e missionari occidentali dal Paese di Mezzo in un memoriale dell'A.D. 1717 conservato da Matteo Ripa. Napoli. 2012. Pp. 175-216.

Fatica M. Matteo Ripa e il Collegio dei Cinesi di Napoli (1682 –1869). Catalogo della mostra, Percorso documentario e iconografico. Università degli Studi di Napoli “L'Orientale” Archivio di Stato di Napoli. Napoli. 2006. 329 p.

Gangemi N. Storia della Congregazione e Collegio della Sacra Famiglia di Gesu Cristo colla vita del fondatore D.Matteo Ripa. Napoli. 1789.

Gioberti V. Il Gesuita moderno, tt.4, Losanna. 1846–1847. 669 p.

L'opera, scritta a Pechino tra il 1609 e 1610, fu riprodotta da Pasquale M. D'Elia in *Fonti Ricciane. Documenti originali concernenti Matteo Ricci e la storia delle prime relazioni tra l'Europa e la Cina (1579–1615)*, 3 vol. Roma: Libreria dello Stato, 1942–1949. (Pp. CLXIV–386, XXXVI–652, XII–372).

Montesquieu. C.L. Considerazioni sopra le cagioni della grandezza de' Romani e della loro decadenza, tradotte dall'idioma francese. ed. di Venezia. 1735 318 p. (Esaurito, Napoli, 1984).

Oreste G. Lettera inedita del ven. Gennaro Sarnelli all'abate Matteo Ripa, 1730. *Spicilegium historicum Congregationis Ss.mi Redemptoris*, XXIII (1975). Pp. 3–13.

Ripa M. Storia della fondazione della Congregazione e del Collegio de' Chinesi sotto il titolo della Sagra Famiglia di Gesù Cristo, scritta dallo stesso fondatore Matteo Ripa e de' viaggi da lui fatti, t. I. Napoli; Manfredi. 1832. 507 p.

Ripa M. Storia della fondazione della Congregazione e del Collegio de' Chinesi sotto il titolo della Sagra Famiglia di Gesù Cristo, scritta dallo stesso fondatore Matteo Ripa e de' viaggi da lui fatti, t. II. Napoli: Manfredi. 1832. 510 p.

Ripa M. Storia della fondazione della Congregazione e del Collegio de' Chinesi sotto il titolo della Sagra Famiglia di Gesù Cristo, scritta dallo stesso fondatore Matteo Ripa e de' viaggi da lui fatti, t. III. Napoli: Manfredi. 1832. 480 p.

Ricci M. Della entrata della Compagnia di Giesù e Christianità nella Cina, a cura di Maddalena Del Gatto. Macerata: Quodlibet. 2000. 840 p.

Ripa M. I miei tredici anni in Cina. La vita di un missionario pontificio alla corte di Kangxi (1710 – 1723). Jouvence. 2017. 166 p.

Ricci M. Lettere, (a cura di Francesco D'Arelli). Macerata: Quodlibet. 2001. 617 p.

Vissière J.L. (a cura di). Lettere edificanti e curiose di missionari gesuiti dalla Cina (1702 – 1776), trad. it. di Armando Marchi e Anna Silva. Guanda, Parma. 1993. 394 p.

На английском языке

British Library Map Library. K. 116.15, 15a, 15b: A Map of China and surraunding Landsbased on the Jesuit surveys of 1708 –16. Engraved on copper by Matteo Ripa at Peking. 1719. 3 rolls.

Fu Lo-Shu (Ed.) A Documentary Chronicle of Sino-Western Relations (1644–1820). Arizona Press, 1966. p. 116 KH 49 (1710) «Cardinal Tournon Dies at Macao». 792 p.

Fu Lo-Shu (Ed.) A Documentary Chronicle of Sino-Western Relations (1644–1820). Arizona Press, 1966. p. 116 KH 49 (1710) «The Emperor Needs an Artist». 792 p.

Prandi Fortunato. Memoirs of Father Ripa during thirteen Years' Residence at the Court of

Peking of the Emperor of China; with Account of the College for Education of Young Chinese at Naples. London. 1844. 368 p.

на китайском языке

Канси цидзючжу (Дневник правления императора Канси). Т. 3. Пекин: Чжунхау шуцзюй. 1984.

Цин шилу (Исторические хроники династии Цин 1644 – 1911) Пекин, Чжунхуа шуцзюй. 1985. 423 с.

Wu Min, Han Qi Bianjiao. Ouzhuo suocang Yongzheng Qianlong chao Tianzhujiao wenxian huibian. Renmin chubanshe. Shanghai. 2008. 301 с.

на русском языке

Демидова Н.Ф., Мясников В.С., Тихвинский С.Л. Русско-китайские отношения в XVIII веке: материалы и документы. Институт Дальнего Востока (Академия наук СССР). М., «Наука». 1978. 703 с.

Документ № 151 «1719 г. июня 4–1722 г. января 13. –Статейный список посланника Л.В. Измайлова о посольстве в Цинскую империю». Русско–китайские отношения в XVIII веке. Документы и материалы. 1700–1725. М., «Наука». 1978. 704 с.

Литература

на итальянском языке

Agrimi M. Il Collegio dei Cinesi e Matteo Ripa. Per i 250 anni dell'I.U.O. («Personaggi e Ricordi»; ristampa. di un articolo. Pubblicato. nel 1982). Napoli. 1994.

Arnore N. Matteo Ripa e l'Istituto Orientale di Napoli. t.I. Salerno. 1921. P.187–210

Ascione I. La nascita del Collegio dei Cinesi tra i conflitti dell'ultimo viceregno austriaco (1725–1734). Napoli. 1985.

Bertolucci G. Italia e Cina. Bari, 1996.

Capialbi V. Matteo Ripa [biografia di Vito Capialbi da Montelione]. Napoli. 1818. 7 p.

Criveller G. Matteo Ricci, missione e ragione. Milano, PIMedit. 2010. 127 p.

Criveller G. La Conrtoversia dei Riti Cinesi, Storia di una lunga incompresione. Museo Popolo e Culture, I quaderni del Museo 23. Milano: Centro di Cultura e Animazione Missionaria. Pime, 2012.

39 p.

Coco G. Santa Sede e Manciuuò (1932-1945). Con appendice di documenti. Roma: Libreria Editrice Vaticana. 2006. 470 p.

D'Arelli Francesco e Tamburello Adolfo. La missione cattolica in Cina tra i secoli XVII-XVIII. Emiliano Palladini (1733-1793). Napoli. 1995.

de Tournon Charles Thomas Maillard. Memorie storiche della legazione e morte dell'eminentiss. Monsignor cardinale di Tournon esposte con munumenti rari ed autentici non più dati alla luce, (attribuite a Passionei, Domenico), Venezia, 1761— 1762. 8 volumi.

Di Fiore G. «Un cinese a Castel Sant'Angelo: La vicenda di un alunno del Collegio di Matteo Ripa fra transgressione e reclusione». La Conoscenza dell'Asia e dell'Africa in Italia nei Secoli XVIII e XIX. 1985.

Di Fiore G. La legazione Mezzabarba in Cina (1720-1721). Napoli. Istituto Universitario Orientale, Collana "Matteo Ripa" VII, 1989 (in appendice 26 documenti in lingua italiana che vanno dal 1709 al 1742). 471 p.

Di Fiore Giacomo. Lettere di missionari dalla Cina (1761-1775). La vita quotidiana nelle missioni attraverso il carteggio di Emiliano Palladini e Filippo Huang con il Collegio dei Cinesi in Napoli. Napoli 1995. 406 p.

Europa e Islam tra i secoli XIV e XVI, due tomi. A cura di M. Bernardini, C. Borrelli, A. Cerbo e E. Sanchez Garcia. Napoli. 2002.

Fatica M. Prolegomeni ad un discorso storico su Matteo Ripa, in Ugo Marazzi (a cura di), La conoscenza dell'Asia e dell'Africa in Italia nei secolo XVIII e XIX. Vol. I, tomo I. Istituto Universitario Orientale. Napoli. 1984. Pp. 171-309.

Fatica M. Per una storia del processo di canonizzazione di Matteo Ripa: problemi di filologia e di agiografia, in collaborazione con Vittorio Carpentiero, in Aldo Gallotta e Ugo Marazzi (a cura di), La conoscenza dell'Asia e dell'Africa in Italia nei secolo XVIII e XIX, vol. III, tomo I, Istituto Universitario Orientale. Napoli. 1989. Pp. 73-110.

Fatica M. Gli alunni del Collegium Sinicum di Napoli, la missione Macartney presso l'imperatore Qianlong e la richiesta di libertà di culto per i cristiani cinesi (1792-1793), in Studi in onore di Lionello Lanciotti, vol. II, Istituto Universitario Orientale. Napoli. 1996. Pp. 525-566.

Fatica M. Matteo Ripa, Carlo VI., la Compagnia di Ostenda e il progetto di fondazione a Napoli di un Collegio dei cinesi. Nella sede dell'Istituto. Napoli. 1997. 29 p.

Fatica M. Per una mostra bibliografica ed iconografica su Matteo Ripa, il Collegio dei cinesi e il Real collegio asiatico (1682-1888). Napoli. 1999. 38 p.

Fatica M. Matteo Ripa, Carlo VI, la Compagnia di Ostenda e il progetto di fondazione a Napoli di un Collegio dei Cinesi, Istituto Italiano per gli studi filosofici. Napoli. 1997 (saggio risultato da

ricerche nello Haus-, Hof-und Staatsarchiv di Vienna).

Fatica M., D'Arelli F. [a cura di], *La missione cattolica in Cina tra i secoli XVIII-XIX*, Matteo Ripa e il Collegio dei Cinesi. «Atti del Colloquio Internazionale, Napoli, 11-12 febbraio 1997», Istituto Universitario Orientale. Napoli. 1999; ivi, pp. 1-38. Per una mostra iconografica e bibliografica su Matteo Ripa, il Collegio dei Cinesi e il Real Collegio Asiatico 1682-1888.

Fatica M. *L'Istituto Orientale di Napoli come sede di scambio culturale tra Italia e Cina nei secoli XVIII e XIX*, in: *Scritture di storia*, n. 2. 2001. Pp. 83-121.

Fatica M. *Note sul viaggio di Pietro Guo in Italia, 1859-1860*. *Scritture di storia*, n. 2, 2001. Pp. 49-83.

Fatica M. *Le sedi dell'Istituto Universitario Orientale (1729-2000)*. Istituto Universitario Orientale. Napoli. 2002.

Fatica M. *Sedi e Palazzi dell'Università degli Studi di Napoli "L'Orientale" (1729-2005)*, *Seats and Palaces of the Università degli Studi di Napoli "L'Orientale" (1729-2005)*, (1729-2005), *Università degli Studi di Napoli "L'Orientale"*. Napoli. 2008b.

Fatica M. *Catalogo della mostra bibliografica e iconografica: Matteo Ripa e il Collegio dei Cinesi di Napoli (1682-1869)*, aperta al pubblico presso l'Archivio di Stato di Napoli dal 18 novembre 2006 al 31 marzo 2007, *Università degli Studi di Napoli "L'Orientale"*. Napoli. 2006.

Fatica M. *Matteo Ripa e il Collegio dei Cinesi di Napoli (1682-1869)*, percorso documentario e iconografico, catalogo della Mostra. Archivio di Stato di Napoli. 18 novembre 2006-31 marzo 2007, Napoli, 2006.

Fatica M. *Il contributo degli alunni del Collegio dei Cinesi di Napoli alla conoscenza della lingua sinica in Europa e in Italia: il ruolo di F.S. Wang*, in «*Scritture di storia*», quadernon. 5, ESI. Napoli. 2008a. Pp. 229-262.

Fatica M. *Matteo Ripa's Journal, Part III (1716-1720)*, *Documents for the History of the Kangxi Era*, in *The Macau Ricci Institute* (ed.), *Acta Pekinensia. Western Sources for the Kangxi Reign*. International Symposium Organized by the Macau Ricci Institute. Macau. 5-7 October 2010 (Macau 2013). Pp. 389-423.

Fatica M. *Il processo di canonizzazione di Matteo Ripa, fondatore del Collegio dei cinesi di Napoli. L'iter di un fallimento*, Istituto Universitario Orientale. 2014.

Kwok Ph. *Napoli e la Cina dal settecento agli inizi del secolo. I*, Regina Editore, Napoli, 1982. 80 p.

La conoscenza dell'Asia e dell'Africa in Italia nei secoli 18. e 19>> 1.1 / a cura di Ugo Marazzi. Napoli: Intercontinentalia. 1984. -XIII. 658 p.

La conoscenza dell'Asia e dell'Africa in Italia nei secoli 18. e 19>> 1.2 / a cura di Ugo Marazzi. Napoli: Intercontinentalia, 1984. -662. 1084 p.

La conoscenza dell'Asia e dell'Africa in Italia nei secoli 18. e 19>> 2.1 / a cura di Aldo Gallotta e Ugo Marazzi. Napoli: Intercontinentalia, 1985. -XVI, 475 p.

La conoscenza dell'Asia e dell'Africa in Italia nei secoli 18. e 19>> 2.2 / a cura di Aldo Gallotta e Ugo Marazzi. Napoli: Intercontinentalia, 1985. -480-771 p.

La conoscenza dell'Asia e dell'Africa in Italia nei secoli 18. e 19>> 3.1 / a cura di Aldo Gallotta e Ugo Marazzi. Napoli: Intercontinentalia, 1989. -XV, 577 p.

La conoscenza dell'Asia e dell'Africa in Italia nei secoli 18. e 19>> 3.2 / a cura di Aldo Gallotta e Ugo Marazzi. Napoli: Intercontinentalia, 1989. -VII, 582-996 p.

La missione cattolica tra i secoli XVIII – XIX, Matteo Ripa e il Collegio dei Cinesi. Atti del colloquio Internazionale, Napoli 11-12 febbraio 1997. A cura di Michele Fatica e Francesco D'Arelli. Napoli. 1999. 488 p.

Longobardi C. Eboli tra cronaca e storia, vol. IV. Salerno. 1998.

Margotti F. La Cina catolica al traguardo della maturità, in Sacroe Congregationis de Propaganda Fide Memoria Rerum. 350 anni al servizio delle missioni 1622 – 1972. Herder. 1975.

Malpica C. Il Collegio de' Cinesi in Napoli. L'apostolo. Poliorama pittoresco, n. 41 del 25 maggio 1839. Pp. 324-326.

Nardi G. Cinesi a Napoli. Un uomo e un'opera. Napoli. 1976. 702 p.

Nicolini N. L'Istituto Orientale di Napoli. Origini e statute. Roma. 1942. 378 p. 77. Per una storia del processo di canonizzazione di Matteo Ripa: problemi di filologia e di agiografia, in collaborazione con Vittorio Carpentiero, in Aldo Gallotta e Ugo Marazzi (a cura di), La conoscenza dell'Asia e dell'Africa in Italia nei secoli XVIII e XIX, vol. III, tomo I, Istituto Universitario Orientale. Napoli. 1989. Pp. 73-110.

Petech L. Una carta cinese del secolo XVIII. Annali dell'Istituto Universitario Orientale di Napoli. 1954. 3 p.

Sary G. Nota sul ritrovamento a San Pietroburgo di un «Atlante» di Matteo Ripa, in «Scritture di storia» (Quaderni diretti da Luigi Cortesi e Michele Fatica), n. 2. Napoli. Maggio. 2001. Pp. 123-126.

Tamburello A. Matteo Ripa ed il Collegio dei Cinesi. In «Annuario dell'Istituto Universitario Orientale. Anni accademici 1967/68-1982/83». Napoli. 1987. Pp. 85-109.

Tessitore Fulvio. Giorgio Levi Della Vida: la sua presenza a Napoli ed il valore etico del suo insegnamento. Napoli, Istituto Universitario Orientale. 1986. Pp. 7-14.

Varo Francisco. Estratto del trattato composto dal reuerendissimo padre fr. Francesco Varo dell'ordine de' Predicatori ... circa il culto, offerte, riti, e cerimonie, che praticano i chinesi in honore del loro maestro Confusio. Napoli. 1700.

Valva Gaetano Dino. Matteo Ripa e la Questione del Clero Locale. Reggio Emilia. 2003.

Brockey L. M. *Journey to the East: the Jesuit mission to China. 1579–1724.* Cambridge, Mass: Belknap Press of Harvard University Press. 2007. 496 p.

Chambers I., Curti L. *The Postcolonial Question: Common Skies, Divided Horizons.* Routledge. 2002. 288 p.

Cheng C. M. B. *Macau: a Cultural Janus. Hong Kong:* Hong Kong University Press, 1999. P. 78.

Cohen W. J. *The Chinese connection: Roger S. Greene, Thomas W. Lamont, George E. Sokolsky and American-East Asian relations.* Columbia. 1978. 322 p.

Corsi E. «Late Baroque painting in China prior to the arrival of Matteo Ripa. Giovanni Gherardini and the perspective painting called Xianfa». *La Missione cattolica in Cina tra i secoli XVIII–XIX. Atti del colloquio internazionale Napoli, 11-12 febbraio 1997, a cura di Michele Fatica e Francesco d'Arelli. Napoli. Istituto universitario orientale. 1999 (Collana Matteo Ripa, 16). Pp. 103-122.*

Cummins James F. *A Question of Rites. Friar Domingo Navarrete and the Jesuits in China.* Aldershot, Hants: Scolar Press. 1993. 349 p.

Fidel Villarroel. “The Chinese rites controversy: Dominican viewpoint,” in *Philippina Sacra*, 28, 1993. Pp. 5-61.

Foss Th. N.. *A Jesuit Encyclopedia for China: A Guide to Jean-Baptiste du Halde's Description... de la Chine (1735). Vol. I. Dissertation University of Chicago. 1979.*

Gernet J. *China and the Christian impact. A conflict of cultures.* New York/ Paris. 1985.

Lanfranco C. *Il Vangelo secondo Matteo Ripa. La vita del missionario che conquistò la Cina.* Napoli. Iuppiter. 2010. 176 p.

Latourette K. S. *A History of Cristian Mission in China. L., Society for Promoting Christian Knowledge. 1929. 930 p.*

Lin Jinshui. «Chinese Literati and the Rites Controversy». In: David E. Mungello (edited by), *The Chinese Rites Controversy. Its History and Meaning.* Sankt Augustin & Nettetal: Monumenta Serica & Steyler Verlag, Monograph Series XXXIII. 1994. Pp. 65–82.

Loehr George. *Missionary Artists at the Manchu Court.* Transactions of Oriental Ceramic Society (TOCS). Vol. 34. 1962–1963. Pp. 51–67.

Malatesta E. J. «A Fatal Clash of Wills: The Condemnation of the Chinese Rites by the Papal Legate Carlo Tommaso Maillard de Tournon». In David E. Mungello (edited by), *The Chinese Rites Controversy. Its History and Meaning.* Sankt Augustin & Nettetal: Monumenta Serica Monograph

Series XXXIII & Steyler Verlag, 1994.

Menegon E. «Jesuits, Franciscans and Dominicans in Fujian: The Anti-Christian Incidents of 1637-1638» in (edited by) Tiziana Lippiello and Roman Malek 'Scholar from the West' Giulio Aleni S.J. (1582-1649) and the Dialogue between Christianity and China. Sankt Augustin & Brescia: Monumenta Serica Monograph Series XLII & Fondazione Civiltà Bresciana, Annuali IX. 1997. Pp. 219-262.

Menegon E. «Christian Loyalists, Spanish Friars and Holy Virgins in Fujian during the Ming-Qing Transition». In Monumenta Serica, 51. 2003. Pp. 335-365.

Menegon E. Jesuit-Dominican controversies over Chinese rituals: European and Chinese textual strategies. Boston University, Department of History. 2008.

Menegon E. Ancestors, Virgins, & Friars Christianity as a Local Religion in Late Imperial China. Cambridge (Massachusetts) and London: Harvard University Asia Center & Harvard University Press. 2009. 450 p.

Minamiki G. The Chinese rites controversy: from its beginning to modern times. Chicago: Loyola University Press. 1985. 353 p.

Mosheim J. Authentic Memoirs of the Christian Church in China... Miscellaneous pieces relating to the Chinese, 1762. McGlashan & Gill, 1862. 111 p.

Mungello D. E. (edited by). The Chinese Rites Controversy. Its History and Meaning. Sankt Augustin & Nettetal: Monumenta Serica & Steyler Verlag, Monograph Series XXXIII. 1994. 356 p.

Mungello D. E. The Great Encounter of China and the West 1500-1800. New York. 2009. 167 p.

Mungello D.E. Reinterpreting the history of Christianity in China. The Historical Journal. 2012. 55(2). Pp. 533-552.

Reed M., Demattè P. China on Paper: European and Chinese Works from the Late Sixteenth to the Early Nineteenth Century. Getty Publications. 2011. 235 p.

Rogers H., Lee Sh. E. Masterworks of Ming and Qing Paintings from the Forbidden City. Lansdale. 1989.

Rouleau F. A. «Maillard de Tournon Papal Legate at the Court of Peking» In: Archivum Historicum Societatis Iesu, XXXI, n. 62. 1962. Pp. 264-321.

Rouleau F. A. «Chinese Rites Controversy» in New Catholic Encyclopedia, vol. III, Washington, 1967. Pp. 611-617.

Rinaldi B. M. Ideas of Chinese Gardens: Western Accounts, 1300-1860. Penn Studies in Landscape Architecture. University of Pennsylvania Press, 2015. 384 p.

Rule P. K'ung-tzu or Confucius. The Jesuit Interpretation of Confucianism. Sydney/London/Boston: Allen & Unwin, 1986. 303 p.

Rule P. Towards a History of the Chinese Rites Controversy. In David E. Mungello (edited by), *The Chinese Rites Controversy. Its History and Meaning*, Steyler Verlag, Nettetal: Monumenta Serica Monograph Series XXXIII. Sankt Augustin. 1994. Pp. 249-266.

San Roman Miguel, Ángel. «The End of the Rites». In: *Symposium in Commemoration of the 70th Anniversary of the Consecration of the First Six Chinese Bishops*. Fugen University. Taipei. 1997. Pp. 129–152.

Sisto R. A. Apostolic Legations to China of the Eighteen century. South Pasadena: P.D. and Ione Perkins, 1948. 502 p.

Standaert N. (edited by). *Handbook of Christianity in China. Volume One: 635–1800*. Brill, Leiden–Boston–Köln. 2001. 992 p.

Stumpf K., von Collani C., Rule P. (ed). *The Acta Pekinensia or Historical Records of the Maillard de Tournon Legation. Vol. 1, Monumenta historica Societatis Iesu (Vol. 9), Jesuiten, Macau Ricci Institute institutum Historicum Societatis Iesu*, 2015.

Standaert N. *Chinese Voices in the Rites Controversy. Travelling Books, Community Networks, Intercultural Arguments*. (Bibliotheca Instituti Historici; 75). Rome, Institutum Historicum Societatis Iesu. 2012. 473 p.

Song Gang. Giulio Aleni, Kouduo richao and Christian–Confucian Dialogism in Late Ming Fujian. *Monumenta Serica Monograph Series*, Routledge. 2018. 428 p.

Szczesniak B. The Seventeenth Century Maps of China: an Inquiry into the Compilation of European Cartographers, in «*Imago Mundi*», XIII. 1956. Pp. 116-136.

Treadgold D. W. *The West in Russia and China: Religious and secular thought in modern times*. Cambridge. 1973. 324 p.

Villarroel Fidel. «The Chinese rites controversy: Dominican viewpoint». In: *Philippina Sacra*, 28. 1993. Pp. 5–61.

Von Collani C. “Charles Maigrot’s role in the Chinese Rites Controversy.” David E. Mungello (edited by), *The Chinese Rites Controversy. Its History and Meaning*, Monumenta Serica Monograph Series XXXIII, Sankt Augustin, Steyler Verlag. Nettetal. 1994.

Von Collani C. «Legations and Travelers». In: Nicolas Standaert (edited by), *Handbook of Christianity in China, Volume One: 635-1800*. Brill, Leiden–Boston – Köln. 2001.

Von Collani C. «Jing Tian–The Kangxi Emperor’s gift to Ferdinand Verbiest in the Rites Controversy». In: (a cura di John W. Witek S.J.), *Jesuit Missionary, Scientist, Engineer and Diplomat*. Sankt Augustin & Nettetal: Monumenta Serica, Steyler Verlag & Ferdinand Verbiest Foundation. 1994. Pp. 149–183.

Witek J.W. «Claude Visdelou and the Chinese Paradox». In: Edward Malatesta & Yves Raguin (Ed. by), *Images de la Chine: Le contexte occidental de la sinologie naissante*. Taipei & Paris: Varietètes

Sinologiques -Nouvelle Sèries–vol. 78. Ricci Institute, 1995.

Young J. D. Chinese Views of Rites and the Rites Controversy, 18th—20th Centuries. In D.E. MUNGELLO (Ed.)The Chinese Rites Controversy. Its History and Meaning. Sankt Augustin & Nettetal: Monumenta Serica Monograph Series XXXIII & Steyler Verlag, 1994. Pp. 83-110.

на французском языке

Comentale Christophe. Ripa, graveur aquafortiste et la tradition del la gravure soue les Qing. Napoli. 1985

Cordier H. Bibliotheca Sinica, 5 vol., Paris 1904-24, no. 184.

D'Elia P. M. Les missions catholiques en Cine, Shangai. 1934.

Dreyfus P. Matteo Ricci. Le jésuite qui voulait convertir la Chine, Parigi. Éditions du Jubilé. 2004. 290 p.

Gaubil Antoine. Corrispondance de Pékin 1722–1759. Renée Simon (ed.) Genève 1970. 952 p.

Bernard H. Note complémentaire sur l'Atlas de K'ang-hi. «Monumenta Serica», XI, 1946. Pp. 191-200.

Pimpaneau J. Histoire de la litterature chinoise. Paris. 1989. 444 p.

Thomas A. Histoire de la Mission de Pekin,t. I, Depuis les origins jusqu'a l'arrivee des Lazaristes. Paris 1923; t. II, Depuis l'arrivee des Lazaristes jusqu'a la revolte des Boxeurs. Paris. 1926.

на немецком языке

Fuchs W. Materialien zur Kartographie der Mandju-Zeit. Monumenta Serica, I. 1935. Pp. 386-427

Herrmann Albert. Die Karte on 1718, in Sven Hedin, Southern Thibet, vol. VII. Stockholm. 1922. Pp. 288-290

на испанском языке

Corsi E. «El debate actual sobre el relativismo y la producción en las misiones católicas durante la primera edad moderna: Una lección para el presente?», in Elisabetta Corsi, ed., Órdenes religiosas entre América y Asia. Ideas para una historia misionera de los espacios colonials. Mexico City: El Colegio de México. 2008. 309 p.

Corsi E. «La retórica de la imagen visual en la experiencia misional de la Compañía de Jesús

en China (siglos XVII–XVIII): una evaluación a partir del estado de los estudios», in Perla Chinchilla & Antonella Romano, ed., *Escrituras de la modernidad: Los jesuitas entre cultura retórica y cultura científica*. Mexico City. Universidad Iberoamericana. 2008.

San Roman Miguel, Ángel. *Cristianos laicos en la misión dominicana del norte de la provincia de Fujian, China, en el siglo XVII*. Roma. 2000. 399 p.

St. Sure Donald F. (tradotti da) & Noll Ray R. (a cura di). *100 Roman Documents Concerning the Chinese Rites Controversy (1645–1941)*. San Francisco.: Ricci Institute. 1992.

на португальском языке

Martins do Vale A. M. *Entre a cruz e o dragão: o padroado português na China no século XVIII*, *Orientalia* (Lisbon, Portugal) (T. 8) Fundação Oriente. 2002. 706 p.

Vasconcelos de Saldanha A. *De Kangxi para o Papa, pela via de Portugal. Memória e Documentos relativos à intervenção de Portugal e da Companhia de Jesus na questão dos Ritos Chinese e nas relações entre o Imperador Kangxi e s Santa Sé*. Instituto Português do Oriente. Macau. 2002. Vol. I. 452 p.; Vol.II. 464 p.; Vol.III, 466 p.

на китайском языке

Liu Ya-xuan. *Matteo Ripa Coming to China at The Beginning of Qing Dynasty and The Cultural Exchange between China and the West*, History Department, Zhejiang University 2009.

Чжан Сипин, Гэнсуй Ли Ма-доу дао Чжунго (В Китай вслед за Маттео Риччи). *Издательство Учжоу Чуаньбо*. 2006. 173 p.

На русском языке

Беляев Е. А., Илизаров С. С., Тимофеев И. С. *Архив истории науки и техники*. Том 3. М., Наука, 1995.

Волчкова Е.В. *Христианские мотивы в творчестве У Ли (1632 – 1718)*. В: *Ломоносовские чтения. Востоковедение: тезисы докладов научной конференции*. 2014. С. 203-205.

Волчкова Е.В. *Образ европейцев в сборнике «Сиян цзаюн» (Разные напевы о западном океане) коммерсанта и поэта Пань Юду (1755–1820)*. В: *Ломоносовские чтения. Востоковедение Тезисы докладов научной конференции*. 2015. С. 20-21.

Дацышен В.Г. *Христианство в Китае: история и современность*. Научно-образовательный форум по международным отношениям. Москва. 2007. 240 с.

Дубровская Д. В. Миссия иезуитов в Китае. Маттео Риччи и другие (1552–1775 гг.). М., ИВ РАН, 2000. 256 с.

Дубровская Д. В. Художник-иезуит Джузеппе Кастильоне (1688–1766) и Си-Юй // История. Культура. Общество. (Сборник материалов Международной Уйгуроведческой конференции). М., МИР. 2017. С. 133–140.

Дубровская Д.В. Итальянский художник Лан Шинин: Джузеппе Кастильоне (1688—1766) при дворе Сына Неба. М., ИВ РАН. 2018. 140 с.

Дубровская Д. В. Восприятие европейской линейной перспективы в Китае на примере живописи Джузеппе Кастильоне (Лан Шинина; 1688–1766 гг.) // Вестник Института востоковедения РАН. 2018, № 2. С. 89–101.

Дубровская Д. В. Иезуиты и эпоха Просвещения в Европе: новое видение Китая от Маттео Риччи до Адама Смита // Ориенталистика. 2018. №1(2). С. 194–208.

Дубровская Д. В. Все пути ведут из Рима. Христианские миссии в Поднебесной империи от несториан (VII в.) до папы Франциска / Отв. ред. Д. Д. Васильев. М.: ИВ РАН, 2020. 372 с.

Дюгальд Ж.Б. Географическое, историческое, хронологическое, политическое и физическое описание Китайской империи и Татарии Китайской. Ч. 2. СПб., 1777.

Ломанов А.В. Христианство и китайская культура. М. 2002. 446 с.

Неглинская М.А. Китайские расписные эмали в коллекции Государственного музея искусства народов Востока. Научный каталог. М., 1995. 68 с.

Неглинская М.А. Шинуазри в Китае: цинский стиль в китайском искусстве периода трех великих правлений (1662–1795). М., Издательство «Спутник+», 2012. 478 с.

Неглинская М.А. Шинуазри в Китае: цинский стиль в китайском искусстве периода трех великих правлений (1662–1795). Изд. 2-е, испр. М., ИВ РАН. 2015. 468 с.

Родригес А. М. Реформация и модернизация религиозной и политической идеологии на Востоке (XIX– XX вв.). М., Прометей, 2011. 280 с.

Сидорченко Л.В. Александр Поуп и художественные искания в английской литературе первой четверти XVIII века. Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1992. 152 с.

Смертин Ю.Г. Синтез художественных традиций Европы и Китая: жизнь и творчество Джузеппе Кастильоне (1688–1766) // Studia Culturae: Вып. 3 (29): Conventus. 2016. С. 175–184

Таката Т. Пояснения к картинам батальных сцен «Покорения Западного края» императора Цянь-луна (пер. с англ. В.В. Щепкина, под ред. И.Ф.Поповой) // Письменные памятники Востока, 2(15), 2011. С. 279–290

Юсупова Т.И. Российско-китайские научные связи: проблемы становления и развития. М., Нестор-История. 2005.

Ресурсы Интернет

на итальянском языке

Pastore M. Da Eboli a Pechino. [Электронный ресурс]. URL: <http://massimo.delmese.net/11578/matteo-ripa-da-eboli-a-pechino/> (дата обращения: 28.12.2023).

на английском языке

Stylistic And Historical Development From 220 To 1206 CE. Онлайн-портал Encyclopædia Britannica. Электронный ресурс. URL: <https://www.britannica.com/art/Chinese-architecture/Stylistic-and-historical-development-from-220-to-1206-ce> (дата обращения: 28.12.2023).

на русском языке

Данилов В. История католических миссий до начала XX века. [Электронный ресурс]. URL: https://veritas.katolik.ru/books/hist_missij.htm (дата обращения: 28.12.2023.).

Китаист. Онлайн-портал Академик. Электронный ресурс. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/967989> (дата обращения: 28.12.2023).

Постников А.В. Новые данные о российских картографических материалах первой половины XVIII в., вывезенных ж.-н. Делилем во Францию. Онлайн-портал «Восточная литература». Электронный ресурс. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XVIII/1720-1740/Unkovskij/framelandkarta.htm> (дата обращения: 28.12.2023).

Уникальная миссия отца Маттео Риччи. Католик, Христианский католический портал. URL: <http://www.katolik.ru/mir/105727-2010-06-02-12-31-42.html> (дата доступа: 28.12.2023).

Научное издание

МАТТЕО РИПА.
ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕКА. СУДЬБА КНИГИ
МИССИОНЕР ПРИ ДВОРЕ ИМПЕРАТОРА КАНСИ
Монография

Редакторы *М. С. Грикурова, А. И. Волынский*
Дизайн обложки, компьютерная верстка *М. С. Круглова*

Общероссийский классификатор продукции ОК 034-2014 (КПЕС 2008)
58.11.12 - Книги печатные профессиональные, технические и научные

Подписано в печать 15.12.2023. Уч-изд. л. 10,8. Тираж 500. Заказ 1386

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН)
Научно-издательский центр, заведующий *А. О. Захаров*
107031, Россия, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12

Архив-каталог книг ФГБУН ИВ РАН - на сайте <https://book.ivran.ru>

Сообщения об опечатках, ошибках и неточностях, обнаруженных в книгах, изданных ФГБУН
ИВ РАН, отправлять на адрес электронной почты izd@ivran.ru

